

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В.М. Смокотин
МНОГОЯЗЫЧИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

on and similar papers at core.ac.uk

provided by Tomsk

И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАТИВНЫХ
БАРЬЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

Под научной редакцией профессора С.К. Гураль

Издательство Томского университета
2010

УДК304.2:81'26:811.1/9

ББК 71.4:81.2/81.7

С 78

Рецензенты:

проф. Тюменского государственного университета *В.И. Сушкова*,
зав. кафедрой лингвистического образования ТРТУ, д-р пед. наук,
проф. *И.А. Цатурова*

Смокотин В.М.

С 78 Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 222 с.

ISRN 978-5-7511-1958-4

Рассматривается культурное и языковое многообразие мира, находящее своё отражение в многоязычии и поликультурности народов, населяющих земной шар. Особое внимание уделено вопросам сохранения этнокультурной идентичности в условиях доминирования крупных языков и культур. В книге описывается функционирование многоязычия на уровне отдельных обществ и на уровне международных отношений. На примере общественного и государственного многоязычия в Европе, на американском континенте, в Африке, в Азии и в Океании выявляются различия в отношении к многоязычию и в путях преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров. Анализ языковой ситуации в многоязычных обществах, представленный в монографии, демонстрирует, что игнорирование языковых и культурных прав меньшинств может привести к весьма отрицательным последствиям.

Для исследователей влияния глобализации на языки и культуры, а также для аспирантов и студентов, специализирующихся в области культурологии, социолингвистики и межкультурной коммуникации.

УДК 304.2:81'26:811.1/9

ББК 71.4:81.2/81.7

ISRN 978-5-7511-1958-4

© В.М. Смокотин, 2010

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. Глобальная информационная революция и угроза культурному и языковому разнообразию планеты

Процессы информатизации общества во второй половине XX столетия и превращение информации и знаний в ведущую производительную силу экономики привели к возникновению информационного общества, или общества, основанного на знаниях. Всё возрастающая роль науки и техники во всех областях человеческой жизни была отмечена ещё в конце 30 годов XX столетия английским физиком и политическим деятелем Джоном Берналом, который предложил для описания этого явления термин «научно-техническая революция» [1]. Концепция «научно-технической революции» особенно широко использовалась в Советском Союзе и странах социалистического лагеря, так как она не противоречила марксистскому учению о производительных силах индустриального общества. Наука признавалась при этом одной из производительных сил наряду с трудом и капиталом.

Однако изменения общественных отношений в послевоенные годы и рост в экономике развитых стран Запады сферы услуг, науки и образования при одновременном сокращении сферы материального производства означали, по мнению ряда западных социологов, смену индустриального общества новой общественной формацией – постиндустриальным обществом. Термин «постиндустриальное общество» был впервые предложен американским социологом Даниэлем Беллом в 1980 году и получил широкое распространение в современных социологических исследованиях [2]. Японский исследователь Ионедзи Масуда выделил как основной фактор развития постиндустриального общества «информацию», на основе чего он охарактеризовал современное общество как начальную стадию информационного общества, в котором происходит трансформация человеческих ценностей. В своей книге «Информационное общество как постиндустриальное общество» Масуда представляет футурологическое видение дальнейшего развития информационного общества в

XXI веке, которое будет функционировать на основе синергетической рациональности, а не на принципе свободной конкуренции предшествующих общественных формаций [3]. Изменения в информационном секторе США были впервые проанализированы в начале 60-х годов американским учёным австрийского происхождения Фритцем Махлупом, который определил знание как товар и принял попытку измерить величину производства и распределения продуктов индустрии знаний в экономике. Уже в то время продукты нематериального производства составляли, по его расчётам, до 29 % валового национального продукта США, что позволило ему сделать вывод о начале информационного века [4]. Понятие информации как важной составляющей процессов во Вселенной наряду с материей и энергией было впервые использовано основателем кибернетики Норбертом Винером в 40-х годах XX столетия [5]. Если в первые десятилетия после Второй мировой войны рост влияния информации как одного из продуктов современной экономики носил эволюционный характер, серия революционных технологических открытий, приведших к изобретению микропроцессорной технологии и появлению персонального компьютера, положила начало зарождению информационной революции. Экономические основы теории информационной революции были изложены ещё в 1984 году Йенниусом Венерисом, который разработал компьютерную модель перехода от индустриальной к информационной экономике. Как важный элемент информационной революции Венерис выделил возрастающую роль инноваций, возникающих в результате производства новой информации в виде новых продуктов, новых методов, технологических процессов и т.д. [6]. На рубеже XX и XXI веков в связи с возрастанием роли информационных и коммуникативных технологий (ИКТ) информационная революция приобрела настолько широкомасштабный характер, что всемирную глобальную сеть для быстрой передачи информации в цифровом виде с использованием компьютеров, спутниковых антенн и мобильных телефонов стали называть информационной магистралью (Information Superhighway). Информационная революция ускорила формирование информационного общества, или общества знаний, и привела к социальным преобразованиям во всех сферах жизни, включая экономику, культуру и политику. Под влиянием распространения информационно-коммуникационных технологий возрастает скорость и эффектив-

ность обмена информацией, что ведёт не только к расширению границ общения и сотрудничества во всех сферах человеческой деятельности, но и к переоценке ценностей и расширению мировоззрения. Революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий как наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века и в значительной степени определяющих не только экономические, но и социальные процессы, было признано наиболее влиятельным форумом в мире в начале третьего тысячелетия – Группой восьми (в российской публицистике – Большая восьмёрка), которая в Окинавской хартии глобального информационного общества (2000) отметила «революционное воздействие ИКТ на образ жизни людей, их образование и работу, а также взаимодействие правительства и гражданского общества» [7]. Главы правительств самых влиятельных стран мира, включая Россию, подчеркнули такие общечеловеческие ценности, от которых зависит устойчивость глобального информационного общества, как «свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей» [7].

Группа восьми возникла как неофициальный политический и экономический форум лидеров наиболее промышленно развитых стран в течение 70-х годов XX века с целью координации действий в области экономики. По мере становления информационного общества, кроме экономических и политических проблем, Большая восьмёрка стала включать в повестку своих ежегодных встреч важные природоохранные и социальные проблемы всего земного шара, а не только вопросы, затрагивающие интересы стран-участниц форума. Так, тематика встречи Группы восьми в 1985 году в Бонне была сформулирована следующим образом: опасности экономического протекционизма, политика в области охраны окружающей среды, сотрудничество в сфере науки и технологий. Последующие встречи Большой восьмёрки всё больше отражали изменение системы ценностей, характерных для индустриального общества, и признание важности сохранения для будущих поколений экологического и культурного наследия планеты. Информационная революция, превратив информацию и знания в товар, привела к опасности разделения общества и государств на информационно богатые и информационно бедные. Такое разделение ведёт к социальному неравенству и к возникновению конфликтов и нестабильности как на локальном,

так и на глобальном уровнях. Разделение общества по степени включения в общество знаний и возможности пользоваться информационными и коммуникационными технологиями получило название «электронно-цифрового разрыва» (digital divide). Вопрос преодоления электронно-цифрового разрыва обсуждался Группой восьми на встрече в 2000 году в Окинаве. Окинавская хартия глобально-информационного общества заявила о праве каждого человека иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям. Стратегия, направленная на преодоление электронно-цифрового разрыва, одобренная на окинавском форуме, включала содействие установлению благоприятных рыночных условий, необходимых для предоставления населению услуг в области коммуникаций; создание дополнительных возможностей, включая доступ через учреждения, открытые для широкой публики; совершенствование сетевого доступа, в особенности в отсталых городских, сельских и отдалённых районах, а также для людей с меньшей социальной защищённостью, включая людей с ограниченной трудоспособностью и пожилых граждан. Для преодоления электронно-цифрового разрыва также предусматривалось содействие дальнейшему развитию новых технологий, облегчающих доступ к сети Интернет и более широкое использование бесплатного общедоступного информационного наполнения и открытых для всех пользователей программных средств [8]. Хартия рекомендовала развивающимся странам принять последовательные национальные программы, направленные на поддержку развития информационных технологий с целью преодоления международного электронно-цифрового разрыва.

Информационная революция и политические изменения, обусловленные новыми ценностями информационного общества, привели к значительному ускорению интеграционных процессов в мире, которые в разной степени присутствовали на наиболее ранних стадиях развития цивилизации, особенно с возникновением и развитием индустриальной революции. Рост международных экономических и торговых связей до Второй мировой войны, однако, был в значительной мере ограничен из-за традиционной политики государств-наций, построенной на протекционизме. Окончание Второй мировой войны открыло новые возможности для расширения международного сотрудничества и интеграции национальных экономик в единую глобальную экономику. Глобализационные процессы в послевоен-

ный период начались с принятия под эгидой ООН международной системы организации денежных отношений и торговых расчётов, установленных в результате Бреттон-Вудской конференции 1944 года. Бреттон-Вудская валютная система имела целью восстановление и резкое увеличение объёмов международной торговли на основе стабильного равновесия международного обмена, поддерживаемого системой фиксирования валютных курсов. Система учредила Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (Всемирный банк) для контроля за соблюдением странами-членами принципов работы их валютных систем. Ведущая роль США в интеграции мировой экономической и финансовой системы признавалась принятием золотодолларового стандарта, при котором были установлены твёрдые обменные курсы национальных валют к доллару. Курс доллара как мировой ключевой валюты был фиксирован к золоту.

Бреттон-Вудская система положила начало глобализации мировой экономики в период стабильности американского доллара за счёт доминирования американской экономики и самого крупного мирового запаса золота в США. Кризис Бреттон-Вудской системы в начале 70-х годов и начавшаяся информационная революция создали условия для ускорения глобализационных процессов, но о настоящей глобализации стало возможным говорить лишь после окончания «холодной войны» и присоединения бывшего социалистического лагеря к мировой экономической системе.

В 1973 году Ямайская международная конференция отменила систему твёрдых обменных курсов национальных валют и подчинила курсы валют законам рынка. Модель свободных взаимных конвертаций была окончательно утверждена на Ямайской конференции 1976 года и действует по настоящее время. Свободное движение капитала в результате отмены фиксированных курсов валют и возникновения крупных валютных рынков было подкреплено процессами дерегуляции, или отмены государственного контроля над национальными экономиками, в конце 1970-х годов, и значительно облегчило движение товаров и капитала через государственные границы. Решающим фактором в установлении необратимых процессов глобализации послужило бурное развитие информационных и коммуникационных технологий, которые сделали возможными деятельность глобальных корпораций и установление глобального рынка.

Глобализация часто понимается как экономический процесс, ведущий к интеграции национальных экономик в единый мировой рынок путём свободного движения капитала, рабочей силы, продуктов и услуг через межгосударственные границы [9]. Роль экономики в жизни общества, однако, настолько значительна, что то, что началось как перестройка национальных экономических систем и их слияние в единую мировую систему, привело к глубоким изменениям во всех сферах общества, включая политику, культуру, науку и т.д. Главным следствием глобализации явилось улучшение качества жизни и снижение уровня бедности в развивающихся странах. Так, согласно данным Всемирного банка, в период с 1981 по 2001 год число людей, живущих менее чем на 1 доллар в день, в странах Восточной Азии и Тихого океана сократилось с 57,7 % до 11 % от общей численности населения. Уровень бедности сократился также и в развивающихся экономиках Южной Америки. Как показатель влияния степени вовлечённости в глобализационные процессы в странах чёрной Африки с наименьшим уровнем интеграции в мировую экономику уровень бедности за тот же период не только не сократился, но даже увеличился [10]. Глобализация ведёт также к снижению опасности мировых конфликтов, характерных для отношений, основанных на протекционизме. Крупный американский исследовательский центр Институт Катона (Cato Institute) в своих публикациях в поддержку глобализации выделяет также демократизацию государств, вовлечённых в данный процесс. Согласно данным Института Катона, 90 % стран с наивысшим рейтингом экономической открытости имеют демократическую форму правления, тогда как 50 % стран с наиболее закрытыми экономиками не являются демократиями [11]. Информационная революция также значительно ускорила глобальные интеграционные процессы в области науки, образования, международного права и культуры. В области науки и образования глобализация привела к расширению контактов, широкому информационному обмену и созданию общего европейского и мирового образовательного пространства [12]. Международный культурный обмен за счёт увеличения иммиграционных и туристических потоков, а также обмена книгами, фильмами, телевизионными программами, видеоиграми, музыкальными программами на цифровых дисках и другими культурными товарами устранил культурные барьеры между народами земного шара и обеспечил доступ к куль-

турному и языковому разнообразию. Культурный аспект глобализации, по мнению британского исследователя Филиппа Легренна, освободил людей от тирании географии, позволил им расширить своё видение мира посредством ознакомления с многообразием различных форм проявления культуры, независимо от временных и пространственных ограничений. «То, что мы все более свободны в выборе нашего культурного опыта, во многом обогащает нашу жизнь. Культурные богатства мира безграничны, и мы не можем охватить даже самое лучшее из того, что мир может предложить» [13].

1.2. Концептуальный сдвиг в отношении к культурному и языковому разнообразию мира

Глобализация во всех сферах человеческой деятельности, и особенно в области культурного обмена, привела не только к глубоким изменениям в укладе жизни в результате возрастания роли науки и инновационных технологий, но и отразилась на общественном сознании. Информационная революция значительно расширила наше знание мира, заставила по-иному относиться к вопросам, которые раньше волновали лишь узкий круг людей, связанных с научной и политической деятельностью. Так, когда в 1968 году итальянский учёный и политический деятель Аурелио Печчеи основал международную общественную организацию Римский клуб с целью исследования развития человечества в эпоху научно-технической революции, идеи сохранения окружающей среды и гармонизации отношений человека и природы имели ограниченное хождение среди мировой культурной и научной элиты. Результаты научных исследований Римского клуба на основе построения первых компьютерных моделей мира были опубликованы в серии «Докладов Римскому клубу» под общим названием «Трудности человечества» и привлекли внимание мировой общественности к негативным тенденциям ничем не контролируемого экономического роста в масштабах всей планеты.

Первый доклад Римскому клубу «Пределы роста», опубликованный в 1972 году, вызвал ожесточённые споры о последствиях применения новых технологий и, несмотря на излишний пессимизм авторов относительно перспектив развития человечества, сыграл важную роль в распространении глобального мышления. Работа президента клуба Печчеи «Человеческие качества», впервые опублико-

ванная в 1976 году, выдвинула идею «внутренних пределов», то есть идею совершенствования человека, раскрытия его новых потенциальных возможностей. Человек должен исходить из возможностей окружающей его природы, не доводя их до крайних пределов. Мысль Печчеи о необходимости «резкого скачка в понимании действительности» [14] способствовала дальнейшему изменению общественного сознания складывающегося информационного общества. Одним из наиболее показательных изменений в общественном сознании людей глобализационной эры является концептуальный сдвиг в отношении к культурному и языковому разнообразию планеты.

Научные исследования периода информационной революции выявили многообразие культурных и лингвистических форм, неизвестных на предшествующих этапах развития человечества, но в то же время продемонстрировали опасность утраты культурного и языкового наследия в результате глобализационных процессов, приводящих к гомогенизации культур и вытеснению и отмиранию малых языков за счёт небольшой группы доминирующих языков. Информационный парадокс эры глобализации, заключающийся в том, что многообразии культурных форм, представляемое информационными технологиями, вместо ожидаемого культурного разнообразия ведёт к культурному однообразию и нивелированию единого мирового общества, объясняется, как считают некоторые исследователи, доминированием некоторых культурных систем. Так, Тайлер Кауин в своей работе, посвящённой воздействию глобализации на мировые культуры, пишет: «Международные культурные контакты представляют людям больше выбора, но они часто выбирают одинаковые вещи» [15]. В наибольшей опасности утраты национальной культуры и языка находятся малые народы, не имеющие собственной государственности, чьи языки не имеют официального статуса. Язык как неотъемлемая часть культуры является наилучшим индикатором состояния малых культур и их жизнеспособности. Исчезновение языков, как правило, сопровождается утратой культуры носителей данных языков в результате ассимиляции доминирующим языком и культурой. В период колонизации и индустриальной революции тысячи языков так называемых коренных народов Северной и Южной Америки, Австралии и Океании были утрачены в результате целенаправленной ассимиляционной политики. В настоящее время, несмотря на усилия правительственных и частных благотворительных

организаций по спасению малых языков и культур, угроза языковому и культурному разнообразию из-за глобализационных процессов остаётся. Известный британский лингвист Дэвид Кристал считает, что большинство языков меньшинств может исчезнуть к концу XXI столетия, в то время как многие широко используемые языки могут утратить свои позиции и попасть в категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения. Кристал высказался за изменение отношения к языкам меньшинств со стороны правительственных органов и местных сообществ и предложил ряд мер, направленных на сохранение языкового разнообразия [16].

Многие исследователи и политические деятели при изучении вопросов, связанных с угрозой культурному и языковому разнообразию мира, пользуются сравнением разнообразия животного и растительного мира и культурного и языкового разнообразия планеты. Данный подход позволил ввести в употребление термины «экология языков» и «устойчивость (или устойчивое развитие) языков и культур» (*sustainability of languages and cultures*). Испанский лингвист Альберт Бастардас-Боада из Барселонского университета называет подобные междисциплинарные аналогии и метафоры «полезными инструментами для мышления и творческой деятельности». По его мнению, перенос концепции об устойчивом развитии из биологии в лингвистику и её применение для изучения проблем сохранения языкового разнообразия позволяет преобразовать и адаптировать некоторые из основных идей биологических исследований при изучении организации разнообразия человеческих языков [17]. Впервые ссылка на экологию языка была использована ещё в 1959 году Джоном Тримом в лингвистическом журнале “*Language and Speech*” [18]. Как концепция понятие «экологии языка» было впервые сформировано Эйнармом Хаугеном, который, говоря об эвристической ценности данной метафоры, подчёркивал, что лингвистика не должна заниматься «лишь описанием языков, но и изучением возможности их культивирования и сохранения» [19]. К началу третьего тысячелетия искусственно созданная человеком техносфера стала сопоставима с биосферой Земли, что привело к обострению экологических проблем планеты. Осознание опасностей, связанных с нарушением природного равновесия биосферы в результате совокупной человеческой деятельности, определило изменение ценностных установок в мире в отношении системы «природа–общество» и приоритизацию идеи о

необходимости поддержания разнообразия животного и растительного мира. В то же время принятие концепций экологии языка и устойчивого развития мировой системы языков потребовало значительных усилий со стороны лингвистов и защитников прав малых народов Земли.

Внимание к судьбе культур и языков малых народов было привлечено в результате изменений общественного сознания в течение XX века, и особенно в период информационной революции. Из 6909 известных языков планеты, по данным шестнадцатого издания каталога языков мира «Этнолог», 33 языка используются 77 % населения земного шара, в то время как свыше 6000 языков используются небольшими этническими группами, некоторые из которых составляют менее тысячи человек [20]. Большинство этих языков нуждаются в защите, так как не имеют статуса государственных или официальных языков, и сфера их использования постоянно сокращается.

Права языковых меньшинств на поддержание своих языков и культур были впервые подтверждены в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, созданном в 1966 году и вступившем в силу 23 марта 1976 года. Статья 27 Пакта заявляет о том, что этнические, религиозные и языковые меньшинства имеют права «пользоваться своей культурой, использовать свою религию, а также пользоваться родным языком» [21]. До принятия данного соглашения культурные и языковые права народов или просто игнорировались, или весьма ограничивались. Так, статья 22 Устава Лиги Наций, учреждённой в 1919 году, требует от стран-опекунов гарантировать народам, которые «ещё не способны на самостоятельное управление из-за напряжённых условий в мире», свободу совести и религии. Данные права могли быть ограничены необходимостью поддержания «общественного порядка и морали» [22]. Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в декабре 1948 года, в Статье 22 уже заявляет о том, что «экономические, социальные и культурные права являются неотъемлемыми для человеческого достоинства и свободного развития личности», но при этом права коренных и малых народов не выделяются. Статья 2 Декларации говорит лишь об отсутствии каких-либо ограничений на использование прав человека, «таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические взгляды, национальное или социальное происхождение, имущество, рождение или другой статус» [23].

1.3. Эволюция отношения к языковым и культурным правам коренных и малых народов

Наиболее ярко эволюцию отношения к языковым и культурным правам коренных и малых народов можно проследить по изменениям в формулировках конвенций Международной организации труда (International Labour Organization, ILO). Конвенция МОТ 1957 года №107 относительно коренных и малых народов предусматривала использование языков коренных и малых народов в качестве временной меры для обеспечения более успешного перехода к «современным» языкам и культурам большинства населения в странах их проживания [24].

От идеи полной интеграции и ассимиляции коренных и малых народов Международная организация труда к середине 1980-х годов прошла путь к защите прав народов самим распоряжаться своим культурным и языковым наследием. Статья 28 Конвенции, принятой МОТ 27 июня 1989 года, подчёркивает необходимость принятия мер по сохранению языков коренных и малых народов, способствованию развитию этих языков для их практического использования и по обеспечению обучения детей данных народов грамотности на своём коренном языке. Вопросы поддержания и развития самобытности языков и культур отражены и в других статьях Конвенции [25]. Наиболее полно права коренных и малых народов отражены в Декларации Организации Объединённых Наций о правах коренных народов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 года.

Культурные и языковые права коренных и малых народов непосредственно представлены в семи из 46 статей Декларации. Статьи 8 и 31 декларируют право на сохранение и дальнейшее развитие малых культур и защиту от насильственной ассимиляции. В статье 13 подчёркивается право коренных народов передавать будущим поколениям свои культурные традиции, языки, системы мировоззрения. Статьи 14 и 15 посвящены правам коренных народов устанавливать и контролировать свои системы образования для обеспечения обучения детей своим языкам и культурам. Как указывается в статье 15, «коренные народы имеют право на достоинство и разнообразие своих культур, традиций, историй и устремлений, которые должны быть отражены в образовании и общественной информации» [26]. Декларация предусматривает также право коренных народов на организа-

цию своих собственных средств массовой информации и на допуск к государственным средствам массовой информации, которые должны «отражать культурное разнообразие коренных народов» [27].

Декларация ООН о правах коренных народов не имеет законодательной силы в международном праве и носит скорее рекомендательный характер, но вместе с тем она продемонстрировала признание странами-членами ООН необходимости установления стандарта в политике в отношении коренных народов с целью искоренения нарушений прав человека и сохранения культурного и языкового наследия планеты. В то же время о противоречивости вопроса о правах коренных народов говорит тот факт, что процесс разработки и принятия Декларации занял 22 года, и, несмотря на принятие Декларации большинством голосов Генеральной Ассамблеи, Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенные Штаты проголосовали против, а 12 стран, включая Россию, воздержались. Основные возражения стран, так или иначе не поддержавших Декларацию относились к праву коренных народов на самоопределение и на контроль над природными ресурсами территорий их проживания. В течение периода работы над Декларацией в России сменился политический строй, но отрицательное отношение к термину «коренные народы» и противопоставлению коренных народов другим народам в условиях Российской Федерации остались неизменными. Наиболее часто используемыми выражениями в отношении российского аборигенного населения являются «малые» или «малочисленные народы» (народности). В политических текстах встречаются также выражения «малые коренные народы» и «коренные малочисленные народы», как, например, «Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа». В российском законодательстве при определении статуса «малых коренных или аборигенных народов» колониальный аспект, являющийся основным в западной политической мысли, отсутствует, так как считается неприменимым к историческому развитию России [28].

В процессе работы над проектом Декларации о правах коренных народов, ещё задолго до подписания Декларации 2007 года, экспертам ООН по правам меньшинств удалось достичь соглашения в области сохранения культурного и языкового наследия планеты, приняв более приемлемую для большинства стран со значительным коренным населением формулировку, чем «коренные народы». 18 де-

кабря 1992 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим и языковым меньшинствам. Статьи 2 и 4 данной Декларации устанавливают права «пользоваться достояниями своей культуры», «использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме, а также указывают на необходимость создания благоприятных условий для развития своей культуры, языка и религии лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» [29].

Согласно определению понятия «коренные народы», положенному в основу Декларации ООН о правах коренных народов от 2007 года, коренные народы – это «народы, которые сохранили свою историческую преемственность с обществами доколониального периода и отличают себя от других секторов общества. В настоящее время они образуют недоминирующие секторы общества и добиваются сохранения, развития и передачи будущим поколениям своих наследственных земель и своей этнической самобытности в качестве основы своего будущего существования как народов в соответствии со своими собственными культурными традициями, социальными установлениями и системами правосудия» [30]. В настоящее время коренные народы насчитывают от 300 до 500 млн человек, то есть около 7 % населения земного шара, но они представляют 80 % культурного и языкового разнообразия мира и занимают 20 % земной суши [30]. Таким образом, при разработке мер по сохранению культурного и языкового наследия планеты в эпоху глобализации основное внимание должно быть уделено коренным народам, как наименее защищённым от воздействий глобализации.

Деятельность ООН по защите прав коренных народов, включая поиски компромиссных решений в работе над Декларацией от 2007 года, повлияла на принятие в ряде стран, включая США, Россию и Финляндию, законодательных актов, направленных на защиту культурных и языковых прав национальных меньшинств. В 1990 году Конгресс США принял Закон о языках американских индейцев, который обязывает «сохранять и защищать права американских индейцев использовать и развивать свои языки», а также признаёт право использовать данные языки в государственных школах и при осуществлении деловых сделок [31]. Соответственно статья 68

Конституции Российской Федерации от 25 декабря 1993 года гласит: «Российская Федерация гарантирует её народам право на сохранение родного языка и на создание условий для его изучения и развития» [32]. Наиболее обстоятельно языковые права меньшинств в российском законодательстве были изложены в Законе о языках Российской Федерации от 25.09.91 года. Во Вводной части Закона провозглашается:

«Языки Российской Федерации – национальное достояние Российского государства.

Языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства.

Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия.

Настоящий Закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации» [33].

Статьи Закона предусматривают государственные гарантии равноправия языков народов Российской Федерации, правовое положение языков, гарантии защиты языков и гарантии прав граждан вне зависимости от их знания языка, разработку программ сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации. Закон гарантирует также право на свободный выбор языка воспитания и обучения, а также возлагает на государство обязанность по обеспечению граждан условиями для изучения и преподавания родного языка и других языков Российской Федерации [33].

1.4. Деятельность ЮНЕСКО по развитию и поддержанию культурного и языкового наследия мира

Особую роль в борьбе за сохранение культурного и языкового наследия планеты играет Организация по образованию, науке и культуре ООН (ЮНЕСКО), созданная в 1946 году с целью содействия миру и международной безопасности путём сотрудничества между государствами в области просвещения, науки и культуры. Первым документом ЮНЕСКО, всецело посвящённым вопросам сохранения культурного разнообразия, была Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года [34]. По мнению создателей Всеобщей Декларации, глобализация вместе с быстрым

развитием информационных и коммуникационных технологий не только представляют угрозу культурному разнообразию, но и создают условия для возобновления диалога между культурами и цивилизациями.

Во Всеобщей Декларации культурное разнообразие понимается как часть общечеловеческого наследия, которое проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и обществам, составляющим человечество. «Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [35]. Культурное разнообразие должно вести не к конфликтам и столкновению цивилизаций, а к культурному плюрализму, то есть к взаимодействию и стремлению к сосуществованию людей разных культур, что создаёт благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества. Расширяя возможности выбора, культурное разнообразие, как заявляется в статье 3 Всеобщей Декларации, является одним из источников развития, которое рассматривается не только в плане экономического роста, но и как «средство, обеспечивающее полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную и духовную жизнь» [36].

Согласно Всеобщей Декларации ЮНЕСКО защита культурного разнообразия является этическим императивом. Права человека, включая культурные права, являются гарантией сохранения культурного разнообразия. В статье 5 подчёркивается право каждого человека на «возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору и, в частности, на своём родном языке» [37].

Авторы Всеобщей Декларации ЮНЕСКО не ограничились заявлением о культурном разнообразии и необходимости его сохранения как части общечеловеческого наследия, но и предусмотрели основные направления плана действий по реализации положений Всеобщей Декларации. Одними из самых главных направлений плана являются сохранение языкового наследия и поддержание языкового разнообразия. Действия по поддержанию языкового разнообразия должны осуществляться «на всех возможных уровнях образования»

при стимулировании изучения нескольких языков с самого раннего возраста. При этом подчёркивается необходимость поддержания языкового разнообразия при сохранении уважения к родному языку. С целью сохранения языкового наследия предусматривается «содействие в возможности выражать, создавать и распространять информацию в области культуры с использованием как можно большего числа языков» [38].

В связи с бурным ростом информационных технологий в век глобализации и возрастанием роли в новом, информационном, обществе киберпространства, или глобальной сети, в обеспечении доступа к мировым информационным ресурсам основные направления плана действий по реализации Всеобщей Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии включают содействие повышению уровня владения новыми информационными и коммуникативными технологиями и доступу с помощью глобальной сети к любой информации, являющейся общественным достоянием, а также обеспечение языкового разнообразия в киберпространстве. При этом пункт 11 плана действий предусматривает меры по преодолению «электронно-цифрового разрыва» (digital divide), т.е. разделения общества и государств на информационно богатые и информационно бедные [39]. Вопрос о необходимости преодоления электронно-цифрового разрыва был до этого включён в повестку дня саммита Группы восьми, состоявшегося в 2000 году в Окинаве, и нашёл отражение в Окинавской хартии глобального информационного общества [7,8]. План действий ЮНЕСКО, однако, предусматривает преодоление информационного неравенства прежде всего с целью сохранения культурного разнообразия. С этой целью он рекомендует содействие распространению местной культурной продукции в цифровой форме и обеспечение доступа развивающихся стран к мировым ресурсам в сфере образования, культуры и науки.

Деятельность ЮНЕСКО по сохранению и поддержке культурного и языкового наследия планеты в условиях информационного общества в период после принятия Всеобщей Декларации от 2001 года привела к созданию новых важных документов в области использования информационных технологий. 32-я Генеральная конференция ЮНЕСКО, состоявшаяся в октябре 2003 года, приняла Рекомендации о развитии многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству, которые включают развитие в области создания многоязычного

содержания и поддерживающих разные языки систем. Рекомендации предусматривают создание необходимых условий для производства в Интернете содержания для местного и коренного населения на их языках и требуют от государств-членов сформулировать надлежащую национальную политику по проблеме языкового выживания в киберпространстве [40].

Информационная революция и глобализация поставили под угрозу экосистему и лингвокультурное разнообразие планеты, но вместе с тем они предоставили беспрецедентные возможности для сохранения культурного и языкового наследия для будущих поколений путём использования новых технологий цифровой обработки и хранения информации. Вторым важным документом, принятым 32-й Генеральной Конференцией ЮНЕСКО, была Хартия о сохранении цифрового наследия [41]. Цифровое наследие как общее наследие человечества представляет собой ресурсы, созданные в цифровом виде или переведённые в цифровую форму из существующих аналоговых ресурсов, которые включают тексты, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, представленные в широком и постоянно увеличивающемся диапазоне форматов. Данные ресурсы человеческих знаний и форм их выражения охватывают все сферы деятельности, включая культуру, образование, науку, управление, а также информацию технического, правового, медицинского и другого характера. Хартия о сохранении цифрового наследия подчёркивает непреходящую ценность и значимость цифрового наследия и в статье 2 заявляет о том, что целью сохранения и охраны мирового наследия человечества является обеспечение его доступности для общества [42]. Цифровые материалы требуют целенаправленных усилий для их производства, технического обслуживания и управления, и поэтому Хартия уделяет специальное внимание необходимым мерам по защите от потери наследия. Статьи 6 и 7 Хартии посвящены вопросам разработки стратегий и политики сохранения цифрового наследия, включая критерии выбора того, что необходимо сохранить [43].

В связи с подготовкой Всемирного саммита по информационному обществу, который был организован ООН с целью устранения глобального электронного цифрового разрыва, ЮНЕСКО выпустила в 2003 году специальное информационное издание «Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе» [44]. Вопрос

об информационном обществе до этого уже рассматривался на саммите Группы восьми в Окинаве в 2001 году, и расширение представительской базы участников открывало возможности более демократичного поиска решений, чем в пределах эксклюзивного клуба Большой восьмёрки. Вместо концепции глобального информационного общества, принятой Группой восьми, ЮНЕСКО предложила концепцию множества общих знаний, как лучше отражающую необходимость поддержания культурного и языкового разнообразия [45]. Общества знаний должны предоставлять «максимально широкий доступ» к информации, являющейся общественным достоянием, обеспечивая при этом высокое качество, разнообразие и надёжность информации. Особое внимание в обществах знаний, по мнению экспертов ЮНЕСКО, должно уделяться разнообразию культур и языков [46]. Доступ к информационным и интеллектуальным ресурсам с учётом разнообразия культур и языков необходим для преодоления социальных, культурных и языковых преград и для предотвращения того, «чтобы эта революция в мышлении и инструментарии не оказалась привилегией только небольшого числа высокоразвитых стран» [45].

Интернет как новая среда распространения информации и средство осуществления коммуникации и обмена взглядами в настоящее время доступен только на одном или нескольких из доминирующих в мире языков. ЮНЕСКО предупреждает, что «если быстро не изменить эту ситуацию, то это может привести к разрушению культурного и языкового разнообразия и ускорить исчезновение языков, обычаев и традиций» [47]. Язык, как подчёркивается в документах ЮНЕСКО, является не только основой общения между людьми, но и частью их культурного наследия. Глубокая эмоциональная и культурная ценность языка заключается в том, что он связывает людей с их литературным, историческим, философским и образовательным наследием. Следовательно, «гармоничное развитие информационного общества возможно только в том случае, если всячески будет поддерживаться наличие информации на разных языках и представляющей разные культуры» [48].

При определении понятия «культура» ЮНЕСКО использовала всеобъемлющее понимание культуры, принятое на Всемирной конференции по политике в области культуры (МОНДИАКУЛЬТ, Мехико, 1982), которое было подтверждено другими международными

форумами, посвящёнными вопросам культуры, в частности Всемирной комиссией по культуре и развитию «Наше творческое разнообразие» 1995 года и Межправительственной конференцией по политике в области культуры в целях развития (Стокгольм 1998). Согласно этому определению культура – это «вся совокупность отличительных, духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных признаков, присущих обществу или социальной группе» [49]. Данное определение подчёркивает различие отдельных культур, но не учитывает фактора динамичности культур, их постоянного развития в процессе взаимного проникновения и обогащения. Требования сохранения культурного разнообразия в эру глобализации без признания всеобщих ценностей общемировой гражданской культуры, возникающей в информационном обществе, может привести к балканизации и геттоизации культур и иметь отрицательные последствия. Политика ЮНЕСКО в области сохранения культурного разнообразия и развития культурного плюрализма направлена на сбалансирование двух крайних тенденций в процессе глобализации – возникновения глобальной культуры за счёт постепенного отмирания отличительных культурных признаков и вытеснения национальных культур доминирующими культурами мира, с одной стороны, и культурной изоляции с целью сохранения «чистоты» национальных культур, с другой стороны. Концептуальная основа взаимного уважения культур, выдвинутая на Стокгольмской межправительственной конференции по политике в области культуры в целях развития как необходимое условие культурного разнообразия, нашла отражение в Преамбуле к Всеобщей декларации ЮНЕСКО, которая устанавливает связь между культурным разнообразием и уважением культурного самосознания и укреплением международного сотрудничества [34].

Усилия ООН, и особенно Организации Объединённых Наций по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО), по защите многоязычия и поликультурности, начиная со Всеобщей декларации прав человека ООН и Декларации ООН о правах коренных народов и кончая Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о культурном разнообразии, носят, как правило, декларативный характер и не имеют законодательной силы. Тем не менее они свидетельствуют об изменении общественного сознания и служат основой для разработки национальных законодательств отдельных стран со значительным корен-

ным населением, чьи языки и культуры нуждаются в законодательной защите.

В отличие от ООН, страны Европейского союза достигли такой степени интеграции, которая позволила им придать мерам по поддержке языкового и культурного разнообразия законодательный характер. В настоящее время число стран-участниц Европейского союза возросло до 27, при этом число официальных и рабочих языков достигло 23. В перспективе рост ЕС может продолжиться, что приведёт к усложнению проблем, связанных с интеграцией из-за языковых и культурных барьеров.

Несмотря на трудности проведения политики многоязычия в общем европейском пространстве в период глобализации и устранения границ, как виртуальных, так и реальных между государствами, принцип равенства языков и культур, законодательно закреплённый ещё в Римском договоре и Своде, определяющем использование языков в учреждениях сообщества, остаётся неизменным и даже получает своё дальнейшее развитие по мере возрастания степени интегрирования стран Европейского союза [50,51]. Согласно решению №1934 Европейского парламента и Совета от 17 июля 2000 года, 2001 год был провозглашён Европейским годом языков [52], что подчеркнуло важность языкового разнообразия и знания иностранных языков и способствовало разработке дальнейших законодательных мер в области гражданских прав, культуры и образования по укреплению позиций многоязычия. Резолюция Европейского союза от 7 декабря 2000 года провозгласила культурное, религиозное и языковое разнообразие как одно из основных прав граждан ЕС. Хартия основных прав Европейского союза, предоставляющая это право, является частью Лиссабонского договора от 2007 года, вступившего в силу в 2009 году, что придаёт ей законодательную силу [53].

Глава 2

КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА

2.1. Изменения в представлениях о языковом и культурном наследии планеты

Культурная и языковая жизнь современного мира чрезвычайно разнообразна и, несмотря на то что начиная со второй половины XX столетия вопросы многоязычия и поликультурности являются предметом пристального внимания учёных-исследователей, необходимо признать, что эта область человеческого знания является недостаточно изученной. О недостаточной изученности данного вопроса говорит тот факт, что в академических кругах нет единства относительно общего числа языков народов, населяющих (и населявших ранее) земной шар. Разница в данных, предоставляемых различными научными источниками, может составлять до трёх-четырёх тысяч языков. В тридцатых годах XX века, когда ведущий международный лингвистический центр СИЛ Интернэшнл (SIL International) впервые начал свою деятельность по исследованию и преподаванию языков мира, считалось, что в мире насчитывается около тысячи языков народов и народностей. 16-е издание (2009) «Этнолога», каталога языков мира, регулярно выпускаемого издательством СИЛ Интернэшнл, содержит описание 6909 языков [54]. Однако, согласно данным другого исследовательского центра, Лингвистической обсерватории, расположенной в Уэльсе (Великобритания), народы мира в настоящее время говорят на более чем 10 тысячах языков. Лингвистическая обсерватория (Linguasphere Observatory), основанная в 1983 году в Квебеке (Канада) с целью изучения многообразия языков мира, поставила перед собой задачу полной классификации мировых языков и диалектов. Первое издание каталога «Регистр языков мира и речевых сообществ» было опубликовано в 2000 году Дэвидом Дэлби, возглавляющим Лингвистическую обсерваторию [55]. Исследовательская группа Дэвида Дэлби продолжает работу по поиску, выявлению и описанию языков планеты, следуя девизу Лингвистической обсерватории «В галактике языков голос каждого человека – звезда».

Масштабность языкового наследия планеты и необходимость точной научной классификации и описания отдельных языков и их вариантов вызвали необходимость пересмотра имеющихся международных стандартов языковых кодов. Регистр Дэвида Дэлби содержит свыше 25 000 лингвистических объектов, требующих кодификации с целью хранения, научного исследования и использования данных с помощью современных информационных средств. В то же время в используемых в настоящее время международных стандартах языковых кодов ISO 639-1 и ISO 639-2 предлагается 150 и 400 кодовых комбинаций. Таким образом, информационный взрыв в области исследования языкового разнообразия мира застал Международную организацию по стандартизации (ISO) врасплох. По инициативе Британского института по стандартизации (British Standards Institution) Лингвистическая обсерватория в Уэльсе разработала проект стандартизированной системы кодовых обозначений для всех языков мира, включая живые и мёртвые языки. Новый стандарт языковых кодов LS 639 содержит индексы свыше 70 000 обозначений названий языков, диалектов и языковых групп. Данный языковой стандарт позволяет не только давать обозначения для вновь открытых языков, но и регистрировать любые изменения статуса любого языкового явления, как, например, переопределения любого «языка» в «языковой вариант» без изменения соответствующего обозначения в системе LS 639 [56].

Изменениям в представлениях о языковой картине мира способствовали революционные изменения в политической, экономической, научной и культурной жизни народов мира в течение двадцатого столетия. Так, если первые крупномасштабные исследования языков мира, предпринятые Летним институтом лингвистики (позже переименован в SIL International), были инициированы в рамках миссионерской работы американского проповедника и лингвиста Уильяма Кэмерона Таунсенда, научные поиски Лингвистической обсерватории в Уэльсе, приведшие к созданию самого полного на настоящее время описания языков мира, основываются на идее сохранения языкового и культурного многообразия мира для будущих поколений. Дэвид Дэлби, руководитель группы учёных, опубликовавших «Регистр языков мира», включающий детально разработанную систему, предназначенную для кодификации лингвистических семей, в своей деятельности пытается освободить все образы, свя-

занные со строительством Вавилонской башни, от отрицательного смысла, вызванного представлением о смешении языков как о чём-то плохом. По его мнению, языковое разнообразие мира является положительным явлением, требующим глубокого изучения. Таким образом, возникают вопросы об отношении многоязычия и одноязычия и о роли многоязычия на уровне отдельного человека, общности, государства и межгосударственных отношений.

2.2. Многоязычие как способ языковой организации мира

Языковое и культурное разнообразие мира может произвести на первый взгляд впечатление хаоса и полного отсутствия взаимопонимания людей, говорящих на совершенно отличных языках. В большинстве промышленно развитых стран одноязычие традиционно воспринималось как норма, и хотя отношение к одноязычию как единственно правильной организации общества стало коренным образом меняться уже во второй половине XX столетия, контакт с неизвестными языками часто вызывает лингвофобию, сравнимую с ветхозаветными представлениями о смешении языков в результате вавилонского столпотворения (Бытие, 11: 1–9). Одним из главных способов преодоления языковых барьеров между людьми, говорящими на различных языках, является многоязычие отдельных членов человеческих сообществ или целых сообществ и государств. Многоязычие не является чем-то новым. Оно, как свидетельствуют исторические хроники, существовало всегда и везде, где возникала необходимость межкультурных взаимоотношений. Однако в качестве специального термина *многоязычие* появляется в европейских языках только в XIX веке. Так, словарь Вебстера отмечает появление слова “multilingualism”, соответствующего русскому «многоязычие», сороковыми годами XIX столетия [57]. Определение термина *многоязычие*, так же как и близких терминов *дваязычие* и *трёхязычие*, с течением времени менялось и расширялось, что привело к включению в понятие *многоязычие* новых значений. В идеальном случае термин *многоязычие* применяется в значении «владение несколькими языками в той же степени, как одноязычные люди владеют своим родным языком». Соответственно термины *дваязычие* и *трёхязычие* как разновидности термина *многоязычие* означают в этом случае одинаково высокое владение двумя или тремя языками.

Изучение многоязычных общин и сообществ в рамках работы по каталогизации языков мира позволило сделать выводы о том, что далеко не все многоязычные люди владеют своими языками в одинаковой степени. Более широкое определение многоязычия включает в число многоязычных людей всех тех, кто способен функционировать на некотором уровне на нескольких языках. Многоязычие представляет собой континуум, включающий в себя разные уровни владения другими языками – от уровня компетентности носителя языка до уровня владения некоторыми первоначальными навыками в одном из аспектов языковой компетентности. Составители «Этнолога» при описании явления многоязычия используют шкалу из пяти уровней для указания степени владения другими языками. При этом нулевой уровень (Уровень 0) означает отсутствие способностей функционировать в данном языке, а пятый уровень (Уровень 5) означает степень владения языком, соответствующую степени владения языком высокообразованным носителем данного языка (54).

При распределении многоязычных людей по типам в зависимости от уровня владения другим языком может быть использован термин «рецептивная компетентность» – для описания степени владения языком, при которой владение языком сводится лишь к умению читать тексты на этом языке при отсутствии навыков говорения.

Исследование явления многоязычия (и его разновидностей – двуязычия и трёхязычия) привело к выделению специальных категорий, позволяющих учесть влияние на уровень владения языком различных обстоятельств. Среди наиболее важных условий и обстоятельств возникновения многоязычия прежде всего необходимо назвать возраст приобретения других языков, последовательность вхождения в разные языковые среды, относительную длительность языкового воздействия, обусловленность языковых контактов и т.д. Так, при изучении влияния на двуязычие возраста, с которого человек попадает в двуязычную среду, разделяют раннее и позднее двуязычие. При учёте временной составляющей можно также говорить о синхронном многоязычии, когда вхождение в разные языковые среды происходит одновременно, и последовательном многоязычии – в случаях, когда многоязычие возникает после того, как усвоен первый язык (или первые языки). Исследователи выделяют также сбалансированное двуязычие или многоязычие как результат равно-

ценного языкового контакта с первым и другими языками, когда многоязычный человек владеет всеми языками одинаково свободно, и несбалансированное двуязычие или многоязычие, когда уровень владения вторым языком (или другими языками) ниже, чем уровень владения первым языком. Языковые среды могут быть обусловлены многоязычием данной общины или данного общества вообще, что позволяет говорить о естественном многоязычии. С другой стороны, условия усвоения второго языка (или других языков) могут создаваться искусственно, вне зависимости от языка, преобладающего в данном обществе. В этом случае идёт речь об элитном, или избирательном многоязычии, что подчёркивает ограниченные возможности приобретения такой формы многоязычия.

Процесс приобретения многоязычия может протекать как в благоприятных условиях, что приводит к положительным результатам, когда многоязычные люди являются компетентными пользователями языками, которыми они овладели, включая различные подсистемы данных языков и их компоненты культуры, так и в неблагоприятных условиях. Неблагоприятные условия возникают в случаях, когда один или несколько языков не получают достаточного развития, что приводит к тому, что многоязычный человек уступает одноязычным в уровнях владения как своим родным языком, так и другими языками. Для описания положительных и отрицательных результатов приобретения многоязычия (или его разновидностей) используются термины аддитивного и субтрактивного многоязычия [58]. Аддитивное многоязычие представляет собой результат целенаправленного образования в разных языковых средах, ведущего к эффективному использованию языковых средств любого из усвоенных языков, а также их культур. Аддитивное многоязычие означает также сохранение позитивного подхода к своей родной культуре и к своему родному языку. Субтрактивное многоязычие, напротив, приводит к ослаблению лёгкости функционирования в своей культуре и в своём языке в результате контактов с доминантной культурой и языком.

Многоязычие может развиваться и проявляться по-разному в зависимости от того, как языки соотносятся в разных ситуациях. Академик Л.В. Щерба, говоря о двуязычии, выделял прежде всего два типа в зависимости от степени изолированности социальных групп, говорящих на этих языках. Первый тип, «чистое двуязычие», прояв-

ляется в случае, когда языки изолированы и не встречаются друг с другом. Наиболее типичный пример такого двуязычия имеет место, когда в учебном заведении или на работе средством общения является другой язык, отличный от того, какой используется дома, в своей социальной среде. Другой тип двуязычия, которое можно назвать смешанным, имеет место в случае, когда две социальные группы в той или иной мере пересекаются, люди постоянно переходят от одного языка к другому. Смешанное двуязычие говорит о том, что в данной ситуации все говорящие одинаково свободно используют оба языка, и в их общении между собой наблюдаются свободное, часто произвольное переключение с одного языка на другой без возникновения при этом каких-либо препятствий во взаимном понимании [59].

Изучение многоязычных общин и сообществ во второй половине XX столетия подтвердило широкое распространение диглоссических ситуаций, когда языки могут играть отведённые им роли и использоваться только в определённых сферах. Термин *диглоссия*, введённый в оборот американским лингвистом Ч. Фергюсоном, обозначает использование многоязычными людьми разных языков в зависимости от ситуации общения. Многоязычие с диглоссией, по мнению Фергюсона, является наиболее стабильным, так как при этом не происходит конкуренции между языками в пределах отдельных сфер языковой коммуникации [60]. Термин *диглоссия* используется также в значении «внутриязыковой диглоссии», т.е. для описания неоднородности естественных языков, что проявляется в том, что внутри отдельного языка существуют разновидности, формирование и функционирование которых обусловлено определённой социальной дифференцированностью общества и разнообразием его коммуникативных потребностей. Как в случае двуязычной, так и при внутриязыковой диглоссии имеет место функциональное распределение сфер использования языков или подсистем одного языка, когда один из языков или литературная форма языка данной страны используются в качестве государственного языка, а другой язык или подсистема языка используются для неофициальных, бытовых ситуаций.

Наряду с терминами *многоязычие* и *двуязычие* в русскоязычной литературе в последнее время используются также термины латинского происхождения *мультилингвизм* и *билингвизм*, а также образованные на их основе слова для обозначения многоязычных людей:

билингвы и *мультилингвы*. Удобство использования последних двух терминов для обозначения многоязычных людей заключается в том, что имеющееся во всех европейских языках слово греческого происхождения *полиглот* хотя и определяется во всех словарях как «человек, владеющий многими языками», но используется при необходимости выражения отношения к явлению многоязычия как к чему-то исключительному. Слово *полиглот* вошло в европейские языки значительно раньше понятий двуязычие и многоязычие. Словарь Вебстера, например, регистрирует появление слова *полиглот* в английском языке периодом 1635–1645 годов. В результате промышленной революции XVIII–XIX веков и научно-технической революции второй половины XX века в мире произошли изменения в отношении явления многоязычия, которое, как показывают новейшие исследования, во многих обществах стало нормой [54, 55].

Начиная с 80-х годов XX века концепция многоязычия претерпела дальнейшее развитие в связи с возникновением определённых различий в подходе к целям многоязычного образования. Совет Европы и Европейский союз, несмотря на тесное сотрудничество в сохранении и развитии языкового разнообразия Европы и в способствовании повсеместному распространению многоязычного образования, тем не менее подходят к идее европейского многоязычия по-разному. Разница в подходах к многоязычию наиболее ярко отразилась при разработке экспертами Совета Европы Европейского языкового портфеля, инструмента для более эффективного, по мнению Совета Европы, описания индивидуального многоязычия. Позиция Совета Европы в отношении многоязычия, которая представляет своего рода концептуальный сдвиг в отношении к индивидуальному многоязычию, была изложена в наиболее важном инструменте для претворения в жизнь многоязычного образования, разработанном экспертами Совета, – «Системе общеевропейских компетенций владения иностранным языком» (The Common European Framework of Reference for Languages). Подход к многоязычию Европейского союза (мультилингвизм) заключается в рассмотрении явления многоязычия как владения по крайней мере двумя языками ЕС, кроме родного языка. Соответственно руководство Евросоюза ставит цель построения многоязычного общества, в котором индивидуальное многоязычие, основанное на знании не менее двух других языков,

является нормой, подкреплённой документами о языковом образовании.

Совет Европы выработал свой подход к многоязычию (плюрилингвизм), основанный на включении в многоязычную (плюрилингвистическую) компетенцию всего языкового опыта индивидуума, а не только формального обучения, подтверждённого документами образовательных учреждений. Согласно плюрилингвистическому подходу Совета Европы индивидуальное многоязычие представляет языковой и культурный опыт индивидуума, который начинается с языка, используемого в семейном кругу, и затем расширяется до основного языка общества и языка других людей, независимо от того, познаются ли эти языки посредством прямого контакта или в учебном процессе. Языки и культуры не содержатся в строго разделённых умственных отделах, а составляют «коммуникативную компетенцию», которая складывается из всего языкового опыта и в которой все языки взаимосвязаны и находятся во взаимодействии. В различных ситуациях говорящие используют различные части своей компетенции для обеспечения эффективной коммуникации с данным собеседником. Партнёры по коммуникации могут переключаться с одного языка или диалекта на другой, используя возможность говорить на одном языке и понимать другой. При контакте с письменным или устным текстом могут использоваться несколько языков, и значения слов могут быть поняты на основе общего запаса международных слов. В процессе коммуникации может быть использован весь языковой опыт, включая альтернативные формы выражения на разных языках и диалектах с использованием элементов паралингвистики (мимика, жестикуляция и так далее) и прибегая к значительному упрощению норм языкового употребления. С точки зрения плюрилингвизма цель языкового образования заключается не в овладении одним, двумя или более языками, взятыми в изоляции, с ориентацией на «идеального носителя языка», а в развитии «языкового репертуара», в котором есть место для всех языковых способностей.

Совет Европы рекомендует диверсифицировать языки, предлагаемые в образовательных учреждениях, для построения плюрилингвистической компетенции. Изучение языков является задачей всей жизни, и поэтому развитие у молодёжи мотивации, навыков и уверенности, необходимых при приобретении нового языкового опыта,

является чрезвычайно важным. Нельзя сводить ответственность органов образования, экзаменационных комиссий и учителей исключительно к достижению определённого уровня владения каким-либо языком в определённый момент времени, как бы важно это ни было [61].

Инструментарий многоязычного образования, разработанный экспертами Совета Европы и принятый на вооружение руководящими органами Европейского союза, включает наряду с Системой общеевропейских компетенций Европейский языковой портфель, главная цель которого заключается в стимулировании развития индивидуальной плюрилингвистической компетенции путём регистрации не только опыта формального языкового обучения, подкреплённого документами образовательных учреждений, но и всего языкового опыта индивидуума, включая даже непродолжительные контакты с другими языками и культурами [62].

Глава 3

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ОБЩЕСТВО. ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДНОЯЗЫЧНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ЕВРОПЕ

Понятие многоязычия возникло и до сих пор всё ещё определяется толковыми словарями как описание возможностей одного человека функционировать в разных языковых средах. Однако термин *многоязычие* получил широкое распространение для описания отношений между речевыми сообществами в пределах отдельных государств или регионов, а также на уровне межгосударственных отношений. В данном случае данный термин используется для описания обществ, неоднородных в своём этническом и культурном составе, в которых одновременно используются несколько различных языков и сложились традиции толерантности и принятия других культур и народов.

Моноязычный менталитет в большинстве экономически развитых стран мира, включая Европу и США, склонен недооценивать масштаб распространения многоязычия в мире и часто даже в своих странах. В то же время результаты исследований многоязычия во всех его проявлениях наглядно демонстрируют ошибочность представлений о преобладании в мире стран-наций, население которых говорит на одном государственном языке. Согласно данным наиболее известного каталога языков мира «Этнолог», из 217 стран мира подавляющее большинство представляет собой многоязычные общества. Лишь в пяти странах мира зарегистрировано по одному языку, что соответствует полному отсутствию языкового разнообразия. Список одноязычных государств включает три крошечные островные страны, являющиеся заморскими территориями Великобритании, а также Северную Корею и Ватикан. В 147 странах мира количество живых языков составляет от 10 языков и более, а в 21 стране мира количество языков превышает 100 [63]. Таким образом, общественное одноязычие является скорее исключением, чем нормой, и даже представления о странах, которые исторически развивались как

страны-нации по принципу «один народ – один язык», как о моноязычных являются иллюзией, искусственно поддерживаемой языковой политикой, направленной на поддержку только государственного языка, исторически сложившегося на основе языка правящей элиты.

Политические, экономические и культурные изменения, которые произошли в мире во второй половине XX века и на рубеже веков, усилившиеся иммиграционные потоки и глобализационные процессы привели к дестабилизации языковой ситуации в многоязычных обществах и создали угрозу утраты языкового разнообразия. Проблемы межэтнической языковой и культурной коммуникации в многоязычных странах могут решаться по-разному, и от того, насколько успешно преодолевается противоречие между необходимостью всеобщего языка и требованиями этнокультурной самоидентификации, зависит, смогут ли эти страны создать атмосферу взаимного доверия, уважения и толерантности, необходимую для обеспечения процветания и беспрепятственного развития.

3.1. Общественное и государственное многоязычие в Европе

За небольшими исключениями, большинство развитых стран Европы прошли путь от смешения языков и наречий к созданию национальных языков, используя при этом язык правящей элиты как мощное средство для объединения страны в одно целое. Английский литературный стандарт, например, развивался как язык южной части Англии, где была традиционно сосредоточена центральная власть, и, соответственно, не удивительно, что «правильный» английский язык в Великобритании называется королевским английским (King's English или Queen's English в зависимости от того, кто находится на троне). В гигантской Римской империи распространился латинский язык, который первоначально был языком италийских племён латинов, основавших Рим и постепенно покоривших все племена Апеннинского полуострова. В результате исторического развития моноязычных наций в Европе языковая карта Европы по сравнению со всем миром выглядит весьма однородно: европейские языки составляют не более 3 % от общего числа языков земного шара (54). Многие исследователи проводят параллель между утратой разнообразия животного и растительного мира в результате развития цивилизованных обществ Европы и утратой языкового разнообразия.

Отношение к многоязычию претерпело значительные изменения во всём мире в результате широкого распространения либеральных идей во второй половине XX столетия. Одним из результатов движения за права человека было требование на предоставление языковых прав, т.е. право на получение образования на родном языке. Особенное внимание при этом уделяется языкам малых народов, большинство из которых не имеет собственной письменности. В результате политики насильственного моноязычия многие языки Северной Америки, Австралии, Полинезии исчезли или находятся под угрозой исчезновения. Один из критиков традиционной политики одноязычия, профессор Рудольф Ставенхаген, специальный докладчик (rapporteur) ООН по вопросам прав человека малых народов, ввёл в оборот новый термин «этнократия» для описания государств, которые организованы на утверждениях, что они являются культурно однородными.

В настоящее время, когда принцип многоязычия приобретает всё большую поддержку на всех уровнях, включая внутреннюю жизнь этнически неоднородных государств, особое значение имеет опыт, накопленный отдельными странами, в которых многоязычие закреплено законодательным образом и имеется богатый положительный опыт межкультурных и межязыковых отношений.

3.2. Европейский опыт государственной поддержки многоязычия: Швейцария и Норвегия

В Европе, где исторически государства возникали и развивались в результате языкового и культурного доминирования этнически однородной правящей элиты, Швейцария является едва ли не единственным примером стабильного многоязычия. Располагаясь в центре Европы, на стыке четырёх европейских государств – Франции, Германии, Австрии и Италии, многоязычные швейцарцы смогли отстоять свою независимость от австрийской династии Габсбургов, заключив «вечный союз» лесных кантонов в 1291 году. Союзным государством Швейцария стала в 1848 году. Швейцария выдержала наиболее трудное испытание прочности своего многоязычного и многокультурного союза, следуя политике нейтралитета во всей своей последующей истории, включая две мировые войны.

Многоязычие в Швейцарии закреплено специальной статьёй Федеральной конституции, по которой официальными языками являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский. В качестве государственных языков используются немецкий, французский и итальянский, которые имеют одинаковый статус в парламенте, федеральной администрации и армии. Ретороманский язык используется в качестве официального языка коммуникации с лицами, говорящими на этом языке. Значительная часть населения Швейцарии свободно владеет несколькими языками. Кроме национальных языков, многие швейцарцы говорят по-английски. Ключевую роль в поддержании многоязычия в стране играет система образования, по которой обучение второму национальному языку является обязательным начиная с начальной школы. Большое внимание уделяется также обучению с раннего возраста английскому языку, причём доля английского языка в языковой подготовке постоянно возрастает и часто превышает соответствующую долю второго национального языка. Школа в Швейцарии является важным, но не единственным фактором, способствующим тому, что многоязычие говорящего является нормой. Послешкольное образование, ежедневные многоязычные контакты, рабочая деятельность, личные интересы и т.д. приводят к тому, что включение всё новых языков в свой индивидуальный языковой репертуар становится непрерывным процессом, который может продолжаться до старческого возраста.

Путь к двуязычию другой небольшой европейской страны, Норвегии, лежал, как и в случае Швейцарии, через борьбу за национальную независимость и самоопределение, но, в отличие от Швейцарии, Норвегия предприняла попытку создания своего языка, которая привела к образованию двух языков – датско-норвежского (Bokmål, буквально: книжный язык) и новонорвежского (Nynorsk). Скандинавские языки – датский, норвежский и шведский – имеют общий нордический источник, что объясняет схожесть этих языков и относительную лёгкость общения скандинавов, которые понимают друг друга без перевода. В развитии скандинавских языков решающую роль играло политическое доминирование Дании. Языковые изменения, возникшие в конце Средних веков в Дании, распространились на север и повлияли на развитие норвежского и шведского языков. В 1397 году Дания, Норвегия (с Исландией) и Швеция (с Финляндией) объединились в Кальмарскую унию под верховной властью датских

королей. Норвегия оставалась членом унии вплоть до 1814 года. В течение всего этого периода государственным языком Норвегии являлся датский язык. Националистические настроения в Европе вслед за французской революцией и наполеоновскими войнами привели к движению за самоопределение. Норвегия приобрела независимость, но многим норвежцам хотелось, чтобы у норвежского народа был собственный язык со своей литературой. Создание норвежского языка, однако, пошло двумя путями: путём норвегизации литературного датского языка за счёт включения норвежских элементов из разговорного языка и более радикальным путём за счёт создания нового литературного языка, основанного на консервативных норвежских диалектах. Годом рождения новонорвежского языка можно считать 1853 год, когда норвежский языковед Ивар Аасен опубликовал собрание образцов речи и текстов языка, который он назвал ландсмалем (Landsmål). Аасен использовал новый язык для написания поэтических произведений и пьес. Новый язык нашёл поддержку среди политического движения, которое противостояло правящей партии. После прихода оппозиции к власти в 1884 году новонорвежский язык получил статус официального языка наряду с датско-норвежским.

В настоящее время двуязычие в Норвегии закреплено в конституции. Оба языка пользуются одинаковыми правами, и школьная программа требует изучения двух национальных языков. Школьным советам предоставляется право выбора одного из этих языков как основного средства обучения. В создании датско-норвежского языка ведущую роль сыграл Кнуд Кнудсен, благодаря усилиям которого началась реформация в языке, которая завершилась уже после его смерти.

3.3. Языковое и культурное противостояние в Бельгии

Многоязычная Бельгия, федеральное государство в Северо-Западной Европе на побережье Северного моря, граничащее с Нидерландами, Люксембургом и Францией, является европейской страной, которая пришла к конституционному признанию языковых прав своих граждан задолго до признания Европейским союзом многоязычия и поликультурности в качестве основополагающих принципов современных обществ. Впервые Бельгия стала независимым

государством в 1830 году после многовековой истории территориальных переделов, в результате которых она оказывалась частью Священной Римской империи, Испании, Франции и Нидерландов. В XX веке Бельгия вновь оказалась ареной ожесточённых сражений в двух мировых войнах, что подтвердило её репутацию «Европейского театра военных действий» (The Battle-ground of Europe). Однако неоднородный языковой и культурный состав Королевства Бельгии, свидетельство её бурной истории смешения народов в ходе феодальных переделов и военных завоеваний, явился благодатной почвой для «языковых войн» в самой стране, которые не прекращаются и в наше время и могут привести, по мнению многих политических деятелей, к разделу страны по языковому принципу.

Исторически образование Бельгии в 1830 году было результатом Бельгийской революции, основными движущими силами которой были мятежники из Льежа, самого крупного города Валлонии, южной части Бельгии, и французские республиканцы и наполеоновцы, живущие в Валлонии в изгнании. Льеж, центр церковного княжества, никогда не был частью Нидерландов, что и послужило причиной для недовольства его жителей. Революционные силы освободили Бельгию, но при этом они установили унитарную монархию с высокой степенью централизации власти, в отличие от децентрализованного стиля правления в Нидерландах. Страна, по мнению Поля Бельена (Paul Belien), исследовавшего корни современного языкового кризиса в Бельгии, стала искусственным государством, состоящим из совершенно разнородных частей – северной Фландрии, жители которой, фламандцы, говорили на диалектах голландского языка и разделяли с Нидерландами общие культурные традиции и обычаи, и южной части – Валлонии, близкой по культуре и языку к Франции. Бельен считает, что современные языковые проблемы возникли ещё в 1830–1831 годах, когда был достигнут политический компромисс между международными европейскими державами о создании одного государства из двух национальностей и при этом унитарная, централизованная форма правления франкоговорящей Валлонии привела к подавлению языковых и культурных прав Фландрии [64]. После провозглашения независимости Бельгии французский язык стал единственным официальным языком. Правительственные органы всех уровней, суды и больницы по всей Бельгии использовали в своей работе только французский. Во фламандских провинциях среднее

и высшее образование предлагалось на французском, в то время как начальное образование было доступно на фламандском варианте голландского языка. Односторонность языковой политики выделения французского языка как единственного официального языка требовала от фламандцев двуязычия, если они хотели сохранить свой язык и культуру, но для жителей Валлонии знание голландского языка не являлось необходимостью. В середине XIX столетия во Фландрии возникло движение за языковые и культурные права фламандского народа, которое выбрало в качестве общего языка Фландрии стандартный голландский язык. В 1898 году голландский язык был признан вторым официальным языком Бельгии, но на практике доминирование французского во всех сферах общественной жизни продолжалось.

«Языковые войны», возникшие в результате языковой политики моноязычия в стране, в которой для большинства жителей официальный язык был вторым языком, продолжают до сих пор, несмотря на то что для разрядки напряжённости между языковыми общинами был предпринят ряд конституционных реформ. Уже в 1963 году в качестве официальных были признаны три языка – голландский, французский и немецкий, язык немецкого меньшинства, проживающего в восточной части Валлонии, которая отошла к Бельгии после поражения Германии в Первой мировой войне.

В ответ на требования фламандцев о культурной автономии конституционные реформы 70–80-х годов XX века установили три географических региона: Фламандский, Валлонский и Столичный (Брюссельский) – и три языковых/культурных сообщества: голландское, французское и немецкое. Разделение Бельгии на географические районы и языковые сообщества объясняется тем, что границы географического и культурного разделения могут не совпадать. Столичный район (Брюссель), находящийся в географической части Фландрии, официально считается двуязычным (французский и голландский), но в результате длительной языковой политики офранцуживания превратился фактически во франкоговорящий анклав с более чем 80 процентами населения говорящими на французском. Немецкое языковое сообщество является частью Валлонского географического района. Конституция 1993 года подвела итог разделения страны на географические районы и культурно-языковые сообщества. Текст Конституции издан на трёх официальных языках

страны, причём каждый текст содержит указания на то, что он согласован с текстами на двух других языках. Статья 1 гласит: «Бельгия является федеральным государством, составленным из сообществ и регионов». Конституция уделяет значительное внимание языковым и культурным вопросам, включая состав правительства в зависимости от регионов и сообществ. Статья 30 подчеркивает право бельгийских граждан пользоваться языком по их собственному выбору, а Статьи 67 и 72 предусматривают состав палат парламента и распределение мест согласно регионам и языковым сообществам [65]. Статья 24 конституции узаконила децентрализацию образования, предоставив право управления образованием трём языковым сообществам.

Конституционная поддержка языковых прав голландских и немецких сообществ несколько разрядила напряжённость в отношениях между регионами и сообществами на почве языковых и культурных разногласий, но в условиях традиционного доминирования французского языка не привела к согласию и стабильному многоязычию. «Бельгия, – пишет Энтони Браун в газете «Таймс», – последнее сохранившееся искусственно созданное государство в Европе после коллапса Советского Союза, Чехословакии и Югославии, попыталась устранить напряжённость в стране путём разделения на три района... Страна разделена по языковым границам. Языковой раскол настолько глубок, что в стране нет общих партий: есть две отдельные социалистические партии, два национальных театра, университеты и больницы разделены на французские и фламандские, причём врачи посылают пациентов в больницы в зависимости от их языка» [66]. Языковой, культурный и политический раскол в Бельгии настолько силён, что распад страны кажется для многих неизбежным. По мнению немецкой газеты «Тэгесцайтунг» (*Die Tageszeitung*), Бельгия – это «самое успешное недееспособное государство Европы». Парадокс, на который обращает внимание газета, заключается в том, что с экономической точки зрения Бельгия является процветающим государством с доходом на душу населения, значительно превышающим аналогичные показатели Германии, одной из ведущих стран мира по экспорту. Однако с политической точки зрения центральное правительство в Бельгии не может функционировать нормально из-за политических разногласий между регионами и языковыми общинами. Разногласия между регионами, кроме языковых

и культурных различий, имеют экономическую подоплёку. Богатая Фландрия недовольна финансовым бременем поддержки франкоговорящей Валлонии. «Решения бельгийской проблемы в ближайшей перспективе не предвидится, – пишет «Die Zeitung», – но часть бельгийского парадокса заключается в том, что на определённой стадии противоборствующие стороны придут к компромиссу» [67]. Оптимизм газеты разделяется многими политическими обозревателями и исследователями, которые видят выход из противоборства бельгийских регионов и сообществ, разделённых языковыми барьерами, в согласованной политике многоязычия. Исторически французский язык как язык королевских дворов и аристократии в Европе играл в Бельгии роль единственного официального языка *de jure*, а с конца XIX века – *de facto*, когда голландский язык формально получил статус официального, что никак не отразилось на практике использования языков во всех сферах общественной жизни. Противостояние между регионами на основе фактического неравенства официальных языков привело во Фландрии к языковой политике, основанной на исключении французского языка из всех основных сфер общественной жизни, и к ограниченному изучению французского языка в качестве предмета в школьной программе. После вступления в силу закона об официальных языках от 30 июля 1963 года, согласно которому «языком образования в голландскоговорящем районе является голландский, во франкоговорящем – французский, в немецкоговорящем – немецкий», Фландрия стала превращаться в одноязычный регион. В Валлонии к голландскому языку всегда относились, как к языку «фламандских крестьян», и Валлония всегда являлась только франкоязычной. Превращение Брюсселя, столицы Фландрии и одновременно столицы Бельгии, в фактически франкоязычный район приводит к дальнейшему обострению в отношениях между Фландрией и Валлонией.

Выход из ситуации противостояния двух языковых и культурных сообществ лежит через диалог и языковое и культурное сотрудничество, особенно в образовании, с целью построения многоязычного общества и отхода от языковой ситуации в бельгийском обществе, при которой регионы фактически игнорируют своих соседей в вопросах языков и культур. Овладение вторым языком, как показывает опыт многоязычных государств, например Канады, возможно только на основе двуязычного образования. Однако языковая поли-

тика Фландрии не способствует развитию официального двуязычного образования в своём регионе, особенно с использованием подхода, основанного на предметно-языковом обучении, при котором часть предметов учебной программы ведётся на втором языке. Французский язык во Фландрии ведётся только как предмет в начальной школе, начиная с пятого класса, не более чем три урока в неделю. Исследователь языковой политики и двуязычного образования Орхан Агирдаг (Orhan Agirdag) пишет, что, несмотря на то, что после Второй мировой войны Фландрия превратилась в многокультурное общество из-за потока иммигрантов из Южной Европы, Турции и Марокко, одноязычие и языковая ассимиляция иммигрантов являются ведущими принципами языковой политики в образовании. Двуязычное обучение даже на двух официальных языках – голландском и французском – рассматривается как потенциальная угроза сохранению фламандской культуры. Агирдаг объясняет языковую политику Фландрии, направленную на языковую ассимиляцию, и отказ от даже экспериментального введения двуязычного образования «присутствием крайне правых взглядов во фламандской политике» [68].

Французское сообщество, в отличие от языковой политики моноязычия Фландрии, с 1998 года проводит политику раннего двуязычия в образовании, при которой в зависимости от выбора родителей и учащихся часть предметов в учебной программе может преподаваться на одном из трёх языков – голландском, английском и немецком. Обучение на втором языке методом погружения может занимать от половины до трёх четвертей всего учебного времени с третьего года предначальной школы до второго класса начальной школы, и от одной четверти до двух третей учебного времени между третьим и шестым классами начальной школы. Сообщая о новой политике во французском сообществе, Лудо Бехейдт (Ludo Beheydt) выражает сомнение в соответствии метода погружения двуязычному обучению, предусматривающему постепенность, и указывает на то, что новая политика не учитывает необходимости подготовки специальных учительских кадров [69].

Столица Бельгии Брюссель является единственным официальным двуязычным регионом в стране с тремя официальными языками. Статус Брюсселя как столицы Фландрии, Бельгии, Евросоюза и центра многих международных и межрегиональных организаций

способствует его превращению в европейский центр многоязычия. Исследователи языковой ситуации в Брюсселе Лоренс Меттеви (Laurence Mettewie) и Руди Йанссенс (Rudi Janssens) отмечают уникальность языковой ситуации в этом языковом регионе, которая характеризуется как «общественное двуязычие / многоязычие в сочетании с индивидуальным многоязычием». Авторы высказывают мнение о том, что языковая действительность в Бельгии следует «политическим подходам: принцип территориальности и отсутствие концепции, относящейся к «наднациональности», характерной для современных моделей двуязычного образования» [70]. Политические подходы к языковому образованию, пишут далее авторы, объясняют то, что до недавнего времени двуязычное обучение на двух официальных языках в Бельгии было под запретом, и даже сейчас во французских школах голландский язык преподаётся франкоговорящим учителем как предмет равным образом, как в школах с голландским языком, французский язык преподаётся как предмет носителем голландского языка [71].

Разделение страны по языковому принципу на моноязычные регионы и сообщества создаёт трудности общения, так как в условиях моноязычной политики в области образования постоянно испытывается нехватка кадров двуязычных специалистов в работе государственных и общественных органов. Исследователи из университета Антверпена (Бельгия) сообщают, что требования двуязычия кандидатов на многие вакансии в органах, работающих с населением, часто оказываются невыполнимыми из-за отсутствия на рынке рабочей силы достаточного количества людей, владеющих обоими языками в достаточной степени. В частном секторе роль средства межъязыковой коммуникации выполняет английский язык [72].

Итак, многоязычная ситуация в Бельгии характеризуется разделением страны на моноязычные регионы по числу официальных языков, признаваемых Конституцией. Одноязычная политика во Фландрии и Валлонии препятствует межэтнической коммуникации в многоязычном обществе, где индивидуальное многоязычие часто ограничивается поверхностным знанием другого официального языка, что приводит к тому, что ни один из официальных языков не может служить средством всеобщей коммуникации во всей стране. Беспрепятственная межъязыковая коммуникация ограничена правительственной элитой, для которой свободное владение французским

и голландским языками является обязательным условием для участия в работе высших государственных органов. Кроме основных языков страны, признанных официальными, общественное многоязычие включает многочисленные языки иммигрантов, особенно из Турции и Марокко, и диалекты официальных языков – фламандские диалекты голландского языка, валлонские диалекты французского языка и немецкий диалект в германогворящей части Валлонии.

Языковая политика бельгийских регионов и сообществ исключает какую-либо поддержку языковых разновидностей официальных языков и использование двуязычного образования для детей иммигрантов, что приводит к ассимиляции иммигрантского населения, вытеснению диалектных форм и сокращению языкового и культурного разнообразия в стране.

Три официальных языка Бельгии – голландский, французский и немецкий – используются в функциях языков государственного управления, образования, судов, медицинского обслуживания и всеобщей коммуникации в пределах своих регионов и языковых сообществ. Коммуникация между регионами и сообществами достигается на основе двуязычия на уровне федерального правительства, особенно в единственном официальном двуязычном регионе Бельгии – Брюсселе. Роль языка всеобщей коммуникации выполняет английский язык, рост влияния которого увеличивается из-за отсутствия в стране межъязыкового и межкультурного диалога и в связи с общими мировыми тенденциями к глобализации и стандартизации.

Индивидуальное многоязычие в Бельгии включает родной язык, как средство этнокультурной идентификации, один из официальных языков, в зависимости от региона и языкового сообщества, второй официальный язык страны, степень владения которым варьируется и в условиях многоязычного общества с тремя официальными языками является ограниченной, и английский язык, использующийся в частном секторе экономики для обеспечения межъязыкового общения. Языковое противостояние бельгийских регионов и языковых сообществ представляет опасность для политического единства страны.

3.4. Европейское сотрудничество в построении многоязычного и поликультурного общества

В послевоенный период вопросы общественного и индивидуального многоязычия в Европе стали предметом сотрудничества Совета Европы и Европейского союза, двух международных организаций нового типа, созданных на волне европейских интеграционных процессов второй половины XX века. Совет Европы, основанный десятью европейскими государствами в 1949 году, осуществляет сотрудничество на основе общих ценностей и общих политических решений. Страны-члены Совета Европы не связаны обязательствами соблюдать конвенции Совета (публичное международное право), если они их не подписали или если конвенции не были ратифицированы законодательными органами этих стран. Европейский союз ставит цель более глубокой интеграции путём передачи части своих суверенных полномочий с национального уровня на уровень правящих органов Евросоюза. Решения Европейского союза, таким образом, имеют законодательную силу для стран-членов, в отличие от решений Совета Европы, которые являются лишь рекомендациями до тех пор, пока они не приняты странами-членами или любой другой страной, официально одобрившей данную конвенцию.

Созданию Европейского союза в 1992 году в результате подписания Маастрихтского договора предшествовал длительный процесс экономической и политической интеграции стран Европейского сообщества, в ходе которого росло осознание необходимости построения в Европе многоязычного и плюрикультурного общества. По мере расширения Евросоюза за счёт принятия новых членов и роста числа официальных языков многоязычие и поликультурность всё больше принимали форму руководящих принципов политики на всех уровнях. От резолюций о поддержке многоязычия и плюрикультурности в начале XXI века Евросоюз перешёл к конкретным действиям. В 2003 году Европейская комиссия опубликовала План действий на 2004–2006 годы по содействию изучению иностранных языков и языковому разнообразию с целью постепенного перехода языкового обучения на воспитание многоязычной личности. Европейская комиссия заявила, что каждый европейский гражданин должен иметь достаточную языковую компетенцию, по крайней мере, в двух других языках, кроме родного [73]. В ходе осуществления Пла-

на действий в 2005 году Европейская комиссия опубликовала Новую рамочную стратегию многоязычия, которая предусматривала ряд конкретных действий для построения «многоязычного общества» и «многоязычной экономики», которые включали проведение исследовательских работ в области многоязычия и развитие новых технологий для преодоления языковых барьеров [74].

В своей деятельности по претворению в жизнь принципов многоязычия и поликультурности Европейский союз опирается на инструментарий, разработанный экспертами Совета Европы в результате длительного процесса содействия изучению языков и культур и развитию языкового образования. Наиболее важными инструментами многоязычного образования, предложенными Советом Европы в 1997 году, являются Система общеевропейских компетенций владения иностранным языком и Европейский языковой портфель. Система общеевропейских компетенций Совета Европы была поддержана Европейским союзом и ЮНЕСКО и опубликована одновременно на английском и французском языках в 2001 году [75]. Принятие Европейским союзом Общеевропейских языковых компетенций и перевод этого документа на более чем 30 языков предоставили в распоряжение европейских систем национального образования эффективное средство осуществления сотрудничества в области многоязычного обучения.

В период создания Европейского союза в начале 90-х годов достижение индивидуального многоязычия как нормы для европейских граждан казалось для большинства экспертов по языковому образованию неосуществимым. Многоязычие рассматривалось как исключительное явление, недоступное для общего образования. Новая концепция в области образования и обучения в эпоху информационной революции, основанная на обучении в течение всей жизни, которая впервые была применена к непрерывному обучению в связи с непрерывной сменой технологических процессов, была также применена и к овладению иностранными языками для полноценного участия в жизни многоязычного общества [76].

Для исследования наиболее эффективных путей осуществления языкового обучения с целью достижения стабильного индивидуального многоязычия экспертами Европейского союза был изучен всемирный опыт многоязычного обучения и осуществлён ряд исследовательских проектов. В качестве наиболее перспективных направле-

ний были предложены изучение языков с раннего возраста, предметно-языковое обучение, при котором ряд предметов ведётся на втором языке, и создание благоприятной окружающей среды для многоязычного обучения.

Несмотря на тесное сотрудничество между Советом Европы и Европейским союзом в поддержке и развитии многоязычия, особенно в области образования, между позициями этих двух организаций существуют определённые различия, которые находят своё отражение даже в используемой терминологии. Различие в подходах к индивидуальному многоязычию заключается в том, что Европейский союз выступает за достижение «мультилингвизма» – овладения двумя языками Евросоюза, кроме родного языка, а Совет Европы преследует цель «плюрилингвизма», то есть многоязычия, включающего весь языковой и культурный опыт индивидуума и не требующего как можно более полного знания языка собеседника. С позиции плюрилингвизма целью языкового образования должно быть не овладение языками, берущимися в изоляции, а развитие языкового репертуара, включающего все языковые умения. Плюрилингвистический подход требует диверсификации иностранных языков в образовательных учреждениях и отказа от требований обязательного достижения определённого уровня владения каким-либо языком в расчёте на постепенный рост плюрилингвистической компетенции в течение всей жизни обучающихся [77]. Свою позицию в отношении многоязычия Совет Европы подкрепил введением в языковое образование Европейского языкового портфеля. Языковой портфель регистрирует и признаёт не только формальное языковое обучение, но и самый разнообразный опыт межъязыкового и межкультурного общения. Это достигается путём включения в его структуру, наряду с языковым паспортом, регистрирующим результаты формального языкового обучения и содержащим личную оценку языковых умений и навыков по системе «общеевропейских компетенций», языковой биографии и языкового досье. Языковая биография, содержащая весь языковой и культурный опыт индивидуума, и досье с образцами личной работы в области языков и культур, например отчётами о визитах и обменах, статьями и проектами и так далее, позволяют отразить весь плюрилингвистический опыт, который не учтён в языковом паспорте [78]. Идея языкового портфеля была далее использована в Европейском Союзе с введением Европасса (Europass), учре-

ждённого Европейским парламентом и Советом в 2004 году для обеспечения взаимоприемлемости квалификаций и компетенций [79]. Введение Европасса способствовало академической и профессиональной мобильности, предоставив возможность взаимоприемлемого описания навыков, умений и квалификаций.

3.5. Языки меньшинств: от политики ассимиляции к признанию как языковых и культурных ресурсов

Историческое развитие европейского континента по пути создания государств-наций, складывавшихся в процессе формирования общности их территорий, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера, привело к образованию крупных европейских языков, возникших на основе языков правящих этнических групп. Формирование единообразной национальной культуры и единого национального языка осуществлялось, как правило, в результате целенаправленной государственной политики. Наиболее эффективными инструментами создания национального единства в Европе оказались национальные системы образования, которые использовали в качестве средства обучения только единые национальные языки и строили весь курс обучения, особенно национальной истории, так, чтобы подчеркнуть единую форму языка, культуры и национального характера. Языковая и культурная политика государств-наций часто принимала формы насильственной ассимиляции и запрета языков и культур меньшинств, что с течением времени вызвало значительное сокращение языкового и культурного разнообразия Европы.

Европейская колониальная экспансия, вплоть до развала колониальных империй, и длительное колониальное господство распространили процессы языковой и культурной гомогенизации за пределы Европы. Даже после распада колониальной системы европейские языки продолжают доминировать на многих континентах мира, особенно в Америке и Африке. В результате многовекового господства нескольких крупных европейских языков и культур в общественном сознании прочно укрепилось мнение о европейских государствах как о моноязычных и монокультурных политических общностях. Однако уже тогда, когда государства-нации в Европе окончательно сформировались к концу XIX века в результате длительного процесса

социально-политических перемен, начавшегося после Вестфальского мира 1648 года, который закрепил в международных договорах международно-правовые положения нового мироустройства в Европе, в действительности большинство европейских государств оставались многоязычными обществами.

Распад колониальной системы после Второй мировой войны, процессы глобализации и расширение движения за языковые и культурные права этнических меньшинств заставляют многих исследователей и политических лидеров изменить своё отношение к мнению об обоснованности языковой политики, основанной на концепции государства-нации [80]. Процесс европейской интеграции, результатом которого было подписание Лиссабонского договора в 2007 году, вступившего в силу 1 декабря 2009 года, привёл к созданию наднационального политического объединения, в котором многоязычие является основополагающим принципом взаимоотношений государств-членов. Языковая ситуация в большинстве европейских государств, в особенности в наиболее экономически развитых странах Западной Европы, значительно изменилась из-за политических и экономических потрясений второй половины XX века, которые вызвали крупные иммигрантские потоки и сделали европейские общества разнообразными в этническом, языковом и культурном отношении. Однако, несмотря на официальное признание языковых и культурных прав меньшинств, на практике во многих европейских странах осуществлению языковой политики многоязычия препятствует местная этнократия, то есть правящие круги, проводящие политику управления страной на основе элиты, сформированной по признаку этнической принадлежности. Опасность этнократической формы правления в полиэтнических государствах привлекла внимание относительно недавно, когда миф об этнической однородности государств-наций был развенчан социолингвистическими и культурологическими исследованиями так называемых одноязычных обществ государств-наций. Исследователь проблем, связанных с этнократией, Жан Тощенко отмечает, что «даже в стёртом, приглушённом виде этнократия представляет собой крайне опасную форму политического руководства, которая ведёт к обострению межнациональных отношений, потому что преследует эгоистические, корпоративные, узкогрупповые интересы» [81].

Общественное многоязычие в настоящее время является реальностью для большинства европейских стран. Согласно данным «Этнолога», даже такие европейские страны, как Франция и Германия, являющиеся типичными примерами «государств-наций», представляют многоязычные общества, насчитывающие соответственно 62 и 69 живых языков, многие из которых являются языками иммигрантских меньшинств [82].

Для определения степени языкового разнообразия используется коэффициент языкового разнообразия Гринберга (Linguistic Diversity Index), который подсчитывается как вероятность того, что родные языки двух любых индивидуумов в данной стране, выбранных методом случайной выборки, будут разными. Самое большое значение коэффициента, 1, означает полное разнообразие (то есть никто из двух, случайно отобранных людей, не имеет один и тот же родной язык). Самое низкое значение коэффициента, 0, указывает на отсутствие разнообразия (то есть родной язык одинаков у всех). Подсчёт коэффициента языкового разнообразия основан на численности говорящих на каждом языке как пропорции от общего населения страны [83]. По данным 16-го издания «Этнолога», языковое разнообразие большинства европейских стран, рассчитанное с помощью понятия коэффициента языкового разнообразия, значительно превышает величины, при которых можно было бы говорить о моноязычных обществах. Так, во Франции коэффициент языкового разнообразия составляет 0,267, а в Италии, Австрии и Испании он превышает 0,5. Самый высокий коэффициент языкового разнообразия – в Бельгии (0,747), а самый низкий (не считая Ватикана, где коэффициент языкового разнообразия равен нулю) – в Венгрии, где он составляет 0,018 [84].

Языковое и культурное разнообразие Европы, которое в недавнем прошлом воспринималось как отрицательное явление, затрудняющее межэтнические контакты и служащее источником разногласий и конфликтов, по мере отказа от одноязычного мышления всё более получает признание как важный ресурс европейского развития. В своей резолюции от 24 марта 2009 года Европейский парламент провозгласил многоязычие в качестве важного и основного достояния европейской культуры, необходимого для социального и культурного развития Европы. Резолюция констатирует факт значительного влияния языкового и культурного разнообразия на повсе-

дневную жизнь граждан Европейского союза из-за «широкого распространения средств массовой информации, возрастающей мобильности и миграции и усиливающейся глобализации». В пункте 39 авторы резолюции рекомендуют странам-членам Евросоюза «извлечь потенциальные дивиденды, предлагаемые европейскими языками, в своих внешних отношениях и призывают развивать это состояние в культурном, экономическом и социальном диалоге со всем миром с целью усиления роли ЕС на международной арене». В пункте 42 даётся указание для Европейской комиссии «способствовать мерам улучшения языкового обучения национальных меньшинств и иммигрантов основному языку страны для достижения социальной интеграции и борьбы с социальной изоляцией». В то же время Европарламент подчёркивает необходимость создания условий для использования иммигрантами своих языков при развитии своих языковых умений и навыков. Парламент поддержал введение родных языков меньшинств и иммигрантов в школьные программы на добровольной основе и в контексте внепрограммной деятельности, доступной для общественности, и подчеркнул решимость способствовать языковому обучению, многоязычию и языковому разнообразию Европейского союза, так как все языки, включая региональные языки и языки меньшинств, «являются культурным достоянием, которое необходимо сохранять и поддерживать» [85].

Языковая политика, осуществляемая руководящими органами Евросоюза и в рамках деятельности Совета Европы, приносит свои плоды: индивидуальное многоязычие становится реальностью в большинстве европейских стран по мере внедрения национальными системами образования обязательного изучения двух языков ЕС, кроме родного языка, и благодаря использованию наиболее эффективных подходов в языковом образовании, особенно предметно-языкового обучения (CLIL), при котором второй язык обучаемого используется в качестве средства обучения в учебном процессе наряду с основным языком. Однако, как явствует из резолюции Европарламента от 2009 года о многоязычии, призывы руководящих органов ЕС и групп, выступающих за языковые и культурные права, к сохранению и развитию языкового и культурного разнообразия не находят достаточной поддержки на местах. Европейское многоязычие развивается по пути двуязычия на основе основного языка страны и английского языка – «международного *lingua franca*». Пункт 4

резолуции в этой связи указывает на то, что «Европейскому союзу было бы неправильным ограничивать себя одним основным языком» [85].

Тенденция выбирать английский язык в качестве первого иностранного языка и в качестве обязательного компонента в двуязычном обучении наблюдается по всей Европе начиная с 80-х годов XX столетия. Подводя итог исследованию языкового обучения в Европе в конце 90-х годов, директор Центра языков в Граце (Австрия) Гюнтер Абуяя сделал вывод о том, что за исключением Швейцарии и Люксембурга, где основными языками двуязычного обучения являются немецкий и французский, английский язык «далеко опережает любой другой язык в программах использования иностранных языков в качестве средства обучения» [86]. С точки зрения концепции плюрилингвизма, однако, преобладание английского языка объясняется стремлением овладеть языком, который всё больше используется в функции средства всемирного общения, в то время как всемерная поддержка многоязычия, в частности на основе обязательного обучения, по крайней мере, двум иностранным языкам в Европе, и возросшие языковые и культурные контакты способствуют росту плюрилингвистической компетенции.

Глава 4

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Америка как часть света, включающая в себя самый крупный остров мира Гренландию, отличается значительно бóльшим языковым и культурным разнообразием, чем Европа. Согласно данным «Этнолога», общее количество живых языков в этой части света составляет 993, или 14,4 процента от всех языков планеты [87]. В то же время по языковому разнообразию Америка во многом уступает Азии, Африке и Тихоокеанскому региону, что объясняется тем, что многие языки её коренного населения были вытеснены в процессе европейской колонизации Нового Света после открытия Америки Колумбом в 1492 году. Бурное развитие Северной Америки привело к тому, что, по данным ЮНЕСКО, большинство коренных языков североамериканских индейцев находится под угрозой исчезновения, а многие из них уже вымерли [88]. Европейские поселенцы принесли с собой языки европейских колониальных держав – испанский, английский, португальский и французский, которые вытеснили местные языки из сфер государственного управления, экономики, торговли и образования и стали официальными или национальными языками в большинстве современных государств в Северной и Южной Америке.

Изменения в отношении к коренным языкам, включая языки Америки, произошли лишь во второй половине XX столетия, после принятия ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и Международного пакта ООН о гражданских и политических правах в 1966 году [89], а также с ростом самосознания малых народов и их стремления спасти и сохранить свои языковые и культурные традиции. Три латиноамериканских государства – Боливия, Парагвай и Перу – объявили в числе официальных языков, кроме испанского, один или несколько наиболее распространённых коренных языков своих стран. В США штат Гавайи, наряду с английским, придал статус официального гавайскому языку. С 2009 года Гренландия объя-

вила коренной язык своей страны, калааллисутский, единственным официальным языком – гренландским.

В настоящее время во многих странах Америки коренные языки включаются в программы школьного обучения детей, для которых они являются родными, и используются в начальных классах в качестве языка обучения. Меняющееся отношение к языкам и культурам коренных народов сделало возможным замедление процесса их вымирания. В некоторых случаях, например в Парагвае (для гуаранского языка) и на Гавайях (для гавайского языка), наблюдается даже обратный процесс возрождения местных языков и культур в результате целенаправленной языковой политики. Однако ещё рано говорить о том, что языковому и культурному разнообразию Америки уже больше не угрожают процессы глобализации и стандартизации.

4.1. Многоязычные общества Северной Америки: Соединённые Штаты и Канада

На американском континенте традиции многоязычия и культурного плюрализма получили своё развитие в Канаде. Официальными языками Канады являются английский и французский, равный статус которых закреплён целым рядом законодательных актов, включая Закон об официальных языках (Official Languages Act, 1969) и Канадскую хартию прав и свобод от 1982 года. Оба языка используются в работе правительственных органов, включая канадский парламент, федеральные суды и все федеральные учреждения. Двуязычие поощряется также в системе национального образования. Оба языка являются обязательными при получении образования, причём право выбора основного языка обучения предоставляется самим гражданам [90].

Политика языкового дуализма и признание прав аборигенов на развитие и поддержку собственных культур и языков привели к тому, что Канада стала первой страной в мире, признавшей культурный плюрализм в качестве своей официальной политики. Официальное признание культурного плюрализма в качестве фундаментальной характеристики канадского общества было сделано федеральным правительством Канады ещё в 1971 году. Политика культурного плюрализма основывается на видении Канады как государства, основанного на ценностях равенства, взаимного уважения в

отношении расы, национального или этнического происхождения, религиозных верований и цвета кожи. В 1988 году политика культурного плюрализма получила законодательную поддержку, когда парламент одобрил Закон о культурном плюрализме (Canadian Multiculturalism Act). Для проведения этого закона в жизнь департамент канадского наследия разработал специальную программу, предусматривающую устранение каких-либо препятствий к участию в жизни канадского общества всех этнических, расовых, религиозных и культурных общин и сообществ.

В отличие от Канады, отношение к явлениям многоязычия и поликультурности в Соединённых Штатах, одной из самых этнически разнообразных и плюрикультурных стран в мире, сложившейся в результате иммиграции в беспрецедентных масштабах, во многом противоречиво. По данным «Этнолога», общее количество живых языков, на которых говорят американцы, составляет 364, из которых 176 языков являются языками коренного населения страны – американских индейцев [91]. Многоязычие США часто недооценивается как в самой стране, так и за рубежом. Это объясняется тем, что традиционно американское общество представлялось как «плавильный котёл» (melting pot), в котором иммигранты из всех стран мира превращались в американцев в третьем поколении, почти утрачивая при этом свою этнокультурную идентичность, усваивая английский язык и полностью забывая языки стран, из которых прибыли иммигранты первого поколения. Кроме того, в связи с глобализационными процессами и приобретением американским английским языком статуса глобального языка всемирной коммуникации трудно представить себе, что сами Соединенные Штаты являются многоязычным обществом, в котором английский язык является родным только лишь для 82 % населения страны.

Многоязычность американского общества объясняется прежде всего тем, что около 10 % населения США представляют собой первое поколение иммигрантов, активно поддерживающих свои языки и культуры в семейной жизни и в местах компактного проживания определённых этнокультурных групп. По данным переписи США 2000 года, иммигранты первого поколения составляли 28 миллионов человек из 281 миллиона всего населения [92]. До 20 % населения США продолжают использовать языки своих этнокультурных групп в домашних условиях, хотя 96 % американцев говорят на англий-

ском языке «хорошо» или «очень хорошо» [93]. Относительно широкое использование языков своего языкового и культурного наследия говорит о том, что в общественном сознании американцев произошёл сдвиг в сторону признания культурных ценностей многоязычия. Данные переписи населения США 2000 года свидетельствуют, что наиболее широко используемым языком после английского является испанский язык, на котором дома говорят 28 млн человек, что составляет 12 % от населения страны. Следующее место по числу говорящих дома на языке страны происхождения является группа китайских языков – 2 миллиона говорящих (0,57 процента от населения страны). Широко используются и многие другие языки, число говорящих на которых дома превышает один миллион, – французский (1,6 миллиона говорящих), немецкий (1,4 миллиона), тагалогский (язык иммигрантов из Филиппин), вьетнамский и итальянский. На русском языке, по данным переписи США 2000 года, говорили дома 710 тысяч человек. Иммиграционный поток в США после переписи 2000 года даже усилился. По оценкам Бюро статистики США, в 2008 году население США достигло 300 млн человек, из которых 11 млн составляли нелегальные иммигранты из Латинской Америки, в основном из Мексики.

Языки коренных народов США, включая языки североамериканских индейцев, эскимосов и алеутов из штата Аляска и австронезийские языки штата Гавайи и Американского Самоа, составляют не более половины всех живых языков страны. Однако с учётом общей численности населения коренных народов (так, население американских индейцев, по данным переписи 2000 года, составляет 1 процент от общего населения США) данные языки вносят значительный вклад в языковое разнообразие.

Большинство языков американских индейцев находятся под угрозой исчезновения, особенно языки с небольшим числом говорящих. Языки коренного населения сохраняются в основном в индейских резервациях, где и в настоящее время многие свободно говорят на языках своих предков. Наиболее крупными индейскими сообществами, говорящими на родных языках, согласно переписи США 2000 года, являются сообщества индейцев навахо с числом говорящих 178 тысяч, дакота – 18 тысяч (кроме индейцев племени дакота, проживающих в Канаде) и чероки – 16 тысяч говорящих. Индейцы чероки составляют самую большую группу индейских народов, но

большинство из них утратили свой язык. Языки коренных народов США включают в себя австронезийские языки, среди которых выделяется гавайский, являющийся согласно Конституции штата Гавайи одним из официальных языков штата. На гавайском языке говорят как на родном только тысяча человек, и в настоящее время отделом образования штата Гавайи, Гавайским университетом и правительством штата принимаются меры по возрождению языка и предотвращению его исчезновения.

Соединённые Штаты как многоязычное сообщество представляют собой пример того, как использование языковых и культурных прав в политических целях может нанести вред движению за сохранение и поддержку языкового и культурного наследия планеты. Концепция многоязычия скорее как ценности, чем излишнего бремени для общества и источника межэтнических и межкультурных распрей, возникла сравнительно недавно в связи с ростом движения за гражданские права. В Соединённых Штатах, несмотря на то что согласно конституции ни один из языков не имеет статуса официального языка, с самого начала развития страны после провозглашения независимости в 1776 году английский язык *de facto* выполнял роль официального языка и языка всеобщего общения. Когда на рубеже XIX и XX веков в США стало прибывать значительное число иммигрантов из Центральной и Восточной Европы, в стране возникли проблемы с адаптацией новых американцев к условиям жизни в США и с массовым обучением иммигрантов и их детей английскому языку. Хотя некоторые группы иммигрантов, особенно говорящих на немецком языке, в течение длительного времени поддерживали свои языки и культуры путём организации школьного образования и выпуска газет на родном языке, в основном процесс адаптации сводился к ассимиляции и постепенной утрате своего языкового и культурного наследия. Негласная языковая политика, направленная на ассимиляцию иммигрантов и поддержку английского языка как единственного государственного языка, объяснялась опасениями возможных конфликтов, характерных для многих стран с высокой степенью языкового и культурного разнообразия. Идея создания и развития Соединённых Штатов как одной нации и одного народа, а не многонациональной страны была наиболее ярко выражена в 1914 году президентом Теодором Рузвельтом, лауреатом Нобелевской премии мира 1906 года за усилия по заключению Портсмутского

договора о прекращении Русско-японской войны: «В нашей стране есть место только для одного языка, и этот язык – английский, так как в наши намерения входит то, чтобы плавильный котёл (crucible) превращал наших людей в американцев с одной, американской национальностью, а не в обитателей разноязычного пансиона (a polyglot boarding house)» [94].

Политические дебаты в США относительно вопросов, связанных с явлениями многоязычия и поликультурности, начались ещё в 60-е годы XX столетия в ходе роста движения за гражданские права. Принятие Конгрессом США в 1964 году Закона о гражданских правах (Civil Rights Act, 1964), который в законодательном порядке положил конец любым формам дискриминации или сегрегации мест общественного пользования «на основании расы, цвета кожи, религии или национального происхождения» [95], воодушевило движение за гражданские права «чиканос» – иммигрантов и потомков иммигрантов из стран Латинской Америки. Среди прав, требуемых активистами этого движения, вскоре появились языковые и культурные права, что особенно ярко отразилось в политической борьбе, развернувшейся вокруг вопроса о «двуязычном образовании». Активисты движения иммигрантов из Латинской Америки выступали против традиционного сложившегося в США образования детей иммигрантов только на английском языке, так называемого метода «языкового погружения» (language immersion). Они объясняли низкую успеваемость детей испаноговорящих иммигрантов, а также высокий отсев в школах недостаточным знанием английского языка (Limited English proficiency) и требовали устранения ограничений по обучению на родном языке на основании Четырнадцатой поправки к Конституции и Закона о гражданских правах от 1964 года. Согласно данной концепции о языковых правах ограничения, связанные с получением образования или при найме на работу на основании недостаточного знания английского языка, являются дискриминационными и должны преследоваться по закону.

В 1968 году был принят первый федеральный закон, относящийся к говорящим на языках меньшинств, – Закон о двуязычном образовании, который первоначально был предназначен для испаноговорящих учащихся, но после его включения в Закон о начальном и среднем образовании в качестве Раздела VII (Title VII of the Elementary and Secondary Education Act) его действие распространилось на

говорящих на всех языках меньшинств [96]. Закон предлагал введение на добровольной основе программ двуязычного обучения и поощрял развитие у учащихся «поликультурного сознания». Активисты в борьбе за гражданские права требовали изменить закон так, чтобы он стал обязательным, что привело к дальнейшим поправкам к закону в 1974 и 1988 годах. Принятие Закона о двуязычном образовании и последующие законодательные меры, направленные на устранение дискриминации учащихся, говорящих на других языках, кроме английского, вызвали горячие споры среди политиков и специалистов по образованию относительно целей двуязычных программ. Должны ли двуязычные программы быть направлены «исключительно на подготовку одноязычных взрослых, владеющих лишь только английским языком» или цели обучения должны включать достижение «компетентности в двух языках и культурах» [97].

Законодательство о введении двуязычного образования и о предоставлении иммигрантам переводческих услуг в сферах медицинского обслуживания и социального обеспечения вызвали отрицательную реакцию консервативной части общества. Массовая иммиграция из испаноговорящих стран Латинской Америки в юго-западные районы США привела к резкому изменению языковой ситуации и угрозе возникновения конфликтов на почве этнокультурных разногласий. В отличие от начала XX столетия, когда дети иммигрантов в первом поколении могли ограничиться получением начального образования из-за трудностей, связанных с обучением на английском языке, в конце XX столетия среднее образование стало нормой, и отказ иммигрантов изучать английский язык приводил к изоляции испаноговорящего сообщества, росту социальной напряжённости и молодёжной преступности.

В 1983 году сенатор от штата Калифорния Самуил Ичийи Хаякава основал первую организацию движения за законодательное закрепление за английским языком статуса единственного официального языка Америки – «Английский язык США» (U.S. English). Хаякава предупреждал, что двуязычие или многоязычие приведут к разрушению единства и сепаратизму в Америке, ссылаясь на отрицательный опыт многоязычия в истории при отсутствии единого общего языка [98]. Ещё задолго до возникновения организованного движения за принятие на федеральном уровне и на уровне штатов конституционных поправок, провозглашающих английский язык госу-

дарственным, законодательные органы нескольких штатов приняли законы о предоставлении английскому языку статуса единственного языка штата. Стихийное движение имело яркую направленность против распространения идей многоязычия и поликультурности. Так, первым штатом, объявившим английский язык официальным, был Иллинойс, который принял соответствующий закон в 1968 году. К 1983 году, когда сенатор Хаякава и его сторонники начали свою активную кампанию за конституционные изменения, закрепляющие за английским языком статус государственного языка, два других штата (Массачусетс и Виргиния, соответственно в 1975 и 1981 годах), объявили свои штаты «только англоязычными». На Гавайях английский язык был провозглашён официальным наряду с гавайским в 1978 году. Штат Луизиана является единственным штатом, в котором английский и французский были объявлены официальными ещё в 1807 году после приобретения США французских колониальных владений. С началом организованного движения за официальный статус английского языка число штатов, принявших соответствующие законы, быстро возросло. Только в 80-е годы, когда введение двуязычного образования вызвало бурную оппозицию, 12 штатов приняли новое законодательство. К 2009 году английский язык стал официальным языком в 28 штатах. Поддержка движения за «английский язык как единственный» (English Only) составляет, согласно опросам общественного мнения, от 60 до 90 %, что означает, что число штатов с английским языком в качестве официального языка может продолжать расти и в будущем, и не исключено, что английский язык может стать официальным языком Соединенных Штатов на федеральном уровне.

Наибольшую критику одноязычия и попыток сделать английский язык государственным высказали американские лингвисты и специалисты языкового образования. В своей резолюции от 1986 года Лингвистическое общество Америки (Linguistic Society of America) заявило, что идея о единственном официальном языке не совместима с американскими традициями языковой толерантности [99]. Американский лингвист Джеффри Пуллум назвал лидеров движения за верховенство английского языка «языковыми фашистами» (linguistic fascists) и сравнил их требования с призывами «объявить хот-доги официальной едой во время бейсбольных игр» [100].

Несмотря на языковой консерватизм США и относительно широкую поддержку движения за официальный статус английского языка, американская либеральная мысль поддерживается всеми, кто выступает против языковой изоляции в результате отсутствия в стране надлежащего языкового образования. Как противодействие движению «Только английский» во второй половине 80-х годов в США возникло движение «Английский плюс» (English Plus), направленное на поддержку языкового разнообразия, чтобы способствовать более широкому культурному развитию Америки и расширению и укреплению международных связей. Название движения возникло в 1985 году, когда выражение «Английский Плюс» было противопоставлено выражению «Только английский» в полемическом споре о судьбах двуязычного образования в США. Когда в 1985 году новый секретарь образования Уильям Беннетт заявил о том, что двуязычные программы потерпели неудачу, и объяснил это тем, что «обучение родным языкам проводилось путём исключения английского языка и в ущерб ему» [101], Союз испаноамериканцев против дискриминации (Spanish American League Against Discrimination) направил Беннетту письмо, в котором было заявлено: «Мы не согласны на «Только английский» для наших детей. Мы требуем «Английский плюс». Английский плюс математика. Плюс естественные науки. Плюс общественные науки. Плюс равные возможности в образовании. Английский плюс компетентность в родном языке» [102]. Движение «Английский плюс» было поддержано работниками сферы языкового образования и группами, выступающими за языковые права меньшинств. Резолюции в поддержку требований «Английский плюс» были приняты законодательными органами штатов Нью-Мексика, Орегон, Род-Айленд и Вашингтон.

Вопрос об официальном языке остался неразрешённым ещё в первый период развития США после провозглашения независимости. Эллиотт Джадд в своём эссе о языке и политике объясняет отказ от включения официального языка в Конституцию «верой отцов-основателей в толерантность и языковое разнообразие, в экономическую и социальную ценность знаний иностранных языков и в культурную свободу живущих в новой стране» [103]. Необходимо, однако, учесть, что на рубеже XIX–XX веков вопрос об официальном языке не был актуальным для большинства стран как Европы, так и Северной и Южной Америки, так как язык правящей элиты испол-

нял роль официального языка даже в многонациональных государствах. Большинство первых американских граждан были выходцами из Великобритании и Ирландии и, естественно, говорили на английском языке. Разногласия между американскими колониями и метрополией не сводились к языковым вопросам, а, как заявляли американские революционеры в Декларации независимости, имели место из-за «длинного ряда злоупотреблений и насилий, свидетельствующих о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом» [104].

На рубеже XIX–XX веков и в начале XX столетия вопрос о статусе английского языка как официального языка и языка всеобщего общения уже не воспринимается как второстепенный. Концепция многоязычия как общественной ценности ещё не получила достаточной поддержки в Америке, в отличие от Канады и Европейского союза, где многоязычие и поликультурность стали ведущими принципами языковой политики. Опасения возможного вавилонского смешения языков, которое может привести к потере «коммуникационных стандартов», необходимых для беспрепятственного общения, были выражены в следующей полемической реплике, направленной против заявлений Барака Обамы в поддержку многоязычия в Америке: «Обама сожалеет, что американцы не могут сравниться с многоязычными европейцами в знании иностранных языков, но лингвистически балканизированная Европа находится в весьма неблагоприятном положении в вопросах экономической конкуренции, так как они не могут общаться на одном всеобщем языке. Преимущество Америки заключается в том, что все иммигранты осваивают английский, и английский язык стал всемирным стандартом деловых и научных связей» [105].

4.2. Многоязычные общества Латинской Америки

При изучении языков и культур Америки как части света является оправданным использовать не географическое разделение на Северную и Южную Америку с возможным выделением Центральной Америки, а рассматривать страны, расположенные к югу от реки Рио-Браво-дель-Норте, как отдельный регион мира – Латинскую Америку. Название *Латинская Америка* указывает на преобладание в этой части Америки языков и культур, имеющих общее происхож-

дение – латинский язык. Латинская Америка представляет собой многоязычный и поликультурный регион с населением, по данным 2008 года, 569 млн человек [106]. Несмотря на длительный период колониального господства и гласную и негласную языковую политику, направленную на вытеснение коренных языков из всеобщего употребления, значительная часть коренных языков сохранилась, хотя многие языки с небольшим числом говорящих всё ещё находятся под угрозой исчезновения. Согласно данным 16-го издания «Этнолог», из общего количества живых местных языков во всех частях Америки, составляющего 993 языка, 630 языков приходится на коренные языки Латинской Америки [107]. Языковое разнообразие этого региона также включает многочисленные языки переселенцев из других частей света и креольские языки, возникшие в результате контактов европейцев с местным населением. Испанский и португальский языки являются основными языками в большинстве стран Латинской Америки, где они являются официальными языками *de jure*, кроме Мексики, где испанский язык исполняет роль официального *de facto*. Кроме испанского и португальского, в Латинской Америке в качестве официальных языков нескольких небольших государств используются также английский и французский.

Языковое и культурное наследие Латинской Америки остаётся относительно малоизученным по сравнению с языками североамериканских индейцев в США и Канаде. Несмотря на то что сотни коренных языков этого региона исчезли до того, как стали приниматься меры по защите языков и культур коренного населения, богатство и разнообразие аборигенных языков стали объектом пристального внимания исследователей, когда сохранение языкового разнообразия было провозглашено ЮНЕСКО одной из приоритетных задач человечества. По данным учёных-лингвистов, коренные языки Латинской Америки подразделяются на 56 языковых семей, при этом 73 языка считаются изолированными, то есть не имеющими родственных языков [108]. Для сравнения, в Европе с населением, примерно в десять раз превышающим коренное население Латинской Америки, имеются только две языковые семьи – индоевропейская и финно-угорская – и один изолированный язык – баскский. Некоторые из языковых семей Латинской Америки представляют собой сверхсемьи, то есть крупные и сложные объединения групп языковых подсемей, отличающихся между собой, как в индоевропейской семье

языков отличаются германские, романские и славянские языковые семьи. Так, например, отомангская семья языков (отоми-миштеко-сапотекские языки) подразделяется на восемь подсемей, значительно отличающихся друг от друга [109].

Некоторые латиноамериканские коренные языки используются настолько широко, что, если ещё учесть, что они имеют статус официальных, опасность исчезновения им не грозит. Такими языками являются, прежде всего, официальный язык Перу – кечуа, на котором говорят, по данным «Атласа языков мира», 8,5 миллиона человек в Перу, Бразилии, Боливии, Аргентине, Эквадоре и Колумбии, и гуарани, язык со статусом официального в Парагвае, являющийся родным для трёх миллионов человек [108]. Однако большинство языков коренных народов Латинской Америки находится под угрозой исчезновения и могут быть утеряны к концу XXI столетия. Говорящие на этих языках испытывают сильное давление, вынуждающее их в условиях урбанизации и стандартизации переходить на доминирующие европейские языки своих стран.

Сравнительно высокое языковое разнообразие коренного населения Латинской Америки объясняется тем, что в доколумбовый период там существовало всего несколько крупных империй, которые могли привести к распространению языкового однообразия, характерного для некоторых местностей в Европе. В течение длительного времени после начала колонизации традиционный уклад жизни коренного населения в этом регионе оставался неизменным, что также способствовало относительному сохранению местных языков и культур. В условиях господства языков колониальных держав большинство местного населения постепенно усваивало официальные языки, особенно с распространением школьного образования, и становилось двуязычным, используя родные языки в функции поддержки этнокультурной самоидентификации.

4.2.1. Мексика: путь к признанию коренных языков и культур

Мексика как страна с самым большим в Латинской Америке и в мире испаноговорящим населением и как признанный культурный лидер испаноязычных стран в своём регионе представляет большой интерес с точки зрения своей языковой и культурной политики. Несмотря на то что Мексика является наиболее экономически развитой страной в регионе с самым высоким показателем валового нацио-

нального продукта на душу населения в Латинской Америке, биологическое разнообразие страны не было утрачено, и в настоящее время в ней сосредоточено от десяти до двенадцати процентов всего биологического разнообразия планеты [110]. Население Мексики, согласно статистическим данным, составляет 190 млн человек [111] и отличается языковым и культурным разнообразием. По данным 16-го издания «Этнолога», число живых языков в Мексике составляет 297, из которых 291 являются языками коренного населения страны [112]. Новая Испания, как называлась Мексика до того, как её независимость была признана Испанией в 1821 году, развивалась по пути метисации, то есть смешения рас. Этот процесс ускорился после обретения независимости, когда были сняты все преграды смешанным, межрасовым бракам, и в значительной степени повлиял на создание этнически, расово и культурно разнообразной страны. Культурное разнообразие Мексики закреплено в её послереформенной Конституции. Статья 2 Конституции Мексики определяет страну как поликультурную, включающую три основные группы – коренное население, метисов и европейцев, основанную на коренных народах. Самой крупной группой населения являются метисы – потомки от смешанных браков европейцев и местного населения, которые составляют от 60 до 80 % от всего населения страны. Коренное население страны оценивается в 16–30 %. Мексиканцы европейского происхождения насчитывают от 9 до 16 % от общего населения страны [113,114]. Кроме трёх основных групп, в Мексике также проживают потомки чёрных рабов, ввезённых в доколониальный период и смешавшихся с местным населением, а также разрозненные группы иммигрантов, включающие арабов, китайцев, японцев, филиппинцев и корейцев.

В соответствии с Конституцией Мексики, включая конституционную реформу 2001 года и поправки, ни один из языков не имеет статуса официального. Однако в течение 300-летнего колониального господства и в период независимого развития испанский язык широко проник во все сферы мексиканской жизни и в настоящее время является официальным языком Мексики *de facto*, на котором говорят свыше 95 % населения. Распространению испанского языка в небольшой степени способствовали католическая церковь и система школьного образования. Языковая политика, направленная на испанизацию коренного населения Мексики, привела к вытеснению местных

языков из употребления и к опасности их полного исчезновения. На рубеже XX–XXI веков произошли значительные изменения в отношении к коренным языкам и культурам. Конституционная реформа от 14 августа 2001 года внесла важные изменения, касающиеся языковых и культурных прав коренных народов, в Конституцию 1917 года. Статья 2 Конституции, которая в первой редакции сводилась к запрещению рабства, теперь подчёркивала поликультурность мексиканского общества, основанного на аборигенных народах, как самой важной компоненте национального состава: «Мексиканская нация едина и неделима. Нация является поликультурной, основанной на туземных племенах – потомках людей, которые жили на территории страны в начале колонизации и которые сохраняют свои социальные, экономические, культурные и политические институты» [115]. В 2003 году мексиканский Конгресс одобрил Всеобщий закон о языковых правах коренных народов (*Ley General De Derechos Lingüísticos De Los Pueblos Indígenas*), в статье 1 которого было заявлено, что «целью Соединённых Мексиканских Штатов является признание и защита языковых прав, как индивидуальных, так и групповых, коренных народов и сообщностей, так же как и содействие развитию коренных языков». Статья 3 подчёркивала, что «коренные языки являются составной частью национального культурного и языкового наследия. Разнообразие коренных языков является одним из принципиальных выражений поликультурного состава мексиканской нации». Статья 4 признавала коренные языки национальными языками благодаря их «историческому происхождению» и подтверждала их права на территориях и в контекстах, где они используются [116].

Закон о языковых правах коренных народов не устанавливал официального статуса испанского языка, но придавал ему статус общего национального языка. Статья 7 закона предоставляла всем коренным языкам меньшинств в Мексике, независимо от числа говорящих, статус национальных языков: «Коренные языки являются имеющими силу наравне с испанским языком (*válidas, al igual que el español*) при обращении по какому-либо вопросу или по каким-либо делам общественного характера, так же как в получении по просьбе беспрепятственного доступа к общественным службам и информации» [117]. Статус национального языка всех коренных языков подтверждался также во второй главе закона. Так, статья 9 устанавлива-

ла право использовать родной язык без каких-либо ограничений в общественной, экономической, политической, культурной, религиозной или какой-либо другой деятельности, а статья 10 гарантировала коренным народам право доступа на своих языках к судебным инстанциям и к отправлению правосудия.

Наиболее важным в многоязычных государствах является доступ языковых меньшинств к получению полноценного образования на основном языке страны. Соответственно статья 11 гарантировала доступ коренного населения к «обязательному, двуязычному и межкультурному образованию» и возлагала на федеральные органы образования и федеративные учреждения ответственность за принятие необходимых мер для того, чтобы система образования обеспечивала уважение к достоинству и идентичности людей независимо от их языка» [118].

Языковая политика Национального института коренных языков (Instituto Nacional de Lenguas Indígenas, INALI) направлена на отношение ко всем «разновидностям» языков как к отдельным языкам в вопросах правосудия, образования, медицинского обслуживания и гражданской администрации и информации. INALI подразделяет все живые языки коренных народов на 68 языковых групп и свыше 300 «языковых разновидностей». В 2008 году «Официальная газета Федерации» начала публикацию «Каталога национальных коренных языков», который призван играть важную роль в качестве инструмента проведения диалога федеральных и штатных властей с коренными народами по этнокультурным вопросам.

В 2003 году дело сохранения и упрочения этнокультурного наследия мексиканских коренных народов было продвинуто созданием Национальной комиссии по развитию коренных народов (Comisión Nacional para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas, CDI), которая заменила действующий до этого Национальный туземный институт (Instituto Nacional Indigenista), учреждённый в 1948 году. Декларированной целью комиссии является «направлять, координировать, поддерживать, контролировать и оценивать программы, проекты, стратегии и общественные действия по достижению существенного и непрерывного развития и полного осуществления прав коренных народов и сообществ в соответствии со статьёй 2 Политической Конституции Соединённых Мексиканских Штатов». Комиссия направляет деятельность центров по развитию коренного населения и

поддерживает сеть 1085 школьных общежитий (*albergues escolares*) для проживания учащихся из отдалённых местностей в дни занятий, а также управляет деятельностью Системы радиовещания культурных программ для коренного населения, которая располагает 27 радиостанциями, работающими в диапазонах средних волн и очень высоких частот (FM).

Деятельность Национального института коренных языков и Национальной комиссии по развитию коренных народов в значительной мере способствует поддержанию многоязычия и поликультурности, особенно в отношении языков, которым угрожает исчезновение. По данным Комиссии по развитию коренных народов, лишь 6 % населения страны говорят на одном из коренных языков, хотя, по её подсчётам, коренные народы составляют 13 % от общего населения Мексики. Исследования, связанные с деятельностью этих двух организаций по изучению языков и культур мексиканских народов, делают возможным более точное описание и более точную оценку числа коренных языков и их разновидностей. По данным «Этнолога» и «Каталога национальных коренных языков», в Мексике насчитывается около 300 коренных языков. Национальная комиссия по развитию коренных народов (CDI) выделила из общего числа коренных языков, которые она называет языковыми разновидностями, 62 группы родственных языков, что позволяет правительственным органам говорить о 62 национальных языках коренных народов. Сам Закон о коренных языках не содержит никаких упоминаний о конкретных языках, кроме испанского, и не называет никаких цифр и заявляет, что «все коренные языки, независимо от числа говорящих, равны, и говорящие на этих языках имеют право пользоваться ими наравне с испанским». Дальнейшие исследования в условиях повысившегося интереса к коренным языкам и культурам позволяют внести ясность в вопрос о статусе отдельных коренных языков и их числе.

Хотя Мексика занимает второе место в Латинской Америке по числу говорящих на коренных языках (до 7 млн человек) после Перу, тем не менее она уступает многим странам этого региона в процентном отношении говорящих на местных языках по сравнению с общим населением страны (6 %). Латиноамериканскими странами со значительно большим в относительных цифрах коренным населением являются Гватемала (42,8 %), Перу (35%) и Эквадор (9,4%) [119].

Единственным коренным языком Мексики, на котором говорят более чем миллион человек, является наuatль (Nahuatl), который представляет собой одну из основных групп южных юто-ацтекских языков. Ацтекские языки, которые сейчас находятся на грани исчезновения, обогатили все языки мира через испанский язык такими словами, как авокадо, какао, чили (сорт перца), койот, томат и шоколад. На языках наuatль, или ацтекских, в настоящее время говорят 1,45 миллиона народа «науа» в Центральной Мексике. С введением латинского алфавита наuatль стал литературным языком, на котором в XVI и XVII веках были написаны многие хроники, административные документы, своды законов и сборники стихов. Литература на классическом наuatле этой эпохи наиболее хорошо документирована и изучена по сравнению с другими местными языками [120]. Однако процесс маргинализации, сопровождающийся миграцией населения в городские районы и Соединённые Штаты, приводит к тому, что даже самому крупному по числу говорящих коренному языку в Мексике грозит языковая смерть. Как свидетельство того, что отношение к коренным языкам и культурам меняется, в феврале 2008 года мэр Мехико, столицы Мексики, Марсело Эбрард открыл кампанию по изучению правительственными служащими наuatля. Эбрард заявил, что для Мексики является важным помнить свою историю и традиции, и что он будет продолжать настаивать на институционализации наuatля, языка, из которого произошло само название страны «Мексика» [121].

Несмотря на принятие Закона о коренных языках и провозглашение языковой и культурной политики, направленной на поддержку и развитие местных языков и культур, некоторые исследователи считают меры, принимаемые мексиканскими властями в рамках объявленной языковой политики, изолированными и недостаточными. Так, в монографии, посвящённой языковому планированию в Мексике, группа британских исследователей во главе с Роландом Терборгом указывает на ограниченные возможности, предоставляемые в Мексике при обучении и профессиональной деятельности на коренных языках по сравнению с возможностями, открывающимися для тех, кто выбирает иностранные языки. Это, по их мнению, приводит к возникновению социоэкономических проблем для семей коренного населения. Присутствие в стране нескольких хорошо организованных и располагающих значительными средствами ино-

странных организаций, предлагающих двуязычное образование на английском, французском и немецком, создаёт неблагоприятный климат для изучения коренных языков, так как их программы намного более привлекательны, чем местные программы возрождения коренных языков. Значительное население иммигрантов в стране усиливает подчинение коренных языков английскому языку. На основе анализа языкового образования и языковых программ авторы монографии о Мексике приходят к выводу об отсутствии в мексиканской языковой политике чёткого плана действий в отношении образования для представителей коренных народов. Кроме недостаточной поддержки языкового образования коренных народов и отсутствия конкретных целей и задач, основными проблемами являются нехватка учебных материалов, текстов, учителей и недостаточные возможности для использования коренных языков в академической и профессиональной карьере. Сравнивая языковую политику в Мексике, особенно в отношении коренных языков, с языковой политикой Эквадора и Парагвая, авторы монографии приходят к выводу о том, что мексиканская языковая политика не является достаточно всеобъемлющей и всесторонней [122].

Изменения в отношении правящих кругов Мексики к этнокультурным проблемам коренных народов, которые произошли на рубеже XX–XXI веков и привели в начале XXI века к радикальным реформам в законодательной сфере и в народном образовании, были вызваны не столько всемирным движением за спасение и сохранение языкового и культурного наследия планеты, сколько внутренними политическими проблемами многоязычного мексиканского государства. Пренебрежение к этнокультурным проблемам коренных народов и их насильственная испанизация имеют в Мексике длительную историю, которая привела к опасности гражданской войны и возможного распада страны. В 90-х годах позиции правящей Революционной институциональной партии (*Partido Revolucionario Institucional*) в Мексике, которая находилась у власти с 1929 года, пошатнулись из-за недовольства в стране растущим социальным неравенством, от которого больше всего страдали районы со значительным коренным населением. Одним из таких районов является штат Чьяпас (*Chiapas*) на юго-востоке Мексики, в котором проживают потомки майя, народа, известного своей древней цивилизацией. Экономическое развитие Мексики в 90-х годах, особенно в резуль-

тате соглашения с США и Канадой о создании в Северной Америке зоны свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA), сыграло роль катализатора в возникновении мятежных настроений в этом районе, так как экономическое процветание отдельных штатов и районов подчёркивало рост социального неравенства в стране, где коренные народы продолжали жить в относительной бедности.

1 января 1994 года контроль над основными муниципальными органами в Чьяпас был захвачен вооружённой группировкой, называемой Сапатистской армией национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), выступающей за права и развитие индейского населения. Мексиканское правительство после непродолжительного вооружённого конфликта согласилось на переговоры, так как опасалось потери власти в результате приближающихся выборов. Переговоры привели к заключению Соглашения Сан-Андреса, в котором впервые поднимался вопрос о коренных языках и об образовании для коренных народов. Однако после победы на выборах президент Эрнесто Седильо прервал переговоры и попытался решить конфликт военным путём. После ожесточённого сопротивления мятежных сил и кровопролития в 1995 году мексиканское правительство, наконец, было вынуждено пойти на уступки, которые привели к принятию нового законодательства, учитывающего языковые и культурные интересы коренных народов. Как пишут британские исследователи истории языковой политики Мексики во главе с Роландом Тербергом, «события 1994 года произвели глубокое воздействие на возникновение новой языковой политики. До сапатистского восстания коренные языки едва ли упоминались в мексиканских газетах; всё это изменилось драматическим образом после 1 января 1994 года» [123].

4.2.2. Поликультурность и двуязычие Парагвая

Особый интерес при изучении многоязычных обществ Латинской Америки представляет языковая ситуация в Парагвае, стране, часто называемой из-за своего расположения в центре южноамериканского континента сердцем Америки, – это название приобрело популярность после выхода в 1961 году испанского документального фильма «Paraguay, corazón de América», снятого режиссёром Эрнестом Хименезем Кабальеро. Уникальность многоязычия Парагвая

была отмечена Дэвидом Кристаллом в его энциклопедическом словаре языков, в котором обращается внимание на то, что это единственная американская страна, в которой большинство граждан говорят на одном из коренных языков [124]. По данным «Этнолога», население Парагвая говорит на 27 языках, их которых 20 языков являются языками коренных народов [125].

По своему этническому составу Парагвай является страной с самой высокой степенью метисации населения в Южной Америке, в которой 95 % жителей имеют смешанное испано-индейское происхождение, а коренное население не превышает 2–3 % от общего населения [126]. Общая численность населения (по данным на 2009 год) составляет 6,349 миллиона человек, большинство из которых двуязычны: 90 % населения говорят на основном коренном языке страны – гуарани, и столько же владеют испанским языком. Кроме испанского и гуарани, многоязычие Парагвая представлено этническими группами бразильцев (400000 человек), а также выходцами из Италии, Германии, России, Японии, Кореи, Китая и арабских стран, которые не утратили своих языков и культур. Около одного процента населения составляют афро-парагвайцы – потомки от смешанных браков чёрных рабов и местного населения [127].

Конституция Парагвая, принятая Национальным учредительным собранием 20 июня 1992 года, в статье 140 «О языках» провозгласила официальными языками страны испанский и гуарани. Статья 140 гласит:

1. Парагвай является поликультурной и двуязычной страной (*un país pluricultural y bilingüe*).

2. Её официальными языками являются стандартный испанский и гуарани. Процедуры использования одного или другого языка устанавливаются в законодательном порядке.

3. Данные языки, наряду с языками других меньшинств, образуют часть культурного наследия нации (*parte del patrimonio cultural de la Nación*) [128].

Как явствует из текста статьи 140, Конституция Парагвая утверждает поликультурный и двуязычный характер Республики Парагвай и заявляет, что два официальных языка Парагвая и языки других меньшинств являются частью культурного наследия страны и, следовательно, находятся под государственной защитой. Очень важным элементом статьи о языках является подчёркивание того, что

официальным языком является стандартный испанский язык (*el castellano*), а не просто испанский (*el español*), что в условиях Латинской Америки означало бы «американский испанский». В тексте предшествующей Конституции от 1967 года стандартность испанского языка не была выделена. Необходимо отметить, что перевод «*el castellano*» как «испанский язык», что имеет место, например, в случае перевода, сделанного Питером Хеллером (Peter Heller) для американского издания «Конституции стран мира» [129], является упрощением, так как не учитывает требований Конституции Парагвая о соблюдении норм классического испанского языка. Ориентация на нормы классического испанского языка парагвайской Конституции не случайна. Как пишет исследователь языковой ситуации в Парагвае Шо Николас Гайнан (Shaw Nicholas Gynan), в статье, посвящённой отношению парагвайцев к стандартным вариантам гуарани и испанского, «хотя стандартизация и рассматривается как признак ассимиляции (a hallmark of assimilation), она является необходимой для любого коренного языка для того, чтобы конкурировать с доминирующим языком и расти функционально в контексте Латинской Америки в период независимого развития» [130]. Гайнан отмечает, что с приданием гуарани статуса официального языка страны возникла проблема, заключающаяся в том, что нормы гуарани, изучаемые в образовательных учреждениях, могут значительно отличаться от разговорных форм гуарани, особенно в сельских местностях. В условиях стран Латинской Америки в период постколониального развития взаимное влияние испанских и местных языков приводит, к образованию переходных вариантов языков, своего рода «пиджинов» и к отходу от принятых норм как в коренных языках, так и в самом испанском языке. В Парагвае в результате гуарани-испанского двуязычия образовался гибрид этих двух языков, называемый «хопара» (*jopara*), который многими рассматривается как отрицательное явление из-за пренебрежения к литературным нормам обоих официальных языков. Требования парагвайской общественности о стандартизации использования официальных языков, включая испанский, имеют целью добиться более широкого использования классических литературных норм гуарани и испанского и искоренения гибридного языка хопара.

Широкое распространение коренного языка гуарани в Парагвае и его поддержка на государственном уровне имеют длительную ис-

торию, хотя и гуарани всегда имел статус подчинённого языка, сферы использования которого были ограничены повседневным общением, в то время как испанский язык занимал привилегированное положение языка государственного управления и судопроизводства. Важность языка гуарани уже признавалась Конституцией Парагвая от 1967 года, однако при этом закреплялось верховенство испанского языка. Статья 5 Конституции Парагвая от 1967 года гласила: «Национальными языками Республики являются испанский и гуарани. Для официального использования служит испанский язык» [131].

Признание Парагваем обоих национальных языков в качестве официальных в Конституции 1992 года потребовало осуществления политики двуязычия в сфере народного образования и пересмотра традиционных культурных ценностей, согласно которым для гуарани была всегда отведена роль подчинённого языка. Несмотря на сложность и специфический характер проблем осуществления двуязычной языковой политики, исследователи языкового планирования и языковой политики в Латинской Америке отмечают, что «Парагвай имеет самую передовую языковую политику, несмотря на отсутствие единства в стране относительно методов её осуществления» [132].

Двуязычие Парагвая делает возможным использование и гуарани, и испанского в качестве всеобщих языков коммуникации. В то же время оба официальных языка не всегда являются взаимозаменяемыми в этой функции. Как отмечает Ш.Н. Гинан в монографии о языковом планировании и политике в Парагвае, «имеется тесная взаимосвязь между двуязычием и урбанизацией». Это приводит к тому, что использование испанского языка для межъязыкового общения имеет свои ограничения в сельских местностях [133]. В то же время испанский язык, в отличие от гуарани, является международным языком, знание которого предоставляет возможности межъязыковой коммуникации на уровне всего испаноговорящего мира, и, кроме того, испанский язык используется в системе высшего образования, и его позиции в сфере государственного управления являются непоколебимыми, несмотря на предоставление гуарани статуса официального, что позволяет его использование в функции государственного языка наравне с испанским.

4.2.3. Роль португальского языка в многоязычном обществе Бразилии

Многоязычная ситуация в самой большой по площади и населению стране Южной Америки, Бразилии, имеет свои характерные особенности, связанные с её географическим расположением, природными условиями и историческим развитием. Бразилия как самая крупная и населённая страна Латинской Америки располагает наибольшим биологическим разнообразием в мире благодаря самым крупным на планете влажно-экваториальным вечнозелёным лесам в акватории самой полноводной реки в мире – Амазонки [134]. Наличие в Бразилии самого большого в мире тропического леса объясняет также и то, что, несмотря на бурное экономическое развитие страны в течение последних десятилетий, многим коренным народам удалось избежать ассимиляции и сохранить своё языковое разнообразие. Некоторые из коренных народов до сих пор избегают контакта с цивилизацией и предпочитают жить в полной изоляции в отдалённых или труднодоступных местах в сельве. По данным Национального индейского фонда (*Fundação Nacional do Índio*), в 2007 году в амазонском тропическом лесу насчитывалось 67 различных племён, называемых «неконтактными» или «изолированными народами», что ставит Бразилию на первое место в мире, даже по сравнению с Новой Гвинеей, по числу племён, избегающих контакта с внешним миром [135].

Многоязычное и поликультурное общество в Бразилии имеет в преобладающем испаноговорящем окружении Латинской Америки свои особенности, как единственная страна, основным языком которой является португальский. По данным 16-го издания «Этнолога», многоязычие в Бразилии представлено 193 живыми языками, из которых число языков коренных народов составляет 181 [136]. Среди многочисленных языков Бразилии, включающих, кроме языков коренных народов, 12 языков иммигрантов, португальский язык занимает доминирующее положение и является единственным официальным языком. Статья 13 Конституции Бразилии, принятой в 1988 году и с учётом реформ 1992–2005 годов действующей и в настоящее время, гласит: «Португальский язык (*a língua portuguesa*) является официальным языком (*o idioma oficial*) Федеративной Республики Бразилии [137]. Как показывают результаты переписи населения, португальский язык в этой стране является родным или первым

языком для не менее чем 95 % населения страны, что делает Бразилию с населением (по оценке на 2009 год) более чем 200 млн человек одной из самых населённых стран мира и самой крупной по числу населения португалоговорящей страной: 80 % говорящих на португальском языке проживают именно в Бразилии. Португальский язык проник во все сферы бразильской жизни, включая государственное управление на всех уровнях, образование, культуру и судопроизводство, и является практически единственным разговорным языком страны, что делает возможным коммуникацию с многочисленными иммигрантскими группами. Широкое распространение португальского языка и вытеснение местных языков из всеобщей коммуникации объясняются историческими условиями развития Бразилии, языковой политикой колониальной администрации и демографией страны, численность коренного населения которой составляет всего около 0,5 процента. Длительная история независимого развития Бразилии и многочисленные влияния американских языков и культур, а во второй половине XX века усиливающееся влияние американского английского привели к многочисленным отклонениям бразильского португальского от европейского стандарта, более значительным, чем отклонения американского варианта английского языка от британского. В 1996 году было учреждено Сообщество португалоговорящих стран (Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP) с целью способствовать сотрудничеству в области культуры среди стран-членов, достижения соглашения о стандартизации использования португальского языка и «поднятия профиля» (популяризации) данного языка во всём мире. Страны сообщества CPLP взяли на себя обязательство внести в период с 2009 по 2014 год все необходимые изменения для реформы португальского языка с целью устранения расхождений между двумя его вариантами и превращения португальского языка в единый язык стран-членов сообщества.

Демография Бразилии, характеризующаяся присутствием четырёх основных расово-этнических групп – американских индейцев, европейцев, африканцев и азиатов – при высокой степени смешения рас и этносов и ассимиляции культур, значительно повлияла на языковую ситуацию в этой стране и на распределение языковых функций в её многоязычном обществе. Согласно результатам последней переписи населения, проведённой Бразильским институтом геогра-

фии и статистики (IBGE), 49,4 %, или 93 млн человек, причисляют себя к белому населению; 42,3 %, или 80 млн человек, – к пардос (дословно «коричневые», то есть потомки от смешанных браков выходцев из Африки, европейцев и американских индейцев); 7,4 процента, или 13 млн человек, – к чёрным; 0,5 %, или около 1 млн, – к азиатам и 0,4 %, или 519 тыс., – к американским индейцам [138]. Иммиграция является основным демографическим фактором в формировании и структуре населения, который повлиял на становление страны как многоязычного и поликультурного государства, связанного одним общим языком и выработавшего общие характерные черты национальной культуры.

Преобладание португальцев и африканцев в иммиграционном потоке с момента открытия колонии по 1855 год, когда был прекращён ввоз чёрных рабов из Африки, как показывают данные Бразильского института географии и статистики (IBGE), определили ведущую роль португальского языка в становлении новой бразильской нации. В этот период в Бразилию было ввезено 3 млн 806 тыс. чёрных рабов, говоривших на нескольких африканских языках. В процессе языковой ассимиляции африканские языки постепенно выходили из употребления, и после отмены рабства в 1888 году африканцы полностью утратили языковое наследие своих предков и стали португалоязычными в результате языковых процессов, включающих образование креольских языков. В настоящее время бразильцы африканского происхождения являются важной составной частью нации. Хотя число чёрных бразильцев не превышает 13 млн, или 7,4 % от общего населения, по системе разделения населения по расово-этническому принципу, принятому Бразильским институтом IBGE, группа пардос (коричневые) рассматривается как афро-бразильцы. Это означает, что с числом бразильцев африканского происхождения, превышающим 92 млн человек, Бразилия имеет самое крупное население африканского происхождения за пределами Африки [138]. Бразильцы смешанной расы проживают на всей территории Бразилии.

Среди иммигрантов XIX – XX столетия преобладали европейцы. Самая крупная группа европейцев состояла из итальянцев, испанцев и немцев. Иммиграционные потоки в Бразилию достигли своего пика на рубеже XIX – XX веков. По статистическим данным бразильской организации *Memorial do Imigrante*, в период с 1870 по 1953 год

иммиграция в Бразилию составила 5 млн человек [139]. Массовая иммиграция в Бразилию превратила её в XIX столетии и в первой половине XX века в «плавильный котёл наций» при одной из самых высоких степеней смешанных браков. Социальная и культурная толерантность в стране к межрасовым и межэтническим бракам способствовала объединению общества и преодолению этнокультурных барьеров.

Коренные народы Бразилии живут в настоящее время в основном в индейских резервациях на севере и в центрально-западной части страны. Смешение рас и утрата этнокультурной идентичности привели к тому, что многие индейские языки исчезли, а большинству из 181 сохранившихся живых языков грозит вымирание. Небольшое число бразильцев, признающих себя индейцами, среди общего населения страны свидетельствует также о значительной утрате местного языкового и культурного разнообразия в результате длительного периода колонизации, экономического развития страны и массовой иммиграции. В то же время американские индейцы оставили свой след в генетическом фонде бразильской нации. По данным исследования митохондриальной ДНК, свыше 60 млн бразильцев имеют, по крайней мере, одного индейского предка. Португальские исследователи, впервые опубликовавшие данные результаты в 2000 году, также сообщили, что генетический вклад по материнской линии почти одинаков для трёх основных групп, из которых сформировалось население Бразилии – европейцев, африканцев и индейцев [140].

В настоящее время отношение к коренным народам и к их языкам и культурам изменилось, что нашло своё отражение в бразильском законодательстве. Статьи 231 и 232 восьмой главы, восьмого раздела действующей Конституции Бразилии посвящены бразильским индейцам. Статья 231 признаёт права индейцев на свою социальную организацию, обычаи, языки, традиции и права на земли, которые они занимают [141]. Статья 210 главы III (Об образовании, культуре и спорте) восьмого раздела заявляет также о правах коренных народов на получение основного образования на родных языках индейских сообществ и гарантирует формирование у обучаемых уважения к «культурным и художественным национальным и региональным ценностям» [142].

В результате изменившегося отношения к коренным языкам как со стороны бразильского общества, так и самих индейцев, процесс вытеснения аборигенных языков из употребления замедлился, а некоторые из них претерпевают возрождение. В 2003 году муниципалитет Сан-Габриэл-да-Кашуэйра в штате Амазонас включил три индейских языка – ньенгату, тукано и банива – в число официальных наряду с португальским. Один из этих языков, ньенгату (nheengatu), во время португальской колонизации был настолько распространён, что использовался в качестве общего языка (língua geral) индейцев, европейцев, африканцев и смешанного населения на всём побережье Бразилии до 1800 года, когда языковая политика колониальных властей изменилась, что привело к его вытеснению португальским.

Демографическая структура бразильского населения, иммиграционные процессы и компактное проживание некоторых этнических групп, замедляющее ассимиляцию, определили многоязычность бразильского общества. Многие из европейских и азиатских диаспор в Бразилии не только успешно интегрируются в бразильское общество и усваивают португальский язык и бразильские обычаи, но и сохраняют свою этнокультурную идентичность. Данные переписей населения в Бразилии, проводимые до 1950 года, когда вопрос о языке домашнего общения ставился в последний раз, показывают, что многие иммигранты из европейских стран, кроме Португалии, продолжали говорить дома на своих языках и поддерживать своё двуязычие. Двуязычие особенно характерно для германской диаспоры. По данным переписи 1940 года, 2/3 детей немецких иммигрантов говорили дома по-немецки. Немецкий язык и культура в германской диаспоре Бразилии активно поддерживались с помощью сети немецких школ, обеспечивающих двуязычное образование. Самой крупной европейской диаспорой в Бразилии в результате массовой иммиграции с конца XIX века до Второй мировой войны была итальянская община. К 1940 году в Бразилию иммигрировало около 1,5 миллиона итальянцев, что в семь раз превышало иммиграционные потоки из Германии за тот же период. Однако к 1940 году бразильцы итальянского происхождения в значительной степени ассимилировались, и, по данным переписи населения этого года, лишь 458054 человек из итальянской диаспоры продолжали говорить дома на итальянском, в то время как на немецком языке говорили 644458 бразильцев германского происхождения. Быстрая ассимиля-

ция имела место также среди бразильцев испанского происхождения, которые перед Второй мировой войной составляли третью самую крупную группу среди европейских иммигрантов и их потомков после португальцев и итальянцев. При потоке иммигрантов из Испании в Бразилию с 1880 по 1930 год, превышающем 700 тыс. человек, к 1940 году лишь 74 тыс. из них продолжали говорить на испанском языке. Быстрая ассимиляция иммигрантов из Италии и Испании в Бразилии, утрата двуязычия в третьем поколении и переход на португальское моноязычие могут быть объяснены близостью итальянского, испанского и португальского языков как языков романской группы, имеющих общее происхождение. Кроме этнокультурного сходства, определённую роль в ассимиляции итальянских и испанских иммигрантов сыграло то, что итальянские и испанские диаспоры не поддерживали в достаточной степени свои языки и культуры через организацию школьного образования на родных языках, как это имело место в германской диаспоре.

В настоящее время в Бразилии имеет место возрождение интереса бразильцев к своим этнокультурным корням и наблюдается рост многоязычия за счёт введения языков иммигрантов в программы школьного обучения и развития сети многоязычных школ. Среди иммигрантов двуязычие продолжает поддерживаться наиболее активно бразильцами немецкого и японского происхождения. В стране выходят газеты на немецком и японском языках. Так, в Сан-Паулу, крупнейшем городе и главном экономическом центре Бразилии, издаётся газета *Brasil-Post* на немецком языке, которая публикуется уже свыше пятидесяти лет. Девиз газеты: *Brücke zu den Deutschsprechenden in aller Welt* (Мост к говорящим на немецком языке во всём мире). Германская диаспора в Бразилии поддерживает также радио- и телевизионные программы и двуязычные web-сайты, посвящённые вопросам культуры, языка и религии.

Динамика демографических изменений в Бразилии в 1940–2000 годах, которая характеризовалась быстрым ростом численности населения в условиях продолжающейся иммиграции и высоких темпов рождаемости, урбанизацией и процессами расово-этнического смешения, ускорила ассимиляцию многочисленных иммигрантских групп и создала угрозу утраты своего языкового наследия и превращения традиционного многоязычного общества в одноязычное. По данным Бразильского института географии и статистики (IBGE),

опубликованным в 2007 году, за период с 1940 по 2000 год население Бразилии возросло в четыре раза, и урбанизация превратила сельскохозяйственную страну, в которой в 1940 году в городах проживало только 31,3 % населения, в страну с преимущественно городским населением, в которой городские жители составляли уже 81,2 %. Рост смешанных браков привёл к тому, что смешанное население (*pardos* – «коричневые») выросло с 21,2 % в 1940 году до 38,5 % в 2000 году. Соответственно сократились категории населения, причисляющие себя к только «белым» или «чёрным». Данные IBGE также выявили другой демографический тренд, ведущий к ассимиляции иммигрантских групп, – рост грамотности населения за счёт расширения сети общеобразовательных школ. В 2000 году до 95 % детей в возрастной группе от 7 до 14 лет были охвачены школьным образованием на основе моноязычных бразильских общественных школ, тогда как в 1940 году лишь одна треть детей этого возраста посещали школы [143]. Демографические изменения, создающие угрозу для языкового и культурного разнообразия страны, вместе с тем вызвали рост этнокультурного самосознания, направленного на сохранение и поддержку языкового и культурного наследия иммигрантов и их потомков, составляющих подавляющее большинство населения страны.

Особый случай бразильского многоязычия представляет многоязычие американских индейцев в бассейне реки Амазонки, некоторые аспекты которого, например так называемая языковая экзогамия, заставляет лингвистов и политиков по-другому взглянуть на явление многоязычия, в особенности в связи с усилиями Европейского союза построить многоязычное общество. Впервые об индивидуальном многоязычии как культурной норме среди американских индейцев в бассейне реки Ваупес в Бразилии и Колумбии писал Артур Соренсен в 1967 году в статье «Многоязычие в северо-западной части амазонского бассейна» [144]. Соренсен описал социальную систему американских индейцев тукано и араваков, двадцать языковых групп которых принадлежат восточно-туканойской и аравакской языковым семьям. Соренсен назвал культурную норму, практикуемую в этом районе, «языковой экзогамией», так как согласно этой норме браки могут заключаться только между говорящими на разных языках.

Многоязычие в системе Ваупес базируется на основополагающем понятии установления социальной идентичности по отцовской линии, при этом главным показателем является принадлежность к языковой группе. Язык отца, таким образом, определяет языковую группу и является языком племени каждого члена этой группы. Хотя все индейцы в этой системе многоязычны, тем не менее отдельные индивидуумы отождествляют себя только с одним языком, с языком отца. Каждая языковая группа ассоциирует себя также с определённой территорией, владение которой она рассматривает как своё право по происхождению, подтверждаемое мифами о происхождении племени. Дети индейцев вырастают многоязычными, так как вначале о них заботятся матери, которые говорят на языке своего племени, но с пятилетнего возраста дети переключаются на язык своего племени, то есть на язык своего отца, который становится их языком. В системе Ваупес все говорящие на языке племени являются родственниками, и браки между ними запрещены культурными нормами. Исследователи многоязычия в системе Ваупес отмечают также то, что, хотя в каждой семье дети усваивают прежде всего язык матери и язык отца, тем не менее индейцы, практикующие данные культурные обычаи, говорят на пяти-шести языках. Подобное многоязычие объясняется тем, что в данной системе участвуют несколько племён. Дети, вырастая в многоязыковом окружении, усваивают вначале язык матери и язык отца, а затем наиболее представленные в данном племени другие языки, из чего складывается, по терминологии Соренсена, их «языковой репертуар» [145]. Степень усвоения дополнительных языков при этом может быть различной и значительно уступать активному владению языком отца и матери. Необходимо также отметить в качестве характерной черты многоязычия в системе Ваупес отсутствие иерархии среди языков, которые считаются «отдельными, но равными». Преданность своему языку не подразумевает его превосходства по какой-либо причине над другими языками.

Многоязычные индейцы, практикующие языковую экзогамию, придерживаются, по терминологии Александры Айкенвальд, одного из исследователей индейского многоязычия в системе Ваупес, «языкового этикета», который в значительной степени отличается от обычной многоязычной практики [146]. Языковое поведение индейцев в системе Ваупес, как было отмечено ещё Соренсеном, требует

от говорящих соблюдения следующих правил: а) говорящие постоянно утверждают, что языки в их системе различны в такой степени, что взаимопонимание невозможно, б) при обучении новому языку необходимо проявлять уважение к этому языку и не пытаться говорить на нём несовершенно, в) необходимо избегать смешения языков или переключения языковых кодов (Code switching).

Важным фактором многоязычия в системе Ваупес является использование регионального языка всеобщей коммуникации – *lingua franca*. В настоящее время таким языком является тукано – как язык наиболее многочисленной группы. Знание языков регионального и национального общения обогащает «языковой репертуар» индейцев и позволяет общаться за пределами своей системы.

Многоязычие в системе Ваупес является составной частью общей культурной системы, которая включает в себя определённые культурные характеристики, являющиеся результатом многовековой практики. Американский исследователь Кристина Стензел подвела в 2005 году итог исследований, инициированных Артуром Соренсеном в 1967 году, и в статье, посвящённой многоязычию американских индейцев северо-восточной части амазонского бассейна, отметила, что «равновесие в этой системе поддерживается взаимодополняющими силами культурной гомогенности и этноязыкового разнообразия: явно культивируемые различия в языковой сфере уравниваются совместными культурными обычаями в социальной сфере» [147].

Признание в законодательном порядке языковых и культурных прав коренных народов в Бразилии и меры, принимаемые для сохранения и поддержки языкового разнообразия, представляют собой принципиально новый подход в вопросах языковой политики по сравнению с относительно недавним периодом, когда переписи населения даже не включали графу «индейцы» (*indígenos*), рассматривая представителей коренного населения как «*pardos*» (коричневые) наряду со смешанным населением. Впервые коренные народы были включены в перепись населения в качестве отдельной группы в 1991 году. Изменившееся отношение к коренным народам и их языкам и культурам, которое свидетельствует о переоценке ценностей бразильским обществом, без специальной, целенаправленной языковой политики на всех уровнях по противодействию отрицательным факторам, приводящим к ассимиляции бразильских индейцев и к исчез-

новению коренных языков и культур, не является достаточным для предотвращения утраты их языкового и культурного наследия. Говоря о таких наиболее очевидных отрицательных факторах, приводящих к вытеснению коренных языков, как миграция индейцев и влияние португальского языка, Кристина Стензел сделала следующий вывод: «Языки, удалённые из их культурного контекста и более не поддерживаемые традиционными социальными структурами, быстро замолкают» [148].

Конституция Бразилии признаёт за коренными народами право на «специфическое, межкультурное и двуязычное школьное образование», и, соответственно, правительство предусмотрело и опубликовало «Директивы национальной политики в области школьного образования коренного населения». В течение десятилетнего периода после принятия Конституции, гарантирующей права коренных народов, в Бразилии открылось около 2732 школ, в которых учатся около 180 тыс. индейских детей, и, по данным Министерства образования Бразилии, в университетах Бразилии обучается 5 тыс. индейских студентов, что составляет приблизительно 1 % от общего числа студентов. Большую роль в организации специального образования для детей коренных народов, кроме Министерства образования, играет Национальный фонд коренного населения (FUNAI), который имеет в своей структуре Отдел образования, осуществляющий подготовку и переподготовку учителей по специальной межкультурной образовательной программе, нацеленной на сохранение этнокультурной идентичности. Для обеспечения культурного контента в образовании для коренного населения FUNAI организывает семинары и встречи учителей с лидерами индейских племён. Бразилия выработала свою модель школ для детей коренного населения, которая отличается от действующей в стране модели основных школ большим содержанием культурного материала, двуязычной постановкой обучения и ориентацией на нужды общины коренных народов [149]. Кроме того, бразильская модель предусматривает размещение таких школ в индейских деревнях для возрождения местной культуры и для того, чтобы избежать негативных последствий для сохранения культуры коренных народов, когда молодёжь не возвращается в свои общины после получения образования за её пределами.

Двуязычное и межкультурное образование для детей американских индейцев в Бразилии осуществлялось частными благотвори-

тельными организациями и фондами задолго до провозглашения конституционных прав коренных народов на использование родных языков в учебном процессе в основном законе страны (параграф 2 статьи 21 Федеральной Конституции) и в директивах по национальной политике в области школьного образования для коренного населения, которые гарантируют право на «межкультурное и двуязычное школьное образование» [150]. Международная организация SIL International, занимающаяся исследованиями языкового и культурного наследия планеты, уже в семидесятых годах двадцатого века выработала концепцию двуязычного и межкультурного образования, по которой обучение грамотности должно осуществляться на родном языке учащегося. Как показал опыт, накопленный первыми двуязычными школами для детей индейского населения в Бразилии, организованными SIL International, образовательная методология, построенная на принципах двуязычного и межкультурного обучения с учётом специфических особенностей каждой языковой группы, является лучшим способом поддержания культурной автономии коренного населения [151].

Таким образом, многоязычная ситуация в Америке как части света характеризуется доминированием английского, испанского, португальского и французского языков, которые являются официальными во всех странах этого региона, кроме США и Мексики, где английский и испанский языки, не имея статуса официальных языков *de jure*, являются таковыми *de facto*. Колониальный период развития стран Северной и Южной Америки нанёс значительный ущерб языковому и культурному разнообразию этого региона, в результате которого сотни языков коренных народов исчезли, а большинству языков и культур, которым удалось выжить, грозит вымирание в результате ассимиляции и глобализационных процессов конца XX–начала XXI веков. Опасность утраты этнокультурного разнообразия и превращения Западного полушария в мир моноязычных государств привела к изменению общественного сознания в пользу поддержания и дальнейшего развития многоязычия и поликультурности. В некоторых странах этого региона, как, например, в Канаде и Парагвае, многоязычие и поликультурность получили законодательную поддержку и стали основополагающими принципами государственной политики во всех сферах деятельности, включая образование. В США вопросы, связанные с языковым разнообразием, пре-

вратились в арену политических и академических баталий, вызванных спорами о статусе английского языка в стране и о целесообразности двуязычного образования для детей иммигрантов.

Борьба за языковые и культурные права коренных народов в Латинской Америке может иногда принимать насильственные формы, как это имело место в Мексике, где закон о равенстве языков и связанные с ним реформы были приняты лишь только после того, как длительное пренебрежение к этнокультурным правам коренных народов привело к вооружённому конфликту. Равновесие многоязычных ситуаций в странах Америки поддерживается, как правило, за счёт разделения функций между языками всеобщей коммуникации, которыми являются официальные языки страны, и языками многочисленных этнокультурных общин иммигрантов и коренных народов. При этом официальные языки используются в государственном управлении, средствах массовой коммуникации, в образовании, в экономике и для межъязыкового общения. Неофициальные языки служат средством этнокультурной самоидентификации и поддерживаются путём развития сети двуязычных и межкультурных классов и школ.

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ В АФРИКЕ

В Африке после распада колониальной системы вновь возникшие африканские государства столкнулись с проблемой создания и развития национальных языков и культур. Общее количество живых африканских языков, по данным 16-го издания каталога языков мира «Этнолог», составляет 2110, что ставит её по этому показателю на второе место в мире после Азии, число языков которой – 2322. Однако языковое разнообразие Африки намного выше, так как при почти таком же числе языков её население (по данным на 2009 год) в четыре раза меньше, чем в Азии. Большинство африканских языков не имеют письменности и никогда не использовались в государственном управлении и образовании. В этих условиях языки бывших метрополий, в особенности английский, французский и португальский, продолжают оставаться государственными языками, в то время как большинство африканских языков, кроме самых распространённых, используются лишь на уровне местных общин. По данным *Атласа языков мира, которым угрожает исчезновение*, не менее 250 местных языков Африки находятся под угрозой исчезновения, а от 500 до 600 уже вымирают [152].

Политическая карта Африки и официальные языки большинства её государств отражают недавнее колониальное прошлое этого многоязычного континента. Хотя португальская колонизация Африки началась ещё в XV веке, к 1880 году, когда начался колониальный раздел Африки, колониальные державы контролировали только 10 % её территории. Европейский экспансионизм в Африке в период с 1880 года до начала Первой мировой войны в 1914 году принял форму жёсткой конкурентной борьбы между соперничающими странами-захватчиками и протекал настолько поспешно, что вошёл в историю как «Гонка за Африку» (Scramble for Africa, или *Wettlauf um Afrika*) [153]. К началу Первой мировой войны раздел Африки

был закончен, и на всём громадном континенте оставались независимыми только Либерия (под патронажем США) и Эфиопия.

Для оправдания колониальной политики идеологи империализма использовали популярную во второй половине XIX века теорию, получившую название «научного расизма», которая брала за основу расовые категории и использовала антропологию, антропометрию и краниометрию для доказательства неравенства рас. Наиболее известной работой, излагающей основные положения научного расизма, была книга Артура де Гобино «*Essai sur l'inégalité des races humaines*» (Очерк о неравенстве человеческих рас), впервые опубликованная в 50-х годах XIX столетия. Перевод книги де Гобино на английский язык, сделанный американским врачом-хирургом Джосаией Кларком Ноттом в 1856 году, сыграл немалую роль в распространении колониальной пропаганды [154]. Нотт как учёный занимался не только изучением жёлтой лихорадки, что заслужило ему место в «Зале славы охраны здоровья штата Алабама» (The Alabama Health-care Hall of Fame), но и активной разработкой расистской теории полигенизма, утверждающей, что человеческие расы имеют разное происхождение и представляют собой разные виды.

Свидетельством действенности пропаганды расистских взглядов в период второй волны империализма в конце XIX – начале XX веков является необыкновенная популярность так называемых человеческих зоопарков, известных также как этнологические экспозиции и негритянские деревни. Наиболее известными из «человеческих зоопарков» были «этнологические зрелища» парижского Jardin d'acclimation (Зоологического сада), которые в 1877 году, в первый год открытия, увеличили число посетителей вдвое – до одного миллиона человек. Всего с 1877 по 1912 год Парижский зоосад организовал тридцать «этнологических выставок» с демонстрацией представителей коренных народов [155]. Подобные «зоопарки» демонстрировались во многих городах Европы и Америки и пользовались неизменным успехом. Человеческие зоопарки подчёркивали «примитивность» и «дикарское состояние» коренных народов, что способствовало пропаганде социального дарвинизма и расизма. О расистских взглядах организаторов «этнологических экспозиций» также свидетельствовало то, что нередко африканцев помещали в клетки с приматами и другими животными. В 1906 году Бронкский зоопарк (Bronx Zoo) в Нью-Йорке поместил конголезского пигмея по имени

Ота Бенга в клетку с обезьянами и представил его как «отсутствующее звено». Организаторы данного показа не скрывали своего пренебрежения к коренным народам Африки, которые, по их мнению, находились в своём эволюционном развитии между обезьянами и людьми [156].

Движения за независимость после Второй мировой войны привели к распаду колониальной системы, завершившемуся в 60–70-х годах XX столетия. В настоящее время число независимых и суверенных государств в Африке составляет 53, и, хотя многие из них поменяли свои названия, большинство из них остались в пределах тех же границ, которые разделяли колониальные владения. Послеколониальное развитие африканских стран характеризуется крайней политической и экономической нестабильностью и межэтническими конфликтами. Условность границ, навязанных европейскими колонизаторами, приводит также к постоянным территориальным спорам, доходящим до военных конфликтов.

При общем числе африканских народов и этнических общностей, превышающем 2000, большинство из них насчитывают по несколько тысяч и даже сотен человек и населяют несколько деревень. Языки и культуры таких народов особенно уязвимы и находятся на грани исчезновения. Некоторые крупные и крупнейшие народы Африки насчитывают от одного до десяти и более млн человек каждый, и их языки могут широко использоваться во всех сферах жизни, кроме государственного управления и высшего образования.

В культурно-этнографическом отношении территория Африки распадается на Северную Африку и Африку южнее Сахары, или Тропическую Африку, часто называемую Чёрной Африкой.

5.1. Многоязычные общества Северной Африки

Геополитически, по определению ООН, Северная Африка включает в себя семь стран – Алжир, Египет, Ливию, Марокко, Судан, Тунис, Мавританию и оспариваемую территорию Западной Сахары, находящуюся в настоящее время под управлением Марокко.

Разница между арабским миром Северной Африки и остальной частью Африки является результатом отделения Севера от Тропической Африки пустыней Сахара, представляющей собой естествен-

ный барьер, который разделил Африку на два мира, отличающихся друг от друга в этнокультурном отношении. Исторически страны Северной Африки развивались в условиях тесных контактов с Юго-Западной Азией и Европой, в то время как связи Севера с Африкой южнее Сахары сводились к ограниченным по своим культурным воздействиям торговым обменам, осуществляемым арабскими и берберскими купцами, которые пересекали пустыню с караванами верблюдов.

После арабского мусульманского завоевания в седьмом веке нашей эры Северная Африка подверглась арабизации, которая вызвала драматический культурный и языковой сдвиг её населения. Арабский язык и арабская культура стали ведущими аспектами североафриканской этнокультурной самоидентификации. За период колониального раздела африканского континента все страны Северной Африки попали под колониальное господство и имели статус колоний или протекторатов колониальных держав Франции, Англии, Испании и Италии. После обретения независимости в течение 50–60-х годов XX века, североафриканские страны провозгласили арабский язык официальным языком и в значительной степени освободились от европейского культурного влияния. В то же время в большинстве арабских стран этого региона европейские языки продолжают удерживать свои позиции и являются частью многоязычного репертуара населения, особенно в сфере высшего образования, а в некоторых из этих стран, как, например, в Алжире, европейский язык бывшей метрополии является *de facto* вторым официальным языком благодаря продолжающимся экономическим и культурным связям.

Многоязычие в Северной Африке не ограничивается арабским языком как официальным и другими языками, включая свыше двадцати коренных языков и языков иммигрантов в большинстве североафриканских стран. Важной чертой использования арабского языка в Северной Африке и во всём арабоязычном мире является арабская диглоссия, то есть существование нескольких разновидностей арабского языка, каждая из которых, в свою очередь, представляет группу диалектов. Отдельные разновидности арабского языка могут значительно отличаться от литературного варианта, используемого на уровне государственного управления и межарабских отношений. Различия могут быть настолько велики, что говорящие на одном из арабских диалектов не могут общаться с говорящими на

других. Несмотря на наличие нескольких диалектов арабского языка на Среднем Востоке, говорящие на них в общем понимают друг друга. Однако понимание говорящих на диалектах Среднего Востока тех, кто говорит на североафриканских диалектах, затруднено. Из шести основных диалектных групп в Северной Африке наиболее распространёнными являются египетский и магрибский арабский. Магрибский арабский язык включает группу диалектов западно-североафриканских стран, на которых говорят свыше 45 млн североафриканцев в Марокко, Западной Сахаре, Алжире, Тунисе и Ливии. Магрибский арабский из-за сильного влияния берберских языков представляет наибольшие трудности для говорящих на других вариантах арабского языка [157]. Арабская диглоссия представляет собой широко распространённую в арабском мире форму внутриязыкового двуязычия, при которой образованные арабы в разных социальных ситуациях используют разные варианты арабского языка. При этом для общения с арабами, говорящими на других диалектах, используется современный стандартный вариант арабского языка, изучаемый в школах. Местные варианты, как правило, не имеют письменной формы и используются в неформальных ситуациях и популярных телевизионных программах, включая рекламу.

5.1.1. Многоязычный Египет: арабизация и этнокультурная идентичность

Наиболее интересной страной с точки зрения многоязычности в арабском мире Северной Африки является Египет, государство в северо-восточной части Африки и на Синайском полуострове. При численности населения около 83 млн человек (по оценке на 2009 год) Египет представляет собой самую населённую страну Северной Африки. Как страна древней цивилизации, зародившейся свыше трёх тысяч лет до нашей эры, Египет привлекает учёных-историков и археологов, а памятники древней цивилизации, которые включают одно из чудес света древнего мира – великую пирамиду Хеопса (Хуфу), превратили Египет в одну из самых популярных целей туристических маршрутов.

Египет пережил бурную историю, включающую почти трёхтысячелетний период самостоятельного египетского царства и серии иностранных завоеваний и оккупаций, принесших различные культурные влияния и повлиявших на формирование этнокультурной

идентичности, основанной на двух новых религиях – исламе и христианстве – и новом языке – арабском.

Несмотря на то, что египтяне составляют самую крупную этническую группу, насчитывающую 98 % от всего населения, Египет является многоязычной и поликультурной страной. По данным 16-го издания «Этнолога», число живых языков в этой стране составляет 27, из которых коренными являются одиннадцать языков [158]. Этничность в Египте не достаточна для определения этнокультурной принадлежности и родного языка. Арабизация и исламизация страны, которая началась с арабского вторжения в 641 году, была неполной. Коренное население страны, копты, потомки цивилизации фараонов, к моменту арабского вторжения были в основном обращены в христианство и сопротивлялись обращению в мусульманскую веру. В период арабского господства христианская церковь в Египте пережила периоды преследования и мирного сосуществования с доминирующей в Северной Африке религией – исламом. Коптские христиане в Египте представляют собой самую крупную христианскую общину на Ближнем Востоке и составляют от 10 до 20 % от всего населения. Разница в оценках численности коптского населения объясняется нежеланием официальных кругов страны признать, что официальные данные, по которым лишь 9 % населения исповедуют христианство, занижены [159, 160].

В результате длительного исторического развития в условиях доминирования арабского языка и культуры египетские копты сохранили свои языки и культуру и в то же время полностью интегрировались в египетское общество. Классический коптский язык используется в церковных ритуалах и изучается в школах и высших учебных заведениях. В разговорной речи коптский язык представлен шестью диалектами. Таким образом, наряду с арабской диглоссией в Египте существует и коптская диглоссия, и этнокультурная идентичность коптов включает себя многоязычие и поликультурность, так как все копты владеют официальным арабским языком, который используется как основной язык в образовании.

Этнические меньшинства Египта включают также племена арабов-бедуинов, проживающих в восточных пустынях, берберов – в оазисе Сива в западной части страны и нубийцев, проживающих в долине Нила.

Египетские бедуины разделены на племена и ведут оседлый образ жизни, хотя исторически они были кочевниками. Этнокультурная принадлежность бедуинов включает иерархию лояльностей, в зависимости от степени родства, начиная с первичной семейной ячейки, племени и кончая всей этнической или языковой группой. Языковые диалекты бедуинов могут значительно отличаться от стандартного арабского языка, что делает их двуязычными даже в своей культуре. Бедуины традиционно придерживались строгого кода чести и традиционной системы отправления правосудия, которая включала испытание огнём в качестве проверки на ложь. Культура бедуинов имеет свои традиции музыки, танца и поэзии.

Египетские берберы, говорящие на одном из берберских языков (тасивит), населяют оазис Сива, известный в туристических агентствах мира как месторасположение развалин древнего египетского храма бога Солнца. Берберы (самоназвание в единственном числе *амазиг* – «человек») являются представителями коренных обитателей Северной Африки к западу от Египта до Атлантического океана и к северу от Судана до Средиземного моря. Интенсивная арабизация берберов привела к тому, что для поддержания своей этнокультурной идентичности они стали двуязычными. Берберские языки не признаются ни в одной из североафриканских стран арабского мира в качестве официальных, хотя в Магрибе (Запад арабского мира Северной Африки) изучение берберских языков было включено в школьные программы в начале XXI века.

Многоязычие нубийцев, народа на юге Египта и севере Судана, в исторической области Нубии, определяется их этнокультурной идентичностью, основанной на нило-нубийских языках и культурах, и языковой политике египетского государства, признающего официальный статус только арабского языка. Все нубийцы, кроме родного языка, говорят на арабском языке, который используется в качестве средства обучения в школьном образовании.

Функциональность языков в Египте отражена в системе национального образования, которое осуществляется на всех уровнях на официальном языке страны, то есть на арабском, но при этом учитывает необходимость подготовки специалистов, владеющих современными европейскими языками, которые открывают доступ к мировым достижениям в области науки, культуры и инновационных технологий. Национальное образование предусматривает три стадии

обучения: базисное, для возрастной группы от 4 до 14 лет; среднее, для учащихся от 15 до 17 лет, включающее три года обучения; и послешкольное образование. Все стадии образования в Египте бесплатные, при условии, что обучение производится в государственных учебных учреждениях. Обязательным является обучение в возрасте от 6 до 14 лет.

Система образования в Египте предусматривает основательную подготовку по иностранным языкам, которые широко используются в университетском образовании. Так, из двух типов государственных школ – арабских и экспериментальных языковых – даже в арабских школах, где арабский язык является основным средством обучения, английский язык вводится с четвёртого класса начальной школы, а на уровне средней школы учебный план предусматривает введение французского языка. Другой тип государственных школ – экспериментальная языковая школа – использует английский язык в качестве средства обучения по математике, естественным наукам и компьютерным технологиям, в то время как предметы, связанные с общественными науками, преподаются на арабском. Французский язык вводится в качестве второго иностранного языка уже во второй части базисного образования, подготавливающей учащихся к средней школе. Все стадии школьного образования в языковых школах обеспечивают языковую подготовку на английском языке на продвинутом уровне (*Advanced English Language Curriculum*). Приём в языковые школы осуществляется с семи лет, в отличие от арабских школ, принимающих учащихся в возрасте шести лет.

Кроме государственных, в Египте действуют частные школы, многие из которых предлагают дополнительные образовательные программы, ведущие к получению международных сертификатов среднего образования, включая американский *High School Diploma*, британский *IGCSE*, французский *baccalauréat*, немецкий *Abitur* и международный *International Baccalaureate*. Частные школы, кроме двух типов, подобных государственным школам, включают и религиозные школы. Частные школы предлагают более высококачественное образование, но они не доступны для тех, кто не может позволить себе платное обучение. Частные языковые школы используют в качестве основного средства обучения (*medium of instruction*) английский язык и предлагают, кроме французского, также и немецкий язык. Некоторые из них специализируются на использовании

французского и немецкого для преподавания основных предметов, что затрудняет, однако, обучение в университетах, где основным языком, кроме арабского, является английский. Возможность получения более высококачественного образования на современных языках приводит, однако, к возникновению существенных различий в уровне образования, получаемого богатыми и бедными (по терминологии Всемирного банка – “wealth gap”) [161].

Английский язык широко используется в системе высшего образования Египта, которое включает в себя 17 государственных университетов, 51 государственный институт, 16 частных университетов и 89 частных институтов [162]. Арабский язык в качестве средства обучения используется на гуманитарных, коммерческих и образовательных факультетах, а также факультетах правоведения и туризма, в то время как английский язык используется на медицинских и научно-технических факультетах [163].

5.1.2. Особенности многоязычных и поликультурных обществ Большого Магриба

Многоязычие в Большом Магрибе, западной части арабского мира Северной Африки, включающей в себя Алжир, Марокко, Ливию, Мавританию, Тунис и Западную Сахару, имеет свои особенности, определяющиеся длительным сопротивлением берберских народов насильственной арабизации и влиянием французского, испанского и итальянского колониального правления, которое продолжилось даже после провозглашения независимости. Все страны Магриба предоставляют статус официального языка только арабскому, и вплоть до XXI века берберское население не имело возможностей использовать родной язык в школах и университетах.

На рубеже XX и XXI веков в некоторых странах этого региона под давлением берберских групп, выступающих за расширение культурных и языковых прав берберских народов, правящие круги были вынуждены пойти на уступки и признать, что, кроме арабизма и ислама, важным элементом этнокультурной идентичности магрибских стран является берберизм, или на берберском языке *амазигх* – амазигхизм. Новое отношение к берберам и их культуре впервые было отражено в Конституции Алжира, самой крупной и второй после Египта по численности населения страны Северной Африки. Преамбула Конституции Алжира от 1989 года с конституционными

изменениями 1996 года определяет «ислам, арабизм и амазигхизм» в качестве основных компонентов его идентичности (*les composantes fondamentales de son identité*). В преамбуле Конституции культурные аспекты Алжира уточняются далее следующим образом: Алжир это «земля ислама, интегральная часть Большого Магриба, страна арабская, средиземноморская и африканская» [164].

Признание берберской культуры как составной части алжирской идентичности и внесение соответствующих изменений в Конституцию были результатом длительной борьбы берберского народа против языковой и культурной политики арабского националистического правительства, отказывавшегося признавать берберскую культуру и запретившего использование берберского языка. Победа Алжира в войне за независимость от Франции была завоёвана под руководством Фронта национального освобождения, ФНО (*le Front de Libération Nationale, FLN*), представлявшего собой арабское националистическое движение. После провозглашения независимости в 1962 году ФНО установил в стране однопартийный режим, который в процессе деколонизации страны пошёл по пути насильственной арабизации всех сторон жизни общества. Возникновение берберского движения протеста за признание берберской идентичности в Алжире связывается с так называемой Берберской весной, то есть с событиями в марте–апреле 1980 года в Кабилии, районе, населённом бербероговорящими алжирцами. Берберская весна была подавлена, но политика культурных запретов и полицейских репрессий привела лишь к расширению берберского движения за культурную автономию и демократию. После коллапса однопартийной системы в 1992 году возникли условия для конституционного признания амазигхизма, то есть берберской культуры. Конституционная реформа 1996 года, однако, не привела ещё к признанию берберского языка. Статья 3 Конституции провозглашает арабский «национальным и официальным языком», при этом берберский язык не упоминается. Более того, статья 178 четвёртой части Конституции, посвящённая правилам конституционных изменений, предупреждает среди прочего, что конституционные изменения не должны затрагивать «арабский как национальный и официальный язык» [165].

Недовольство этнических берберов в Кабилии культурной маргинализацией привело к политическим демонстрациям берберских активистов и беспорядкам в Кабилии в 2001 году, получившим на-

звание Чёрной весны, так как десятки берберских кабилов погибли от пуль сил безопасности во время подавления беспорядков, начавшихся после того, как берберский школьник Массинисса погиб в жандармских застенках.

Кровавые события в кабилском районе Алжира привлекли к себе внимание общественности всего мира. По данным международных организаций, выступающих за права человека, численность берберского населения в Кабилии составляет 9 млн человек, то есть третью часть всего населения, что значительно превышало официальные данные, которые стремились приуменьшить берберский элемент в этнокультурной идентичности алжирцев [166]. В 2002 году берберский язык был признан национальным, и с середины 2003 года началось преподавание берберского языка в качестве необязательного предмета в районах с берберским населением [167]. Движение за культурные права берберов (le Mouvement Culturel Berbère, МСВ) считает эти меры недостаточными и требует признания за берберским языком официального статуса.

Изменения в многоязычной ситуации Алжира, предоставляющие берберам ограниченные культурные и языковые права, отражают культурно-этнический профиль этой страны, так как учитывают берберский элемент в законодательном порядке, включая Конституцию. Официальный язык – арабский – выполняет функции языка государственного управления и является всеобщим языком коммуникации, на котором говорят 98 % населения Алжира. Берберский язык и другие языки меньшинств выполняют функцию этнокультурной самоидентификации. Французский язык широко используется в бизнесе, высшем образовании и для связи с внешним миром, учитывающая его международный статус [168].

Распределение функций между языками определяет многоязычность населения. Этнические меньшинства в Алжире практикуют многоязычие для обеспечения полноправного участия во всех сторонах жизни нации при сохранении своей этнокультурной идентичности. Арабская диглоссия, то есть одновременное существование различных вариантов арабского языка, делает многоязычным даже арабоговорящее большинство, так как в неформальных ситуациях используется алжирский вариант арабского языка, а для коммуникации со всем арабским миром и в формальной обстановке алжирцы прибегают к современному стандарту арабского языка. Многоязычность

алжирского населения включает также французский язык, который, несмотря на продолжающуюся арабизацию, является частью этнокультурного профиля нации.

В Марокко берберы составляют около 60 % населения страны, но в результате арабизации лишь 42 процента марокканцев признают свою берберскую идентичность. Конституция Марокко предоставляет статус официального языка только арабскому. Но берберский язык является *de facto* признанным национальным языком, и в начале XXI века преподавание берберского языка было введено в обязательном порядке во всех школах страны вне зависимости от использования берберского языка в данной местности. Берберский язык получил также широкое распространение в прессе, хотя его использование на телевидении ограничивается краткими ежедневными сводками новостей. Марокканский арабский язык, используемый для общей коммуникации, отражает в своём структурном составе значительные влияния берберского языка.

Таким образом, многоязычие и поликультурность арабских стран Северной Африки имеют много общего, хотя западная часть арабского мира в значительной степени сохранила элементы берберского языка и культуры. Единственным официальным языком во всех странах этого региона является современный стандартный арабский язык, который используется в государственном управлении, прессе, образовании и для связей с другими арабскими странами. Для общения в неформальной обстановке используются многочисленные арабские диалекты, отличия которых от стандартного арабского языка увеличиваются по мере продвижения к западу Северной Африки. Этнокультурная самоидентификация национальных меньшинств осуществляется сохранением и поддержанием родных языков, что затрудняется традиционной языковой политикой арабизации населения. В магрибских странах, особенно в Марокко, берберский язык и культура в последнее время получают всё большее признание общества, хотя эти изменения ещё не получили законодательной поддержки. Важным элементом многоязычия арабских стран Северной Африки является широкое использование языков бывших колониальных держав – английского в Египте и французского в Большом Магрибе (Западе Северной Африки) – в экономике, высшем образовании и для связей с внешним миром.

5.2. Африка южнее Сахары: самый многоязычный регион в мире

Часть африканского континента, расположенная к югу от пустыни Сахара ещё в Средние века была названа арабскими авторами «Землёй чёрных», а в эпоху европейских колониальных завоеваний об этом регионе часто отзывались как о Чёрной Африке [169]. Контраст между негроидными народами Африки к югу от Сахары и европеоидами Северной Африки является следствием длительной изоляции Северной и Тропической Африки в результате их разделения самой крупной в мире пустыней Сахарой, образовавшейся около 3,5 тыс. лет до нашей эры в процессе десертификации некогда цветущего края [170]. Пустынные районы Сахары с крайне неблагоприятным климатом превратились в почти непреодолимый барьер для миграции населения и для культурных и торговых обменов между Северной и Тропической Африкой ещё во времена древней египетской цивилизации [171].

В течение многих тысячелетий, вплоть до Великих географических открытий, Африка оставалась почти неизученным экзотическим краем, сведения о котором поступали лишь из арабских источников о караванах, проникающих вглубь Африки вдоль её восточного побережья. Длительная изоляция этого региона от Европы привела также к тому, что даже после периода европейской колонизации Африка южнее Сахары выделяется своим биологическим разнообразием и является самым многоязычным и поликультурным регионом земного шара. По данным «Этнолога», почти 2000 живых языков из общего числа языков Африки, составляющего 2100, – это языки народов, проживающих в Тропической Африке к югу от Сахары [172]. Самая крупная в мире языковая макросемья – нигеро-конголезская, включающая языки банту, – насчитывает 1510 живых языков, распространённых в 39 странах Тропической Африки.

По классификации ООН, Африка южнее Сахары подразделяется на четыре подрегиона – Восточную, Западную, Центральную и Южную Африку, из которых каждый характеризуется определёнными природными условиями и имеет свои геополитические особенности. Общей особенностью всего региона является то, что в нём расположено большинство самых бедных, наименее экономически развитых стран мира с самыми низкими значениями индекса развития челове-

ческого потенциала ИРЧП (Human Development Index). Индекс развития человеческого потенциала был разработан специальным советником ООН по вопросам программы развития (United Nations Development Programme) Махбубом уль-Хаком (Mahbub ul-Haq) в 1990 году и отражает 3 вида показателей «человеческого развития»: среднюю продолжительность предстоящей жизни при рождении (life expectancy at birth), уровень грамотности взрослого населения страны (2/3 индекса) и совокупную долю учащихся (1/3 индекса), а также уровень жизни, оцененный через ВВП на душу населения при паритете покупательной способности в долларах США [173]. Ежегодные отчёты ООН по развитию человеческого потенциала указывают, что значение ИРЧП в странах Тропической Африки не превышает 0,500, в то время как для развитых стран Европы, Северной Америки, Австралии и Японии этот индекс составляет не менее 0,950. То, что десять стран мира с худшими показателями ИРЧП (от 0,329 до 0,389) находятся именно в этом регионе, подчёркивает, что Чёрная Африка испытывает на себе воздействие целой серии отрицательных факторов, включающих неэффективное управление экономикой, коррупцию на местах, межэтнические конфликты и болезни, свойственные Тропической Африке, – малярию и СПИД [174].

Проблемы постколониального развития африканских стран усугубляются трудностями, связанными с продолжающейся зависимостью от бывших колониальных держав не только в области экономики, но и в образовании, особенно на уровне средних школ и университетов. Наиболее сложной задачей оказалось освобождение от зависимости новых африканских государств от европейских языков, глубоко проникших во все сферы жизни бывших колоний. Даже в странах Северной Африки, в процессе деколонизации заменивших европейские языки в функции государственных арабским языком, не удалось добиться полной арабизации, так как арабский язык не был готов взять на себя функции бизнеса, торговли, высшего образования и традиционных связей с внешним миром. Что касается стран Африки южнее Сахары, то при планировании своей языковой политики после провозглашения независимости эти страны, за редким исключением, вынуждены были не только признать границы, искусственно навязанные европейскими колонизаторами в процессе раздела Африки, но и предоставить европейским языкам статус официальных языков.

На фоне своего чрезвычайного языкового разнообразия Африка южнее Сахары выглядит довольно однообразно в отношении официальных языков своих многоязычных государств. Кроме Эритреи и Эфиопии, которые наряду с Либерией были единственными странами в этом регионе, избежавшими колонизации, и Сомали, государством, испытавшим наименьшее колониальное влияние из-за нестабильности внутривнутриполитической обстановки и соперничества колониальных держав, все страны Тропической Африки можно подразделить на три больших субрегиона в зависимости от языка государственного управления: англоговорящая Африка, франкоязычная Африка (Afrique Francophone) и страны португальского языка. Языковая карта Африки отражена в списке официальных языков Африканского союза, самой крупной африканской межправительственной организации, в состав которой входит 52 государства. Африканский союз, являющийся преемником Организации африканского единства, в статье 11 своего Устава провозглашает в качестве своих официальных языков арабский, французский, английский, португальский и единственный африканский язык – суахили. Самыми большими языковыми субрегионами являются англо- и франкоговорящие группы стран. В территориальном отношении и по числу стран франкоговорящий мир Африки несколько крупнее англоговорящего мира этого региона, хотя уступает по численности населения, так как включает малонаселённые районы Сахары [175]. В шести из восемнадцати стран англоговорящего мира Тропической Африки английский язык разделяет статус официального с одним из наиболее распространённых местных языков, а в Южно-Африканской Республике, кроме английского и африкаанса, официальными признаны десять африканских языков. В странах франкоговорящего мира, кроме французского, статус официального также предоставлен другому языку в семи странах, из них в трёх странах, включая Бурунди, Мадагаскар и Руанду, в качестве официальных используется один из местных языков. В Чаде и на Коморских островах официальным, кроме французского, является также арабский язык. В пяти странах Тропической Африки статус официального языка предоставлен португальскому языку, из них самыми крупными являются Ангола и Мозамбик.

5.2.1. Проблемы языковой деколонизации в Африке

Сохранение языков бывших колониальных держав и предоставление им статуса официальных языков *de jure* или *de facto* даёт африканским странам ряд преимуществ. Все эти страны поддерживают тесные экономические связи как с бывшими метрополиями, так и с другими странами Африки и всего мира, с которыми они разделяют общий язык. Их официальные языки являются также официальными языками всех крупных международных наднациональных организаций, включая ООН и ЮНЕСКО. Все африканские страны являются членами сообществ бывших колоний одной из европейских держав, объединённых общим языком и общностью исторического развития. Самым крупным сообществом такого типа является Содружество наций (Commonwealth of Nations), представляющее собой межправительственную организацию из пятидесяти трёх независимых стран-членов, большинство из которых были частью Британской империи. Глава Содружества – английская королева, которая также является королевой шести стран-членов Содружества. Формально Содружество наций было учреждено ещё в 1931 году Вестминстерским статутом (Statute of Westminster). После того как бывшие колонии и доминионы стали независимыми государствами, сотрудничество между членами Содружества развивалось на основе равноправия и взаимной помощи в сферах культуры, спорта, экономики и образования. С этой целью в рамках Содружества действуют межправительственные организации, специализирующиеся в сотрудничестве и взаимной помощи в определённой сфере. Совет делового сотрудничества (Commonwealth Business Council), образованный в 1996 году, имеет целью использовать всемирную сеть Содружества для того, чтобы способствовать развитию национальных экономик и всемирной торговли. Содружество по обучению (Commonwealth of Learning) помогает развивающимся странам в организации более свободного доступа к высококачественному образованию на всех уровнях посредством предоставления необходимых знаний, ресурсов и технологий. Под эгидой Содружества действуют свыше 100 неправительственных организаций, включая Ассоциацию университетов Содружества, Ассоциацию юристов Содружества и так далее.

Сотрудничество стран Содружества оказалось настолько эффективным, что многие страны, которые никогда не входили в Британскую империю, включая бывшие французские колонии Алжир, Ма-

дагаскар и Руанду, подали заявления о вступлении в эту организацию [176].

Существуют также и объединения франкоговорящих и португалоговорящих стран, членство в которых предоставляет ряд преимуществ развивающимся странам, особенно в сфере образования и культуры. Международная организация франкоговорящих стран Франкофони (*Organisation internationale de la Francophonie*) включает в себя 56 стран-членов, 3 ассоциативных члена и 14 наблюдателей. Франкофони была учреждена в 1970 году под девизом *égalité, complémentarité, solidarité* (равенство, дополнительность, солидарность). Основанная как организация по поддержке французского языка и культуры, Франкофони переросла в крупную организацию, осуществляющую сотрудничество в области культуры, науки, экономики, законодательства и мира [177].

Сообщество стран португальского языка (*Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP*) было учреждено сравнительно недавно, в 1996 году, и включает в себя 8 стран, 5 из которых – африканские страны к югу от Сахары. Три африканские страны имеют статус ассоциативных наблюдателей. CPLP уже продемонстрировало свою эффективность, когда оно помогло разрешить двум африканским странам (Сан-Томе и Принсипи и Гвинее-Биссау) проблемы политической и экономической нестабильности в связи с государственными переворотами. Инициативы Сообщества CPLP в помощи странам-членам включают программы по развитию бизнеса и общественного управления, кампании по борьбе с малярией и СПИДом, болезнями, которые наносят большой урон африканским национальным экономикам. Особенно тесное сотрудничество осуществляется в культурной сфере и в образовании [178].

В то время как преимущества, связанные с сохранением европейских языков в функциях государственных языков и языков межэтнического общения, очевидны и включают, кроме тесных экономических и культурных связей с бывшей метрополией и участия в международных организациях, также и использование уже сложившейся системы образования и наличие в стране кадров многоязычной интеллигенции, владеющей официальным языком, отрицательные последствия языковой политики в африканских странах к югу от Сахары, направленной на способствование развитию коренных языков и их продвижение во все уровни в системе образования, прояви-

лись несколько позже. После распада колониальной системы вопросы адаптации формального образования к национальным реальностям и создания условий для постепенного вытеснения европейских языков в качестве средства обучения на всех уровнях стояли на повестке дня в качестве приоритетных во многих странах этого региона. Уроки экспериментирования с языковой политикой, как пишет нигерийский исследователь в области образования Паи Обанья (Pai Obanya), наглядно продемонстрировали трудности проведения радикальных реформ, связанных с переходом на новые языки обучения. Образовательные реформы в ряде африканских стран к югу от Сахары прошли через четыре этапа, в течение которых отношение к обучению на коренных языках менялось от положительного к отрицательному:

– период разъяснительной работы, в течение которого предпринимались меры по пропаганде среди населения идеи о необходимости развития коренных африканских языков для образовательных целей;

– период развития, в течение которого во франкоязычных странах проводилась практическая работа по созданию систем письменности коренных языков и написанию школьных учебников, а в англоговорящих странах проводилась кампания по реформе систем письменности и стимуляции литературного творчества и написания педагогических материалов на местных языках;

– период широких инициатив в языковой политике в таких странах, как Танзания, Эфиопия, Сомали, Мадагаскар и Гвинея, по выбору национальных языков и их полному развитию для использования в базовом образовании и обучении грамотности;

– период замедления и прекращения экспериментов в языковой политике, когда африканские руководители стали отказываться от широкого использования коренных языков в образовании, особенно на уровнях выше базового [179].

Не все африканские страны южнее Сахары в период после обретения независимости преследовали в процессе деколонизации цель замены европейских языков одним или несколькими африканскими языками во всех сферах жизни страны, начиная с государственного управления.

Радикализм в области языковой политики и «языковая деколонизация» особенно были характерны для стран, национально-освобо-

дительные движения которых в процессе борьбы против колониального господства выработали идею о постколониальном развитии Африки по пути «африканского социализма» и полной деколонизации, включая отказ от использования европейских языков в качестве государственных языков своих стран. Так, Джулиус Ньерере, президент Танзании в 1964–1985 годах, в рамках концепции «Образование для опоры на собственные силы» (Education for self-reliance) способствовал широкому использованию суахили и вытеснению английского языка из школьного обучения Танзании [180]. Другой последователь идей африканского социализма и полной деколонизации, Ахмед Секу Туре, президент Гвинеи с 1958 по 1984 год, сразу после провозглашения независимости страны приступил к деколонизации образования и постепенной замене французского языка африканскими языками. С этой целью были отобраны шесть коренных языков и начата работа по их развитию и написанию учебных материалов для перехода на обучение на коренных языках на всех уровнях образования. Радикализм в области языковой политики, однако, не привёл к ожидаемым результатам. В Гвинее разрыв политических и экономических отношений с Францией сказался крайне отрицательно на постколониальном развитии страны «по пути социализма и независимости». После смены режима в Гвинее французский язык вновь занял свои позиции в школьном образовании, а коренные языки стали преподаваться как предметы школьной программы.

Вместе с тем, несмотря на доминирование европейских языков в странах Африки южнее Сахары, существуют определённые различия в подходах к языковой политике в области образования между англоговорящей Африкой и африканскими странами с французским и португальским языками в качестве официальных. Так, в большинстве англоговорящих стран Африки ставится цель достижения грамотности на родном языке, и в первые один или два года начальной школы обучение ведётся на родном языке, в то время как английский язык преподаётся как предмет. На последующих стадиях обучения африканские языки преподаются как предметы в школьной программе, а в качестве средства обучения используется английский язык. Во франкоговорящих и португалоговорящих странах родной язык изучается как предмет даже в начальной школе, и цель достижения грамотности в африканских языках не ставится. В нескольких африканских странах, в которых неевропейские языки имеют статус

официальных (в Танзании, на Мадагаскаре, в Бурунди, Руанде, Сомали и Эфиопии), обучение на родном языке ведётся в течение всего периода базового образования. На уровнях средней и высшей школы обучение осуществляется на европейских языках [181].

В связи с ростом в конце 90-х годов популярности идей о многоязычии и плюрикультурности в развитых странах Запада, особенно в Европе, призывы к пересмотру языковой политики африканских стран южнее Сахары всё чаще стали звучать в политических и интеллектуальных кругах Африки. Али Мазруи в своём исследовании использования европейских языков в качестве государственных языков Африки назвал ошибочной веру некоторых африканских лидеров в то, что западная модель, включая использование европейских языков, способствует более успешному социо-политическому развитию бывших колоний, и выразил мысль о том, что «языковой плюрализм не обязательно является разделяющей силой, которая ослабляет узы государственности и национального существования, а, напротив, может быть мощным источником новой гуманности в мире чрезвычайного разнообразия» [182].

Танзанийский исследователь в области образования Вальтер Бгоя (Walter Bgoya) называет самый распространённый язык в Африке, английский, «экспортным товаром и языком колониального завоевания и господства» и выражает мысль о том, что «искусственное навязывание чужого языка приводит к тому, что не только не достигается уровень совершенства в этом языке, но обучаемые теряют дар свободного владения своим родным языком» [183].

Позиция известного кенийского автора, почётного профессора английского языка и сравнительной литературы Калифорнийского университета в Ирвайне Нгуги ва Тхионго (Ngugi wa Thiong'o) в отношении доминирования европейских языков в странах Африки не менее отрицательна. Известный африканский автор, пишущий на английском языке, он сменил своё имя, отказался от христианства и стал писать книги на кикуйю (Gigikuyu), одном из языков банту и втором по значению национальном языке Кении после суахили. Тхионго выступил с критикой африканских лидеров, которые превратили африканские страны в государства двух наций: небольших меньшинств, управляющих делами страны на европейских языках, и большинства, говорящего на различных африканских языках. Он призвал к «деколонизации разума» в Африке, где, по его мнению,

произошёл раскол между разумом и телом, что привело к тому, что африканские страны стали «нациями тел без головы и голов без тел». Если Африка не изменит своей языковой политики и не откажется от использования европейских языков в национальной жизни своих государств, предупреждает Тхионго в своих выступлениях и книгах, ей грозит участь стать «культурным придатком Европы» [184].

Если призывы сторонников полной языковой и культурной деколонизации кажутся весьма непрактичными в условиях чрезвычайного языкового разнообразия Африки и трудностей, связанных с выбором определённых африканских языков и их развитием с целью использования на всех уровнях образования, в экономике, в научных исследованиях и в качестве языков межэтнического общения, то для стран Восточной Африки идея использования самого крупного африканского языка суахили в качестве полноправного официального языка выглядит вполне приемлемой. Суахили образовался на восточном побережье Африки как язык общения арабских коммерсантов, осуществлявших регулярные экспедиции на караванах верблюдов вдоль восточного побережья задолго до европейской колонизации. Название языка происходит от арабского слова, означающего побережье («сахель» – *араб.* «берег, окраина»). Суахили содержит свыше 35 % слов арабского происхождения и является единственным африканским языком, выполняющим функцию *lingua franca* на африканском континенте. Суахили является родным языком для 5–10 млн человек, но, по имеющимся данным, он используется как второй язык во многих странах Восточной Африки, где на нём говорят до 50 млн человек. В трёх странах – Кении, Танзании и Уганде – он имеет статус официального языка. Кроме того, он является единственным африканским языком, получившим статус официального языка Африканского союза, самой крупной межправительственной организации в Африке [185].

Становление суахили как признанного африканского языка межэтнической коммуникации, имеющего свою систему письменности и стандартную форму, однако, произошло в результате целенаправленной политики колониальных держав. Англия и Германия, захватившие значительные территории в Восточной Африке, выбирали наиболее распространённые местные языки с целью использования в начальном образовании и на низших уровнях колониального управ-

ления. После Первой мировой войны суахили использовался английскими колониальными властями в Уганде, Танганьике, Занзибаре и Кении, и в процессе использования имела место стандартизация словаря и грамматики. Суахили существовал в виде множества диалектов, взаимопонимание между которыми было затруднено или вовсе отсутствовало. Колониальные власти принимали меры по стандартизации суахили и реформе письменности, в результате которой арабская вязь была заменена латиницей. Окончательная стандартизация суахили произошла в июне 1928 года на межтерриториальной конференции в Момбасе (Кения), на которой в качестве стандарта суахили был выбран занзибарский диалект языка, киунгуджа [186]. Занзибарский суахили с тех пор изучается повсюду как суахильский стандарт, хотя между стандартом и разговорной формой суахили в Занзибаре существуют отдельные отличия.

То, что суахили является продуктом колониальной политики и что он был разработан для ограниченных целей, которые не включали его использование в высших органах управления, в университетском образовании и научных исследованиях, поднимает вопрос о целесообразности усилий по продвижению этого языка в не свойственные ему функции без длительного периода развития его словаря и постепенного ввода данного языка в широкое употребление в новых функциях. Некоторые африканские авторы вообще ставят под сомнение аутентичность африканских языков, так как все африканские языки, изучаемые в школах, являются результатом деятельности колониальных властей для создания языков общения двуязычной колониальной администрации с местным населением. Так, в монографии о колониальной и постколониальной политике группа африканских авторов из Университета Пенсильвании (США) выдвигает концепцию, согласно которой во время колониального периода «европейцы присвоили африканские языки как прелюдию к импозиции европейских вариантов африканских языков на африканцев под видом способствования развитию коренных языков» [187].

Провозглашение одного или нескольких африканских языков в качестве официальных наряду с европейскими в бывших колониях империалистических держав не означает решения проблемы зависимости африканских государств от языка бывших метрополий. Европейские языки продолжают занимать господствующее положение в школьном и университетском образовании, в экономике, прессе и

политической жизни. Даже в Эфиопии, Эритрее и Сомали, странах, которые или избежали колониального господства, или испытали относительно меньшее воздействие колониального правления и используют в качестве официальных языков коренные африканские языки, использование своих официальных языков в системе образования часто ограничивается предоставлением учащимся базового образования. Так, Эфиопия, страна, которая не была частью колониального раздела Африки, в качестве официального языка использует амхарский, являющийся одним из наиболее распространённых языков страны. В системе образования, однако, даже на уровне начальной школы, вместо амхарского языка часто используются другие местные языки. На уровне среднего и высшего образования в качестве средства обучения используется английский язык [188]. В Сомали официальными языками являются сомалийский и арабский, которые также широко используются в школьном образовании. Английский язык, однако, продолжает доминировать в высшем образовании, в особенности на специальностях научно-технического профиля.

5.2.2. Особенности многоязычной ситуации в англоговорящих странах Африки южнее Сахары

Англоговорящие страны Африки южнее Сахары расположены в Западной, Восточной и Южной Африке. Языковая политика колониального периода в этих странах была направлена на использование коренных языков для обучения в первых классах начальных школ и на низших уровнях управления страной. В Западной Африке обучение местным языкам продолжалось и на уровне средней школы. Это позволяло колониальным властям создать двуязычную прослойку местного населения, владеющую английским и местными языками, для более эффективного колониального правления. После обретения независимости правящие круги африканских стран предоставили статус официального или только европейским языкам, или наряду с европейскими языками одному или нескольким местным языкам. В англоговорящих странах Африки при этом английский язык продолжал занимать господствующее положение и оставаться языком элиты. Доминирование английского языка в наиболее престижных, высокооплачиваемых сферах политического управления, экономики и образования затруднило или сделало невозможными процессы

языковой деколонизации с целью постепенной замены английского языка коренными языками Африки.

5.2.2.1. Западная Африка: Федеративная Республика Нигерия

Одно из самых многоязычных государств англоязычного мира Африки южнее Сахары, Нигерия, расположена в Западной Африке на побережье Гвинейского залива. По численности населения в 149,24 млн человек (по оценке на 2009 год) Нигерия занимает первое место на африканском континенте и является самой населённой страной в мире с преимущественно чёрным населением [189]. Языковое и культурное разнообразие Нигерии представлено сотнями коренных языков, из которых языки самых крупных этнических групп хауса, йоруба и игбо имеют статус региональных официальных языков и широко используются в образовании. По данным 16-го издания «Этнолога», общее количество живых языков в Нигерии составляет 521, из которых 514 языков являются коренными [190]. Большинство из коренных этнических групп малочисленны, и их языкам и культурам грозит исчезновение. Десять крупных этнических групп Нигерии составляют 93 процента от всего населения страны. Из них три самые крупные этнические группы – хауса, йоруба и игбо – насчитывают 68 % населения, в то время как на более чем 500 коренных этнических групп и небольших иммигрантских меньшинств приходится всего семь % населения страны.

Культурное разнообразие Нигерии отражается на разнообразии религиозных верований, которое подчёркивает региональные и этнические различия и рассматривается многими нигерийцами как источник сектариантских конфликтов [191]. Самые крупные религиозные вероисповедания в Нигерии – ислам и христианство. Мусульмане составляют около 50 % населения и включают в основном нигерийцев этнической группы хауса. 40 % населения составляют христиане, включающие этнические группы игбо и йоруба, хотя часть группы йоруба была обращена в мусульманство. Кроме ислама и христианства, существуют несколько языческих культов, сохранившихся со времён до проникновения в Нигерию основных религий мира. И мусульмане, и христиане не представляют однородные группы, а подразделяются, в свою очередь, на разные направления. Так, 95 % мусульман следуют суннизму, а остальные являются приверженцами шиизма. Христиане Нигерии разделяются на католиков

и протестантов. В Нигерии существуют также религиозные группы меньшинств, включающие последователей индуизма, иудаизма, бахаизма, кришнаизма и многих других религиозных верований.

После провозглашения независимости в октябре 1960 года Нигерия пережила серию военных переворотов и межэтнических конфликтов и даже гражданскую войну, когда одна из трёх крупных этнических групп – игбо – в 1967 году объявила Восточный регион страны независимым государством, республикой Биафра. Этнические распри продолжались даже после окончания военных действий в 1970 году. Демократия была восстановлена только в 1999 году, хотя международное сообщество отмечало многочисленные нарушения избирательных прав во время проведения президентских выборов. Возвращение к демократическому правлению тем не менее сказалось положительно на экономическом развитии страны. Экономика Нигерии в настоящее время является самой быстро растущей экономикой в мире. По данным Международного валютного фонда, в 2008 году рост экономики Нигерии составил 9 %, а в 2009 году, несмотря на всемирный экономический спад, оценка роста экономики в Нигерии составила 8,3 процента [192]. По своей экономической и политической мощи Нигерия достигла статуса региональной державы (regional power) на африканском континенте к югу от Сахары.

Официальным языком Нигерии является английский. Хотя в ныне действующей Конституции от 1999 года нет специальной статьи об официальных языках, тем не менее официальный статус английского языка вытекает не только из того факта, что текст Конституции данного африканского государства составлен на английском языке. Статьи 55 и 97, относящиеся к высшей законодательной власти в Нигерии, регулируют использование языков в работе высших законодательных органов. Статья 55 гласит: «Деятельность Национальной Ассамблеи осуществляется на английском языке и на языках хауса, игбо и йоруба, когда достигнуты надлежащие договоренности (adequate arrangements)». В палатах Ассамблеи, кроме английского языка, могут использоваться и языки штатов. Согласно статье 97, «деятельность в палате Ассамблеи осуществляется на английском языке, но в добавление к английскому могут использоваться один и более языков, на которых говорят в штатах, при одобрении палатой в своей резолюции» [193]. То, что согласно статье 55 три языка самых крупных этнических групп в Нигерии – хауса, игбо и

йоруба – могут использоваться наряду с английским в работе Национальной Ассамблеи, рассматривается некоторыми обозревателями как признание их официального статуса. Однако, как следует из статей 55 и 97, использование африканских языков в высшем законодательном органе ограничено специальными обстоятельствами, и можно говорить лишь об их статусе как официальных языков на уровне регионов и отдельных штатов. Официальный статус английского языка подчёркивается также в статье 318 Конституции, которая при определении понятия документа о школьном образовании (School Certificate) в избирательном праве, включает «умение говорить, читать и общаться на английском языке на уровне, достаточном при оценке Независимой национальной избирательной комиссией». Официальный статус английского языка в Нигерии вытекает также из официального документа «Национальная политика в образовании Федеративной Республики Нигерия», который был впервые опубликован в 1977 году, а затем в исправленном и пересмотренном виде в 1981 и 2004 годах [194].

Как официальный английский язык используется в сфере государственного управления и в образовании. Английский язык получил также широкое распространение как язык межэтнического общения. Английский язык является языком экономики, торговли и средств массовой информации. По общему тиражу газет Нигерия занимает второе место на африканском континенте после Египта, причём преобладающее число нигерийских газет выходит на английском языке. Доминирование английского языка в нигерийской прессе объясняется, по мнению многих африканских обозревателей, выбором колониального языка как единственного официального языка. Как отмечает профессор образования южно-африканского университета в Форт-Хейре (Fort Hare) Абиодун Салави, в условиях, в которых английский язык и западное образование рассматриваются как способ достижения власти и осуществления прогресса, африканские средства массовой информации не способствуют использованию африканских языков в достаточной степени [195]. Радио и телевидение Нигерии по сравнению с прессой уделяют больше внимания передачам на африканских языках, что объясняется исследователями африканских средств массовой информации тем, что африканская культура продолжает существовать преимущественно в устной форме [196]. Однако английский язык доминирует и в радио-, и

в телевизионных программах, особенно в радиотрансляциях в FM-диапазоне.

Многоязычная ситуация в Нигерии, при которой английский язык используется не только в качестве языка управления, средств массовой информации, в экономике и образовании, но и вытесняет африканские языки из сфер неформального общения, вызывает тревогу в определённых академических и политических кругах, так как данная тенденция угрожает сохранению языковых и культурных ценностей нигерийских народов. Реальности многоязычной ситуации Нигерии являются результатом языковой политики, подчеркивающей важность овладения официальным языком, что привело к широко распространённому в Нигерии мнению о том, что «грамотность определяется умением говорить и писать на английском языке» [197].

Неэффективность языковой политики нигерийского правительства по поддержке и развитию африканских языков, заявленной в Конституции и Акте о национальной политике в образовании, по мнению нигерийского лингвиста Хэrrисона Аденийи, является следствием непоследовательности правительственных действий и влияния фактора престижности языков [198].

При проведении языковой политики в сфере образования в постколониальный период правящие круги Нигерии пытались уравновесить требования сохранения и поддержания этнокультурных ценностей, с одной стороны, и реальности рынка занятости, с другой стороны. В колониальный период в нигерийской школе ставилась цель достижения грамотности на родных языках на уровне начального образования. Переход на обучение на английском языке имел место только в средней школе, и даже на уровне средней школы обучению африканским языкам уделялось достаточно внимания, и их изучение продолжалось вплоть до окончания школы.

Идея образования на местных языках возникла в недрах миссионерского движения. Европейские миссионеры успешно использовали обучение на родных языках для распространения христианства. Однако ещё до провозглашения независимости образованная африканская элита разделяла мнение о том, что система образования должна готовить учащихся к реальным условиям рынка занятости, которые требовали знаний европейских, а не африканских языков [199]. В конце 70-х – начале 80-х годов правительства Нигерии пе-

решили к осуществлению языковой политики многоязычия и поликультурности, закреплённой в важных законодательных документах, включающих Конституцию от 1978 года и акт о национальной политике в образовании от 1977 года, пересмотренный в 1981 году. Согласно новой политике в образовании нигерийские школьники после получения среднего образования должны были достигать по крайней мере двуязычия на основе одного из основных африканских языков и английского языка. Так, акт Федерального правительства Нигерии о национальной политике в образовании (National Policy on Education, NPE) установил следующие директивы языковой политики:

1) в начальной школе (6 лет обучения) учащиеся должны изучать: а) родной язык или местный язык, широко распространённый в данной местности, б) английский язык;

2) в младших классах средней школы (Junior Secondary School) (3 года обучения) учащиеся должны изучать три языка, а именно: а) родной язык или местный язык, широко распространённый в данной местности, б) английский язык, в) один из трёх основных коренных языков страны, а именно хауса, игбо и йоруба, при условии, что выбранный язык отличается от родного языка учащегося;

3) в старших классах средней школы (Senior Secondary School) (три года обучения) учащиеся должны изучать два языка, а именно: а) коренной язык, б) английский язык [200].

Кроме обязательных языков, нигерийская система образования стала предлагать на факультативной основе «иностранные языки» – французский и арабский. Интерес к изучению французского в Нигерии объясняется тем, что эта страна является своего рода англоговорящим островом в окружении франкоговорящих стран Гвинейского залива. Изучение арабского языка в Нигерии связано с тем, что около половины населения страны исповедует ислам, священное писание которого, Коран, признаётся верующими только на арабском языке.

Принципы нигерийской языковой политики были также сформулированы в Конституции 1979 и Конституции 1989 года. Конституция Нигерии от 1989 года содержала специальный пункт, относящийся к обучению коренным языкам. Статья 19 (4) гласила: «Правительство будет способствовать изучению коренных языков», что соответствовало принципам языковой политики, изложенным в Акте о национальной политике в образовании.

Амбициозные цели достижения нигерийского многоязычия при высоком уровне владения английским языком, необходимым для обучения в старших классах средней школы и в университетах, поставили перед обществом трудновыполнимую задачу в условиях нехватки учебных материалов на коренных языках и действия фактора престижности языков. Нигерийский исследователь Оладеле Авобулуйи, сравнивая обучение английскому языку с обучением коренным языкам, отмечает «особое место» (*pride of place*) английского языка в образовательной системе Нигерии. Для английского языка предоставляется не менее пяти уроков в неделю, а в школах, готовящих учащихся к устному экзамену – до 7–8 уроков. Для изучения коренных языков редко уделяется более трёх уроков в неделю. В то время как изучающие коренные языки испытывают недостаток учебных материалов даже в начальной школе, обеспечение учебного процесса при изучении английского языка отличается избытком учебных и педагогических материалов. Избыток материалов для изучения английского языка, однако, по мнению Авобулуйи, имеет и отрицательные стороны, так как большинство книг импортируется, и их содержание не соответствует культурным ценностям африканских народов [201].

В последующий период после принятия Акта о национальной политике в образовании в Нигерии в 1978 году и Конституции 1979 года позиции английского языка продолжали укрепляться, и имело место дальнейшее вытеснение местных языков из всех сфер употребления. Конституция 1999 года фактически избегает вопросов языковой политики, а новая редакция акта о национальной политике в образовании от 2004 года, хотя и заявляет о «важности языка в образовательном процессе» и о «языке как средстве сохранения народной культуры», представляет в основном декларативную языковую политику. Национальная политика в области образования выделяет три основных языка Нигерии – хауса, игбо и йоруба, которые согласно Конституции 1999 года теоретически имеют статус официальных языков наравне с английским, как языки обязательного обучения. Согласно этому документу «правительство считает, что изучение учащимися одного из основных коренных языков необходимо в интересах национального единства» [202].

Доминирование английского языка в образовании и пренебрежение к коренным языкам делают процесс превращения нигерийского

общества в моноязычное необратимым, что грозит исчезновением не только небольших языков и культур, но и даже трёх основных языков страны. Высокие требования к качеству знаний английского языка и требования к получению обязательного академического кредита по английскому языку при поступлении в университет, по мнению Олуранти Огунбии из Государственного университета Лагоса, Нигерия, приводит к тому, что нигерийские школы уделяют особое внимание изучению английского и французского языков. Огунбийи отмечает также наметившуюся тенденцию помещать детей в англоязычные школы. Более того, некоторые родители стремятся изолировать своих детей от нигерийских языков и даже не позволяют им смотреть фильмы на африканских языках, чтобы «не мешать освоению английского языка» [203]. Подобное отношение к языкам ведёт к тому, что всё больше молодых людей в городских районах вырастают в условиях, при которых их первым языком является нигерийский вариант английского языка.

Несмотря на поиски нигерийским обществом национального языка, который заменил бы английский язык в его функциях официального языка и языка широкой коммуникации, сопротивление усилиям использовать с этой целью один или несколько африканских языков исходит от самих нигерийцев. Главным препятствием выбору официального языка из наиболее распространённых африканских языков является соперничество между тремя основными этническими группировками, на языках которых говорят почти 70 % населения страны. Говоря о многоязычии в Нигерии, исследователь Токийского университета иностранных исследований Этельберт Кари заявил, что «многоязычная природа нигерийского общества не позволяет использовать один из коренных языков в правительстве и в образовании страны. Любая попытка сделать это наткнётся на сопротивление. Нигерийцы предпочтут английский язык любому коренному языку страны на всех уровнях управления и образования, так как английский язык рассматривается не только как официальный, но также и как нейтральный язык [204]. Нигерийское Движение за национальное преобразование (Movement for National Reformation) считает несправедливым выделение в Конституции 1999 года трёх крупных нигерийских языков из-за их распространённости и придания им некоторых функций официального языка наравне с английским. Активист этого движения Энтони Энахаро, обсуждая пробле-

му официального языка в Нигерии, предложил сохранить за английским языком статус основного официального языка и отметить в новой Конституции нейтральный характер английского языка. Соответственно, новая конституция должна требовать издания всех правительственных публикаций на английском языке с переводом их на языки коренных народов страны [205].

Роль английского языка в объединении различных этнокультурных групп в стране стала очевидной ещё в колониальный период и в первый период после обретения независимости. Махфоуз А. Адеди-меджи из Университета Илорина, Нигерия, указывает на то, что политические партии и движения в Нигерии в колониальный период формировались как всеобщие нигерийские партии, хотя многие из них имели региональную основу. Все эти партии использовали английские названия и проводили агитацию на английском языке. Этот тренд продолжается и сейчас, так как использование коренных языков в деятельности партий и даже их названиях подчёркивало бы этническое и племенное разделение нигерийского общества и не способствовало бы интеграции языково разобщённых районов Нигерии. Интегрирующая роль английского языка, подчёркивает Адеди-меджи, не ограничивается политикой и политическими партиями. Английский язык как всеобщий язык нации используется в нигерийской литературе на английском языке, и всё больше фильмов и видеопроизведений Нигерии также выпускается на английском языке. Как всеобщий язык нации английский язык используется в спорте Нигерии. Армия, флот, авиация и полиция, которые «охраняют территориальную целостность Нигерии и мирное существование её населения, контролируются на английском языке в его стандартной форме или на английском пиджине». Как язык широкого общения (Language of Wider Communication, LWC) английский язык в Нигерии используется при организации публичных торжеств, общенациональных встреч и обменов, для хранения и распространения документальной информации среди различных языковых групп. «Английский язык в Нигерии создаёт общую языковую основу, необходимую для существования любой нации» [206].

Языковая политика Нигерии и других африканских стран, направленная на преимущественное использование европейских языков в государственном управлении и в образовании, является, по мнению многих исследователей и политических деятелей, высту-

пающих за переход образования на коренные языки, главной причиной низкого уровня грамотности в этих странах. Канадский исследователь Эммануэль Эйто (Aito) из Университета Реджайны (University of Regina) в связи с этим отмечает: «Тот факт, что большинство языков меньшинств ещё недостаточно исследованы и описаны, определяет в значительной степени низкий уровень грамотности учащихся... Проблемы грамотности и развития Нигерии могут быть лучше всего объяснены в контексте языкового планирования в многоязычном обществе». Эйто считает, что именно моноязычное мышление, преследующее цель достижения высокого уровня в официальном языке за счёт родных языков, ведёт к высоким цифрам отсева, низкой успеваемости и низкому уровню грамотности в Нигерии и многих других странах третьего мира [207]. Действительно, по данным доклада Программы развития ООН за 2009 год, по грамотности населения, составляющей 69,1%, Нигерия занимает 138-е место в мире из 177 стран, представивших данные. Однако это не худший показатель среди развивающихся стран, хотя доклад Программы развития ООН позволяет сделать вывод о том, что во франкоговорящих странах Африки, где коренные языки изучаются только как предмет в школьной программе, а не используются в качестве средства обучения уже с первых классов начальной школы, низкая грамотность населения является средством языковой политики, при которой дети обучаются грамоте на неродном языке. В то же время из того же доклада явствует, что уровень грамотности в Индии, известной своей языковой политикой в государственных школах, направленной на получение грамотности на местных языках, гораздо ниже, чем в Нигерии, а именно 61,0 % [208].

С принятием в Нигерии в 2004 году Закона об обязательном базовом образовании (The Compulsory, Free, Universal Basic Education Act 2004) намечается общий рост уровня грамотности, о чём можно судить по цифрам грамотности среди молодёжи. Так, по данным ЮНИСЕФ (Международный чрезвычайный фонд ООН помощи детям) за 2007 год, грамотность в Нигерии среди молодёжи в возрасте от 15 до 24 лет составляет 89% для юношей и 85% для девушек [209].

В то время как для многих нигерийцев английский язык, по словам профессора английского языка Университета Лагоса Адейеми Дарамолы, это язык национального единства, «который служит лю-

дям в многоязычной ситуации», в академических кругах Нигерии и среди защитников языковых прав коренных народов в развитых странах Европы и Америки английский язык рассматривается как «импортный колониальный продукт, который, несмотря на своё широкое распространение в Нигерии, не доходит до сельских местностей и до менее образованного населения» [210]. Действительно, стандартный английский язык в Нигерии всё ещё является достоянием элиты, хотя по мере роста качества образования и увеличения числа нигерийцев, оканчивающих средние школы и университеты, английский язык утрачивает свою элитность и всё более проявляет черты средства всеобщей коммуникации.

В настоящее время функции языка всеобщей коммуникации в Нигерии выполняет скорее не стандартный английский язык, а нигерийский пиджин на основе английского языка, который, несмотря на своё название, является фактически креольским языком, хотя нигерийское правительство принимает меры по его декреолизации за счёт вовлечения в образовательную сферу всё большего числа детей школьного возраста и сокращения отсева.

Нигерийский креольский язык привлекает внимание исследователей своим живописным сочетанием английской лексики, заимствованной ещё в колониальный период, и грамматических структур и синтаксиса африканских коренных языков. Профессор Дарамола, отмечая разнообразие форм нигерийского английского языка в зависимости от географических различий и этнокультурных влияний, выражает беспокойство по поводу того, что нигерийская молодёжь всё меньше говорит на языке своих родителей и переходит на вариант английского языка, который за пределами Нигерии понимается с трудом [211].

Нигерийский пиджин зарегистрирован в каталоге языков мира «Этнологе» как один из языков мира. По данным «Этнолога», нигерийский пиджин, также известный как «нигерийский креольский английский», наиболее распространён в южных и северных штатах, на побережье Гвинейского залива и в городских районах. «Этнолог» отмечает его как язык торговых обменов, значение и сфера использования которого возрастают. Как креольский язык нигерийский пиджин является родным языком (L1) для части населения, а в качестве пиджина он используется для общения африканцев с европейцами и с африканцами, говорящими на других языках. «Этнолог»

называет четыре из наиболее крупных диалектов нигерийского пиджина и указывает на сходство с пиджинами Сьерра-Леоне и Камеруна, позволяющее взаимное общение. Число говорящих на нигерийском пиджине, включая носителей языка (L1) и говорящих на нём как на втором языке (L2), оценивается «Этнологом» в 30 млн [212]. Данные «Этнолога» о численности говорящих на нигерийском пиджине не учитывают тех нигерийцев, которые владеют им частично, однако в достаточной степени для осуществления межъязыкового общения. Так, нигерийский исследователь К.У. Ихемере оценивает общую численность говорящих на нём как на первом и втором языках в 80 млн человек [213].

Постепенная декреолизация нигерийского пиджина в Нигерии носит характер языкового явления, известного в лингвистике как «языковое смещение» (language shift), которое заключается в постепенном переходе языкового сообщества на другой язык. Языковое смещение часто рассматривается лингвистами как отрицательное явление, заключающееся в процессе перехода через двуязычие и ассимиляцию в новом языке и культуре к моноязычию и утрате языка (language death) и культуры данного языкового сообщества. В случае Нигерии отрицательные последствия языкового смещения отмечаются некоторыми исследователями в расширении функций английского языка, что приводит к вытеснению коренных языков и культур. Нигерийский исследователь Охири-Аниче при описании тенденции в Нигерии воспитывать своих детей как одноязычных в английском языке выразил мнение, что подобное явление ведёт к тому, что языковое и культурное наследие Нигерии отвергается некоторыми нигерийцами, которые «не чувствуют себя ни полностью европейцами, ни полностью африканцами» [214]. Однако языковое смещение, происходящее при декреолизации, вряд ли можно назвать отрицательным явлением, так как креольские языки в данном случае являются средством осуществления перехода к языковому стандарту, необходимому для нормального функционирования общества.

Многоязычное общество в Нигерии в процессе укрепления позиций стандартного английского языка в сферах государственного управления и образования и вытеснения нигерийского пиджина как средства межъязыкового общения стремится также сохранить свою этнокультурную идентичность. Конституция Нигерии от 1999 года не только поддерживает нигерийские языки, предоставив им опре-

делённые права в работе Законодательной Ассамблеи и палат Ассамблеи, но и предусматривает законодательную поддержку сохранения и развития нигерийской культуры. Статья 21 главы II, посвящённой «фундаментальным целям и направляющим принципам» государственной политики, гласит: «Государство будет а) защищать, сохранять и способствовать развитию тех нигерийских культур, которые повышают человеческое достоинство и соответствуют фундаментальным целям, предусмотренным в этой главе, б) способствовать развитию технологических и научных исследований, которые служат росту культурных ценностей».

В статье 22 даются гарантии того, что «пресса, радио, телевидение и другие средства массовой информации будут беспрепятственно поддерживать фундаментальные цели, содержащиеся в Конституции и поддерживать ответственность и отчётность Правительства перед народом» [215].

Таким образом, многоязычие в Нигерии имеет законодательную основу и находится в равновесии, хотя тенденция проникновения английского языка в несвойственные ему сферы и его использование в функциях неформального общения может привести к частичной или полной утрате языкового и культурного наследия страны. Английский язык в его различных формах, от стандарта нигерийского английского до пиджина, выполняет функции государственного управления на всех уровнях, обучения и средства межязыкового общения. Нигерийские языки выполняют функции выражения этнокультурной самоидентификации. Языковая и культурная политика страны, поддерживаемая действующей Конституцией и Актом о национальной политике в образовании, направлена на укрепление позиций английского языка как официального и поддержание и сохранение коренных языков и культур через обязательное включение коренных языков в программы школьного обучения. В результате в Нигерии широко распространено индивидуальное многоязычие, при котором, кроме нескольких форм английского языка, нигерийцы владеют и языками своих этнокультурных групп и одним и более языками, получившими признание в Конституции и в национальной политике в образовании как основные языки страны. Кроме того, некоторые нигерийцы владеют французским и арабским языками, которые предлагаются в нигерийской системе образования в качестве необязательных иностранных языков, но являются частью тради-

ционной нигерийской культуры, тесно связанной с франкоговорящими странами Гвинейского залива и странами арабского мира, так как половина населения Нигерии исповедует ислам.

5.2.2.2. Восточная Африка: Танзания, Кения и Уганда

В отличие от Нигерии, в которой статус официального предоставлен только английскому языку, три страны в Восточной Африке – Кения, Танзания и Уганда – имеют в качестве официальных языков, наряду с английским, африканский язык суахили. Однако, несмотря на внешнее сходство многоязычных ситуаций в этих странах, в которых широкое распространение суахили делает возможным его использование как языка межэтнического общения, в каждой из этих стран имеются свои отличительные особенности, и отношение к официальному двуязычию неодинаково.

Из трёх англоязычных стран Восточной Африки Танзания обладает самым большим языковым и культурным разнообразием. По данным 16-го издания «Этнолога», число живых языков Танзании составляет 129, из которых 128 являются языками коренного населения. Государство Танзания образовалось в результате объединения в 1964 году двух бывших английских колоний – Танганьики и Занзибара, которые после провозглашения независимости Танганьики в 1961 и Занзибара в 1963 году некоторое время существовали как отдельные государства.

Под руководством президента Танзании Джулиуса Ньерере Танзания приступила к активной деколонизации под лозунгами построения социалистического общества, свободного от колониальной эксплуатации. Эксперимент со строительством социализма, заключавшийся в «опоре на собственные силы» и организации колхозов, однако, оказался неудачным и привёл к превращению Танзании в одну из самых бедных и менее развитых стран мира [216]. Политика деколонизации в Танзании была также распространена на образование и на официальные языки. В области образования Джулиус Ньерере выдвинул лозунг «Образование для опоры на собственные силы», основная идея которого заключалась в освобождении образования от уз формального обучения, которое «порабощает и ориентирует на западные интересы и нормы» [217]. Согласно видению Ньерере образование должно ориентировать учащихся на сельскохозяйственное производство, трудовая деятельность должна стать частью

учебного плана, значение экзаменов должно быть снижено, начальное образование должно рассматриваться как завершённое само по себе, а не как средство для получения более высокого образования [218].

Языковая политика танзанийского правительства после основания в 1964 году Объединённой республики Танзании, в отличие от большинства англоязычных стран Африки, была направлена на полную деколонизацию за счёт постепенного вытеснения колониального языка как официального языка страны из государственного управления и образования. Конституция Танзании от 1967 года предоставила статус официального языка суахили и английскому языку. Суахили не является коренным языком в Танзании, но его широкое распространение в стране в результате исторического развития и многовековых торговых обменов с арабскими странами позволило английским колонизаторам культивировать его как *lingua franca* восточного побережья Африки.

Из общей численности населения Танзании 43739000 (по оценке на 2009 год) [219] большинство многочисленных этнических групп, включая самые крупные – сукума и ньямведи, имеет происхождение из народов банту из Центральной и Южной Африки. В стране проживают также арабские, индийские, пакистанские и другие меньшинства. До провозглашения независимости и английский, и суахили широко использовались в качестве основных языков страны, при этом каждый из них имел свои сферы применения. Суахили выполнял функции средства межъязыкового общения и активно поддерживался в колониальной системе образования на уровне начальной школы. Английский язык как язык колониальной администрации, был языком образованной элиты, который использовался в высших структурах власти, а также в среднем и высшем образовании. Языковая политика после образования Республики Танзании исходила из принятия суахили в качестве символа танзанийской нации. С введением новой языковой политики правительство Танзании предприняло решительные меры по переходу на суахили в работе государственных органов на всех уровнях и по внедрению суахили в школьное образование.

Расширение использования суахили и его введение в сферы, в которых прежде использовался английский язык, потребовали разработки специальной терминологии (как, например, *Национальная*

Ассамблея, Парламент, министерства, администрация, образование) и дальнейшей стандартизации словаря. Развитие словаря было необходимо, так как предусматривался постепенный переход на суахили как на основной официальный язык страны. С этой целью был учреждён Национальный Совет Суахили (БАКИТА), который за период с 1972 по 1985 год выпустил пять буклетов-списков слов, обеспечивающих стандартные переводы терминологии на суахили. Первый буклет содержал необходимые термины для деятельности государственных учреждений, а последующие буклеты предлагали списки вновь созданных слов для обеспечения преподавания предметов на уровне средней школы. Создание новой терминологии соответствовало решению правительства от 1969 года о постепенной замене английского языка суахили в среднем образовании [220].

В 1982 году Президентская Комиссия по образованию выступила с рекомендацией о замене английского языка на суахили в среднем образовании, обосновывая этот переход результатами деятельности Совета БАКИТА по формальному развитию суахили. К этому времени словарь суахили пополнился за счёт включения свыше двадцати тысяч новых слов, что сделало возможным перевод учебной и технической литературы на суахили.

Однако в середине 80-х годов политический курс страны изменился. Политическое руководство предприняло ряд реформ в политической, экономической и образовательной жизни страны для предотвращения роста недовольства из-за падения жизненного уровня и ухудшения экономического положения. Танзания стала выходить из изоляции, в которой она оказалась в результате линии на построение «африканского социализма», опоры на собственные силы и языковой деколонизации. Языковая политика вытеснения английского языка из области образования привела, по мнению многих танзанийцев, к «ослаблению позиции Танзании в мире в академической, научной и деловой областях». Получение высшего образования в Танзании означало для многих выпускников, что на рынке труда выпускники из Кении и Уганды будут иметь преимущество из-за более высокого уровня владения английским языком [221].

Новая языковая политика страны была обнародована в 1984 году в стратегической директиве правительства *Mfumo wa Elimu* (Система образования). Директива подчёркивала важность и суахили, и английского языка для танзанийского общества, но разграничивала их

сферы применения. Суахили объявлялся языком социальной и политической сферы и языком начального образования и образования для взрослых. Английский язык признавался языком среднего образования, университетов и высших судов. Параграф 19 гласил: «Как английский, так и суахили будут использоваться как языки обучения. Преподавание английского языка будет усилено на всех уровнях образования» [222]. Принимая это решение, руководство страны учитывало не только то, что возможности трудоустройства и успешной карьеры на африканском рынке труда весьма ограничены для людей, недостаточно владеющих европейскими языками, но и чрезвычайную нехватку учебных материалов на суахили и трудности со стандартизацией языка суахили и развитием его терминологического словаря.

Некоторые исследователи языковой политики Танзании считают, что действия руководства страны в этой области были весьма непоследовательны. Заявляя о своей поддержке суахили, партия власти фактически отказывалась от дальнейшего продвижения национального языка в образование на более высоких уровнях. Так, Карстен Лежер указывает на то, что позиции английского языка в образовании начиная с середины 80-х годов были усилены, и рекомендация ЮНЕСКО о двуязычном образовании, что позволило бы ввести суахили как язык обучения в средней школе и в университетах, была отвергнута [223].

С 1967 года, когда правительство Танзании «приступило к строительству социализма», суахили полностью заменил английский язык в начальном образовании. Правящие круги Танзании, объявив суахили официальным языком и проводя языковую политику, направленную на расширение сферы его применения, тем не менее не смогли добиться перелома в общественном сознании африканского населения, для которого использование суахили как языка науки, технологии и прогресса несвойственно. В результате широкого распространения суахили произошло не вытеснение английского языка из среднего и высшего образования и из экономической жизни страны, а вытеснение коренных языков страны, которые, не имея поддержки в сфере образования и общественной жизни, стали вымирать. Так, как пишет профессор Университета Дар-эс-Салама Имани Свилла, изучение языковой ситуации среди говорящих на языке банту «чиндали» указывает на признаки языкового смещения

под воздействием более престижного языка суахили. Говорящие на чиндали постепенно утрачивают свой язык, используя многочисленные заимствования из суахили и постоянно переключаясь в своей речевой практике с родного языка на суахили. Суахили всё больше используется как язык общения в семейном кругу и среди друзей [224]. Неприятие суахили в качестве языка технического прогресса и науки среди самих говорящих на суахили объясняется глубоко укоренившимися традициями. Комментируя неудачу корпорации Майкрософт создать и запустить на рынок компьютерных программ версию Microsoft office applications на суахили, специалист по суахили Клэр Моманьи, принимавшая участие в создании версии на суахили для продукта Майкрософт, указала на отрицательное отношение африканцев к суахили, который они считают «неполноценным языком по сравнению с английским». «Английский язык традиционно являлся языком, который ассоциируется с более эффективной экономической деятельностью, в то время как суахили рассматривался как язык для масс и для бедных» [225].

Непоследовательность языковой политики правительства проявилась далее в процессе перехода Танзании от государственного управления экономикой к рыночной экономике, что сопровождалось либерализацией и приватизацией основных средств производства и государственных предприятий. Приватизация распространилась и на образование в 90-х годах XX века, когда был опубликован закон о поправках в системе образования №10 (Education Amendment Act No. 10 of 1995). В результате в частном секторе образования английский язык стал использоваться уже на уровне начальной школы, хотя в государственных школах обучение продолжало вестись на суахили. Смена политического курса и языковой политики отразилась также на Конституции Танзании. Статья об официальных языках исчезла из Конституции 1998 года, и хотя суахили и английский продолжают оставаться официальными языками *de facto*, английский язык стал возвращаться на свои позиции доминирования на более высоких уровнях образования. Неудавшийся эксперимент языковой политики, по мнению Имани Свилла, привёл к тому, что получение образования на английском языке как средстве обучения стало роскошью, доступной только для элиты. «Правительство, – подчеркнул исследователь языков образования Танзании, – должно предоставить возможность всем детям овладеть обоими языками, для того чтобы

получить образование, которое позволит им успешно конкурировать на рынке труда» [226].

Продолжительная кампания правительства Танзании по поддержке суахили как официального языка привела к тому, что даже после того, как суахили и английский потеряли свой статус официальных языков *de jure*, суахили продолжает широко использоваться в работе правительства, то есть является официальным языком *de facto*. Студенты университетов, где обучение осуществляется на английском языке, в неформальном общении тем не менее предпочитают говорить на суахили [227]. Английский язык, однако, сохраняет свой статус официального языка Танзании *de facto*, так как он всё еще используется в судебном разбирательстве на высшем уровне.

Таким образом, многоязычие в Танзании находится в неравновесном состоянии, которое может привести к утрате языкового разнообразия. Продолжительная языковая политика по поддержке суахили как официального языка наряду с английским привела к тому, что суахили и английский язык продолжают выполнять функции официальных языков *de facto*. Индивидуальное многоязычие в Танзании принимает, как правило, формы трёхязычия или двуязычия, при которых танзанийцы используют родной язык в функции этнокультурной самоидентификации. Суахили выполняет функции языка государственного управления и средства межъязыковой коммуникации, в то время как английский язык используется в образовании на уровне средней школы и в университетах, а также как язык экономики и внешних торговых обменов. То, что ни один коренной язык Танзании не используется в школьном обучении и в общественной жизни, вызывает нестабильность многоязычной системы страны и ставит под угрозу существование небольших языковых групп и даже относительно крупных языков с числом говорящих, превышающим миллион человек.

Кения и Уганда, англоязычные государства Восточной Африки, расположенные к северу от Танзании, образуют вместе с Танзанией зону распространения самого крупного африканского языка – суахили. Более 90% из говорящих на суахили используют его как второй язык, являющийся языком массовой коммуникации до 100 млн человек на восточном побережье Африки. Кения и Уганда, подобно Танзании, после провозглашения независимости предоставили суахили статус официального языка наряду с английским. Однако хотя

в период колониального развития трёх восточноафриканских стран было много общего, тем не менее многоязычие Кении и Уганды отличается от многоязычия в Танзании тем, что, несмотря на официальный статус суахили, его использование ограничено сферами неформального общения в условиях межэтнической коммуникации. Языковая ситуация в Кении и Уганде сложилась в результате особенностей языковой политики в постколониальный период в этих странах, которая, в отличие от танзанийской политики, проводимой партией Чама ча Мапиндузи (Революционная партия Танзании), не ставила цели вытеснения английского языка суахили и превращения его в единственный официальный и национальный язык страны.

Кения, подобно Танзании, является многоязычным государством с ярко выраженной триглоссией, при которой большинство кенийцев говорят, как минимум, на трёх языках, а именно на родном, суахили и английском в его различных формах, из которых стандартной формой владеют не более 25 % населения, составляющих её элиту. Согласно «Этнологу», языковое разнообразие Кении представлено 74 живыми языками, из которых 69 являются коренными [228]. Из всего этнического и языкового разнообразия Кении семь крупных этнических групп и их языки составляют 84 процента населения страны, а остальные 62 языка – это небольшие языки, некоторые из них имеют всего несколько тысяч говорящих. Ни один из коренных языков, включая гикуйю, число говорящих на котором составляет 22 % от общей численности населения, не может претендовать на статус национального языка и используется только в качестве языка этнокультурной идентификации соответствующей группы. Большинство коренных языков не имеют письменности, и из всех кенийских языков только английский и суахили, не являющиеся коренными языками страны, имеют письменную и литературную традиции.

Культурное разнообразие Кении отражено в религиозных верованиях её населения. Большинство кенийцев – 78 % населения – исповедуют христианство. 10 % населения страны, проживающие в основном на побережье, являются мусульманами. Коренным религиозным верованиям следуют не менее 10 %. Кроме того, в стране имеются значительные меньшинства, включая 500 тыс. индусов, потомков квалифицированных железнодорожных строителей из Индии, работавших с 1895 по 1905 год на строительстве железной дороги Кения–Уганда. Христиане в Кении, в свою очередь, не пред-

ставляют однородную группу. 45 % населения страны причисляют себя к протестантам и 33 % – к католикам. Чрезвычайное этнокультурное разнообразие страны является потенциальным источником разногласий и конфликтов и требует создания в стране атмосферы толерантности и уважения к другим языкам и культурам.

Официальными языками Кении *de jure* являются английский язык и суахили. Официальный статус данных языков был отражён уже в первой Конституции, и, несмотря на то, что Конституция неоднократно пересматривалась, официальный статус английского и суахили остаётся неизменным. Статья 53, Пункт 1 пересмотренного издания Конституции, опубликованного в 2008 году, гласит: «Официальными языками Национальной Ассамблеи являются суахили и английский, и работа Национальной Ассамблеи может проводиться на любом или обоих языках». Пункты 2 и 3, однако, устанавливают более высокий статус английского языка, так как все законодательные документы, согласно этим пунктам статьи должны быть написаны и цитироваться на английском языке [229].

Провозглашение суахили как африканского языка официальным языком Кении отражает стремление политического руководства в самом начале постколониального развития объединить многоязычное и поликультурное общество на основе общеафриканских ценностей и в то же время поддерживать и сохранять африканские языки и культуры. Девиз и гимн страны приводятся только на языке суахили: девиз – *Harambee* (Соединимся!), гимн – *Ee Mungu Nguvu Yetu* (О, Бог Всего Создания!).

Политический курс Африканского Национального Союза Кении (Kenya African National Union, KANU) и его лидера Джомо Кеньяты после провозглашения независимости 12 декабря 1963 года был направлен на «построение африканской демократической социалистической Кении». Главным пунктом программы была «африканизация» политической и экономической жизни страны. В сельском хозяйстве проводилась политика создания коллективных хозяйств и экспроприации земельных владений белых фермеров. «Строительство социализма» проходило в условиях однопартийного режима и сопровождалось кровавыми межэтническими конфликтами. Однако, несмотря на явное сходство политической линии Кении по деколонизации страны и построению социалистической экономики с курсом Танзанийской революционной партии Джулиуса Ньерере, анг-

лийский язык в Кении сохранил свои позиции основного официального языка страны, используемого в государственном управлении и образовании. В отличие от Танзании, где в результате значительных усилий по «языковой деколонизации» государственное управление и начальное образование перешли на суахили и предусматривалось постепенное вытеснение английского языка из среднего и высшего образования, реформы в политической жизни Кении и её образовательной сфере не включали изменения языков обучения.

Языковая политика первого периода постколониального развития как в Кении, так и в Танзании включала поддержку внедрения суахили в образование в качестве национального символа объединения страны в рамках концепции панафриканизма [230]. Исследование, проведённое Комиссией Кении по образованию (Kenya Education Commission) в 1964 году, показало, что большинство населения страны одобряло трёхязычный подход к образованию. Предпочтения кенийцев включали родной язык как язык внутриэтнической коммуникации, а также английский и суахили, которые предпочитались в качестве языков образования, включая начальное и среднее. Комиссия на основании данного исследования рекомендовала введение английского языка в начальное образование для обеспечения «плавного перехода от народных языков (vernaculars)». Комиссия также подчёркивала важность использования родных языков и суахили на разных уровнях образования и в разных местностях [231].

С 1967 года Кенийский институт образования приступил к программе разработки и выпуска книг и учебников на родных языках и суахили. Рекомендации по использованию языка обучения последующих комиссий по образованию в 1976 и 1981 году неизменно выделяли английский язык как средство обучения, начиная с четвёртого класса начальной школы, и включали суахили как важный предмет в школьной программе начальной и средней школы. Родной язык предлагался как средство обучения в ранней начальной школе там, где это было возможно [232]. Комиссия по образованию от 1981 года также рекомендовала следующую структуру национального образования: 8 лет начальной школы, 4 года средней школы и 4 года университетского образования. Данная структура оправдала себя и действует до сих пор.

Критики кенийского образования с позиций защиты многоязычия и поликультурности кенийского общества указывают на нерав-

ноправный статус языков кенийского трёхязычия в школьном образовании. Вендо Набеа называет языковую политику в Кении политической гегемонией английского языка: «Колониальная система навязывает свой язык подчинённым народам и превращает изучение своего языка в символ статуса. Изучающие колониальный язык усваивают мыслительные процессы и ценности этого языка, что приводит к их отчуждённости от ценностей своего родного языка или языка масс... Кенийское и британское правительства усиленно продвигают английский язык, причём превосходство английского языка (English supremacy) достигается за счёт других кенийских языков» [233].

Преимущественное положение, предоставляемое в кенийском обществе английскому языку во всех сферах жизни страны, привело к ситуации, когда английский язык стал соперничать с суахили в функции языка межэтнического общения и даже в ситуациях неформального общения. Рост сферы школьного образования и использование английского языка в качестве языка обучения способствуют укоренению английского языка как средства межэтнического общения вместо суахили. Стандартный английский язык, использующийся в государственном управлении и образовании, до сих пор является языком элиты. Большинство кенийцев используют английский язык в нестандартных формах, свойственных пиджинам и креольским языкам. Процесс приспособления доминирующего языка к местным языковым традициям получил название языковой апроприации (присвоения). Особенно процессы языковой апроприации, согласно Вендо, проявляются в сельских местностях Кении, где контакты со стандартным английским языком ограничены. Вендо сообщает об «одомашнивании» английского языка и суахили в речи кенийцев, широко использующих перестройку форм доминирующих языков на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и даже семантическом уровнях [234].

Доминирование в кенийском обществе двух официальных языков – английского и суахили – может иметь отрицательные последствия для языкового и культурного разнообразия страны. Ханна Мвери Мугамби, лингвист Университета Эгертона, Кения, считает, что такие факторы, как образование, миграция населения в городские районы и увеличившееся межэтническое взаимодействие, являются основными причинами происходящего в Кении языкового сдвига, то есть замены коренных языков английским и суахили в

неформальном общении (семья, круг друзей), что приводит к утрате языкового и культурного наследия страны [235].

Таким образом, индивидуальное многоязычие в кенийском обществе основано на широком использовании трёх языков: родного языка, английского и суахили. Использование родного языка как средства этнокультурной самоидентификации поддерживается в кенийском образовании, так как обучение в первых классах начальной школы может, в случае необходимости вестись на родных языках. Однако для большинства небольших языков отсутствие учебных материалов и проблемы наполняемости классов делают это невозможным, и дети, говорящие на этих языках, вынуждены обучаться на африканских языках более широкого употребления. Два официальных языка Кении – английский и суахили – могут равным образом использоваться в функциях государственного языка, однако конституционное требование ведения всей документации и законодательства на английском языке, а также использование английского языка высшими судами фактически придают английскому языку статус основного официального языка. Статус основного официального языка подтверждается также тем, что текст Конституции Кении составлен на английском языке. Английский язык выполняет также функции языка образования (в средней школе и университетах), экономики, торговли и внешних связей. Суахили выполняет функции языка межэтнического общения и широко используется в области культуры и в общественной жизни страны. Рост влияния английского языка и его проникновение в сферы неформального общения приводят к вытеснению суахили как языка национального единства. В условиях, при которых английский язык используется с целью интеграции кенийского общества, суахили выполняет функцию социальной интеграции, как язык, который, в отличие от английского не используется для выражения классового неравенства и иерархических отношений.

Восточноафриканская страна Уганда, так же как и Кения и Танзания, рассматривает суахили как язык регионального африканского единства. В отличие от Танзании, где суахили является настолько распространённым языком, что после провозглашения независимости правительственная националистическая партия Чама ча Мипидужи объявила его основным официальным языком и предприняла политику языковой деколонизации с целью полного вытеснения англ-

лийского языка из государственного управления и образования, в Уганде распространение суахили как *lingua franca* ограничено восточным, центрально-восточным и северным районами страны. Бантуговорящее население страны на юге и юго-востоке использует в качестве языка межэтнической коммуникации английский язык в его различных формах и наиболее крупный язык народа ганда, основная территория распространения которого расположена в районе столицы Уганды – Кампалы. Провозглашение суахили официальным языком, следовательно, преследует ограниченные цели, и фактически английский язык остаётся основным официальным языком страны, на котором осуществляется государственное управление и обучение в школах и университетах. На недостаточность суахили в качестве полноправного официального языка указывает также тот факт, что статус суахили в постколониальный период менялся в зависимости от того, какая политическая группировка приходила к власти. Поправка №11 от 2005 года к ныне действующей Конституции от 1995 года гласит: «Статья 6 Конституции заменяется следующим образом: 6. Официальный язык (1) официальным языком Уганды является английский, (2) суахили является вторым официальным языком, который используется в обстоятельствах, которые могут быть предписаны Парламентом в законодательном порядке, (3) в соответствии с этой статьёй любой другой язык может быть использован в качестве средства обучения в школах или других образовательных учреждениях, а также с законодательными, административными или судебными целями по предписанию Парламента в законодательном порядке» [236].

Многоязычие Уганды представлено, согласно «Этнологу», 45 живыми языками, из которых 43 языка являются коренными. Этнокультурное разнообразие Уганды представлено многочисленными этническими группами, включая народы банту, проживающие на юге страны и составляющие около 70 % от всего населения, и нилотские народы, проживающие на севере. Большинство населения Уганды – 84 процента – исповедуют христианство. 12 % населения – мусульмане. Народы банту, принявшие христианскую веру, в свою очередь, подразделяются на католиков и протестантов. Кроме основных религиозных конфессий, имеется также множество религиозных меньшинств, включающих традиционные африканские верования. Чрезвычайное языковое и этнокультурное разнообразие

Уганды делает процесс национального объединения страны и выбор единого национального языка на основе африканских языков крайне сложным. Распространению суахили и использованию его в качестве языка колониального правления противостояло королевство народов банту Буганда, которое видело в нём угрозу своей власти [237]. По этой причине колониальная администрация использовала в качестве языка колониального правления английский. После провозглашения независимости в 1962 году английский язык остался фактически единственным официальным языком новой администрации, средств массовой информации и образования.

Языковая политика в Уганде, имеющая законодательную поддержку, включая Конституцию, направлена на поддержание английского языка как единственного языка обучения в средней школе и в университетах. Первые три класса начальной школы могут использовать, в случае необходимости и если для этого есть условия, коренные языки перед переключением с четвёртого класса на английский язык в качестве средства обучения [238].

Таким образом, многоязычная ситуация в Уганде характеризуется использованием английского языка как официального в функциях государственного управления, в образовании и судопроизводстве. Суахили, несмотря на свой статус второго официального языка, не играет роли языка массовой коммуникации, и его использование в качестве *lingua franca* ограничено восточной, центрально-восточной и северными районами страны. Широкое использование английского языка в образовании, средствах массовой коммуникации, в экономике и торговле превратило его в язык межэтнического общения. Однако при этом стандартный английский язык остаётся достоянием элиты, и большинство населения использует при межэтнической коммуникации нестандартные формы английского языка, получившие название «угандский английский» (*Ugandan English*). Коренные языки используются в качестве средства этнокультурной самоидентификации. Хотя система образования Уганды и поддерживает коренные языки на уровне начального обучения, не все африканские языки обеспечены учебными материалами и квалифицированными учителями. Недостаточность использования коренных языков страны в образовании, процессы урбанизации и глобализации ставят под угрозу языковое и культурное разнообразие страны.

5.2.2.3. Южная Африка: Южно-Африканская Республика

Многоязычные страны англоговорящего мира Африки южнее Сахары с преимущественно чёрным населением, за исключением восточафриканских государств, в своей языковой политике способствуют преимущественному использованию английского языка в функциях государственного управления, образования и судопроизводства, предоставив ему статус единственного официального языка. В англоговорящих странах Восточной Африки статус официального предоставлен африканскому языку суахили, но на практике английский язык продолжает доминировать в наиболее важных сферах жизни страны, особенно в Кении и Уганде. Всё возрастающая роль английского языка в бывших английских колониях, ставших независимыми государствами в 60-х годах XX века, представляет, по мнению многих исследователей и политических деятелей, угрозу языковому и культурному разнообразию самого многоязычного региона мира.

В связи с этим представляет интерес многоязычная политика Южно-Африканской Республики, одной из нескольких стран мира, в которых в качестве официальных признаётся свыше двух языков. По числу официальных языков она уступает только Боливии, в которой согласно Конституции 2009 года официальный статус предоставлен испанскому и 37 коренным языкам страны [239]. В другой многоязычной стране, Индии, которая приводится как пример с наибольшим числом официальных языков после Боливии, число «конституционных языков» составляет 22, не считая английского. Однако официальными языками Союза признаются только хинди и английский, имеющий статус «ассоциированного официального языка». Остальные языки, включённые в Восьмой список Конституции (The Eighth Schedule to the Constitution), имеют статус официальных только на уровне штатов и союзных территорий [240].

По Конституции ЮАР одиннадцать языков имеют статус официальных. Кроме африкаанса и английского, в качестве официальных признаны наиболее распространённые в стране языки коренных народов Африки, в частности языки банту – зулу и коса, на которых говорит почти половина населения республики. Конституция ЮАР учитывает также и другие языки, что позволяет более полно отразить языковое разнообразие, возникшее в результате взаимодействия африканских, европейских и евразийских культур. Шесть языков

коренных народов Африки, включая южноафриканский язык глухих, получили статус неофициальных. Остальные языки, включая африканские, языки переселенцев из Индии и религиозные языки (такие как арабский, иврит и санскрит) объявлены языками наследия. Статья 6 (Языки) Конституции ЮАР от 1996 года в пункте 1 представляет список из 11 официальных языков страны. Пункт 2 статьи 6 предусматривает принятие «практических и конструктивных мер» по увеличению статуса и расширению использования языков коренных народов страны, использование которых было «исторически ограничено при принижённом статусе». В пунктах 3 и 4 Конституция устанавливает также правила использования официальных языков, согласно которым национальное правительство и региональное правительство «могут использовать любые из официальных языков в правительственных целях с учётом распространения языков, практичности, расходов, региональных условий и баланса нужд и предпочтений населения в целом или в данной провинции». При этом устанавливалось требование использования национальным и провинциальными правительствами по крайней мере двух официальных языков. Пункт 4 статьи 6 также гласит: «Все языки должны пользоваться одинаковым уважением и беспристрастным обращением». Пункт 5 статьи о языках задачей Всеюжноафриканской языковой комиссии (Pan South African Language Board), учреждённой национальным законодательством ставил: а) способствовать всем официальным и неофициальным языкам и создавать условия для их развития, б) способствовать и обеспечивать уважение всем языкам, используемым в общинах Южной Африки, включая немецкий, греческий, гуджарат, хинди, португальский, тамильский, телегу и урду, а также арабский, иврит, санскрит и другие языки, используемые с религиозными целями в Южной Африке [241].

Официальное многоязычие ЮАР является результатом длительной борьбы чёрного населения страны и мировой общественности против политики расовой дискриминации и сегрегации, проводившейся белым меньшинством страны, начиная с основания Южно-Африканского Союза в 1910 году. В 1948 году, с приходом к власти партии, представлявшей интересы африканеров, потомков белых колонистов, расовая сегрегация была возведена в ранг официальной государственной политики апартеида. Чёрное население страны было лишено гражданских прав и свобод, политические права чёрных

были ограничены специальными территориями, так называемыми *бантустанами*, которые создавались по племенному признаку. В 60-е годы лидер борьбы чёрного большинства страны Нельсон Мандела был заключен в тюрьму пожизненно, а его партия, Африканский национальный конгресс, запрещена. Решающим фактором в окончании политики апартеида и утверждении в ЮАР многоязычия и культурного плюрализма явилась поддержка мировой общественности, и прежде всего стран Британского Содружества Наций. Особенно действенными оказались экономические санкции, так как южно-африканская экономика сильно зависит от международной торговли. Оказавшись в политической и экономической изоляции, в 1990 году правительство ЮАР согласилось на переговоры с чёрными лидерами. В результате переговоров была утверждена Временная конституция 1993 года (Interim Constitution), по которой любые ограничения на развитие африканских языков были сняты и многоязычие получило законодательную поддержку. Был снят запрет на Африканский национальный конгресс и другие политические организации, выступавшие против политики дискриминации и апартеида. Лидер движения против апартеида Нельсон Мандела был выпущен из тюрьмы после двадцатисемилетнего заключения по обвинению в подрывной деятельности.

Всеобщие выборы 1994 года, в которых чёрное население ЮАР впервые получило избирательные права, принесли победу Африканскому национальному конгрессу. На основе 34 конституционных принципов Временной конституции в 1996 году была принята Конституция ЮАР, закрепившая политические, культурные и языковые права чёрного большинства страны. После вступления в силу в 1997 году Конституция ЮАР стала основой новой языковой политики, положившей конец двуязычию на основе английского языка и африкаанса. Сфера официальных африканских языков стала расширяться. Африканские языки стали использоваться, хотя и не часто, в парламентских дебатах, телевизионных программах и общественных мероприятиях.

Практическое осуществление политики многоязычия и способствования развитию африканских языков, несмотря на законодательную поддержку, оказалось намного сложнее, чем ожидалось. В 1996 году специальная исследовательская группа ЮАР по многоязычию LANGTAG (Language Task Group) пришла на основе своих

исследований, к заключению о том, что, «несмотря на политическую волю способствовать многоязычию, общественные учреждения, включая образование, всё более становятся одноязычными. Происходит маргинализация всех других официальных языков» [242].

С момента принятия Конституции ЮАР прошло более десяти лет, в течение которых правительство предпринимало ряд усилий по расширению использования коренных языков в наиболее важной для способствования многоязычию сфере – в образовании. Как показывают исследования языковой политики в южноафриканских школах, конституционные положения фактически не оказали ощутимого воздействия на практику выбора школами языка обучения. Так, в результате исследования, проведённого Клэр де Боэр (Claire deBoer), было установлено, что в настоящее время в южноафриканском образовании фактически сохраняется status quo, существовавшее до принятия Конституции: 1) английский язык – это единственный язык, который предлагается в каждой школе, 2) относительно мало школ предлагают африканские языки, 3) школы с языком африкаанс в качестве средства обучения не включают африканские языки в образовательный процесс [243].

Контраст между теорией и практикой многоязычия объясняется языковой ситуацией в ЮАР, в которой, как пишет Кэтлин Торп (Kathleen Thorpe), «хорошее владение английским языком является пропуском к социальной мобильности и хорошо оплачиваемым рабочим местам среднего класса» [244].

Доминирование английского языка во всех областях общественной жизни ЮАР, включая образование, несмотря на то что английский язык является родным только для 8,5 % населения страны, объясняется многими исследователями последствиями введения в 1953 году правительством апартеида Законодательного акта № 47, известного как Закон об образовании народов банту (Bantu Education Act). Согласно данному закону дети народов банту должны были получать образование на родных языках не только в первых четырёх классах начальной школы, но и в последующих четырёх классах. Закон требовал также, чтобы африкаанс и английский язык использовались в образовании на паритетной основе. Недостаточность языковой подготовки на европейских языках в результате расширения обучения на родном языке лишало большинство чёрных учащихся возможности равноправного продолжения образования на высших

ступенях, которое осуществлялось только на английском и африкаансе.

Языковая политика на основе Законодательного акта №47, как пишет Квеси Пра, «ограничивала африканцам доступ к языкам власти – английскому и африкаансу» [245]. Чёрное население сопротивлялось образованию на родных языках, так как видело в нём одну из стратегий политики апартеида, имеющей целью воздвигнуть барьеры на его пути к высшему образованию и к равноправному участию в экономической и политической жизни страны. Кроме того, африканское движение против сегрегации и апартеида рассматривало африкаанс как язык угнетения и подавления свобод африканских народов. Сопротивление введению африкаанс в школьное обучение принимало, следовательно, формы символического сопротивления политике апартеида. Кровавые события, вошедшие в историю как Восстание Соуэто (Soweto Uprising), в сегрегированном чёрном поселении в 12 милях от Йоханнесбурга начались с демонстрации школьников против обязательного обучения языку африкаанс в соответствии с Декретом от 1974 года (Afrikaans Medium Decree) и вскоре переросли в хаотические столкновения с полицией. Беспорядки распространились и на другие чёрные поселения (townships) и привели к гибели, по крайней мере, 575 человек, почти половина из которых были чёрные школьники из Соуэто [246].

События в Соуэто в 1976 году привели к отказу от преподавания африкаанса в школах для чёрных и к повышению статуса английского языка в образовании черного населения. Одним из последствий Закона об образовании народов банту от 1953 года было то, что, как пишет исследователь языковой политики в южноафриканской истории Кэтлин Хью, английский язык занял доминирующие позиции не только в отношении африкаанса, но и африканских языков [247]. По мнению южноафриканского исследователя Нконко Камвангамалу, Закон об образовании от 1953 года и события в Соуэто 1976 года имели отрицательные последствия, которые сказались на трудностях расширения преподавания африканских языков в рамках политики многоязычия, провозглашённой в Конституции ЮАР от 1996 года [248].

Анализируя эволюцию языкового образования в периоды до и после апартеида в Южной Африке, известный защитник политики многоязычия, лауреат премии Лингвапакс (Linguarax) за 2008 год,

присуждаемой ежегодно за выдающийся вклад в языковое разнообразие и развитие многоязычного образования, Невиль Элекзандер (Neville Alexander) отмечает, что, несмотря на «впечатляющее множество учреждений и агентств по планированию и осуществлению языковой политики», включая наиболее важное из них – Всеюжноафриканскую языковую комиссию (Pan South African Language Board), в Южной Африке отсутствует «стратегическая ясность» в развитии языкового планирования. Это приводит к «зигзагообразному процессу» в период после апартеида, который «представляет уникальную возможность продвижения по пути действительно демократического многоязычного и плюрикультурного общества». В качестве положительного примера политики многоязычия в ЮАР на общем фоне неудач Элекзандер приводит провинцию Западного мыса (Western Cape Province), где осуществляется план по семилетнему обучению на родном языке и введению третьего языка. «На африканском континенте, – пишет Элекзандер, – данное действие имеет революционное значение. Нигде к югу от Сахары не предусматривается обучение на родном языке после третьего или четвертого года обучения» [249].

Таким образом, ЮАР являет положительный пример многоязычного общества, стремящегося достичь национального единства путём проведения языковой политики «аддитивного многоязычия», то есть овладения каждым членом общества другим языком при поддержании первого / родного языка. Все общественные учреждения, включая школы, обязаны согласно Конституции использовать в своей деятельности не менее двух из одиннадцати официальных языков. Для осуществления политики многоязычия и поликультурности правительство создало внушительную инфраструктуру организаций, занимающихся языковым планированием, созданием учебных материалов и развитием официальных африканских языков для их использования в образовании, научных исследованиях и других, новых для них, сферах.

Официальная языковая политика южноафриканского правительства направлена на достижение индивидуального трёхязычия, при котором, кроме двух основных языков страны, каждый член общества владел бы своим родным языком. Основную роль в проведении многоязычной политики играет система образования. ЮАР является самой богатой страной на континенте с самым высоким ВВП на ду-

шу населения, превышающим многократно данный показатель в других странах Африки к югу от Сахары. До 20 % от бюджета ЮАР идёт на нужды образования, по сравнению с 5–6 процентами в большинстве стран данного региона. Однако расовые различия в распределении материальных благ отражаются также и на качестве образования, получаемого молодёжью. Образование в старших классах средней школы и в университете, осуществляемое только на английском и африкаансе, всё ещё недоступно для большинства чёрных студентов. Только 14 % чёрного населения страны имеют среднее и высшее образование, в то время как эта цифра для белого населения составляет 65 %. Несмотря на все усилия по достижению индивидуального аддитивного многоязычия, тенденция к моноязычию в английском языке продолжается. Наибольшее сопротивление расширению обучения на африканских языках исходит от самих африканцев, которые видят в правительственной политике, направленной на поддержание африканских языков и культур, попытку сохранить преимущества белого населения в получении высшего образования.

В ЮАР имеет место контраст между официальным многоязычием *de jure* и официальным двуязычием *de facto*. Из одиннадцати официальных языков фактически только английский и африкаанс выполняют функции государственных языков в работе правительственных органов, преимущественно используются в средствах массовой информации и в качестве языков обучения. Все другие языки страны, включая официальные и неофициальные африканские языки, используются в функции этнокультурной самоидентификации. Роль языка всеобщей коммуникации играет английский язык, широко использующийся в сферах коммерции и высшего образования, несмотря на то, что он является родным только для 8,5 процента населения страны [250]. Африкаанс является родным для 13,3 процента населения страны, но, несмотря на длительное культивирование двуязычия «английский–африкаанс» в период апартеида, он широко распространён только в западных провинциях ЮАР, бывших бурских государствах – Трансваале и Оранжевом свободном государстве (Orange Free State).

Конституционная поддержка многоязычия и неуклонная языковая политика, способствующая сохранению и развитию всех официальных и неофициальных языков, обеспечивают сохранение языкового и культурного разнообразия ЮАР и относительно устойчивое

многоязычие, хотя для полноправного участия африканских языков в основных сферах жизни потребуется ещё длительный период развития этих языков, что во многом зависит от самих чёрных африканцев.

5.2.3. Многоязычие в странах франкоговорящей Африки южнее Сахары

Франкоговорящие страны Африки к югу от Сахары тесно связаны с бывшими метрополиями и являются частью Франкофонии (La Francophonie) – международной организации франкофонных государств, сотрудничающих в экономике, политике, культуре, спорте и других областях. Из 19 африканских стран этого региона, предоставивших после провозглашения независимости статус официального французскому языку, в трёх странах (Бурунди, Руанда и Мадагаскар) статус официального имеет также один из самых распространённых африканских языков этих стран, а в двух странах наряду с французским официальным языком является арабский, что свидетельствует об исторических связях с арабо-мусульманской культурой.

В многоязычной ситуации стран франкоговорящего мира французский язык как официальный играет несколько отличную роль, чем в англоговорящих странах Африки южнее Сахары, в которых функции английского языка не ограничиваются сферами государственного управления, дипломатических отношений и среднего и высшего образования. Во франкоговорящих странах, несмотря на официальный статус, французский язык мало распространён в повседневном обращении, и сферы его применения, кроме административного управления и образования, включают лишь малочисленные политические элиты и интеллигенцию. Элитность французского языка в этих многоязычных странах вызывает необходимость использования в качестве языков всеобщей коммуникации наиболее распространённые африканские языки. Недостаточность языковой подготовки и недоступность среднего и высшего образования для большинства коренных народов франкоговорящих стран Африки затрудняют социальную мобильность и экономический прогресс в этих странах, что, в свою очередь, приводит к низкому уровню жизни и политической нестабильности.

В связи с тем что колониальная экспансия в Африке осуществлялась двумя франкоговорящими странами Европы – Францией и

Бельгией, – это не могло не сказаться на языковом и культурном развитии франкофонного мира в постколониальный период. Луи-Жан Кальве (Louis-Jean Calvet) отмечает в своём анализе социолингвистических ситуаций в этом регионе мира, что бывшие бельгийские колонии управлялись в условиях другого языкового режима, чем в колониях, находившихся под французской администрацией. После обретения независимости колониальное наследие, в значительной степени определившее языковую ситуацию в этих странах, было различным. Кальве приводит пример бывших бельгийских колоний Конго (ныне Демократическая Республика Конго), Руанды и Бурунди, в которых некоторые африканские языки в период колониального господства получили письменность и использовались в школьном образовании и частично в прессе. Языковая политика французской колониальной администрации, с другой стороны, основывалась на использовании в школьном образовании только французского языка и полном исключении коренных языков из общественной жизни страны [251].

5.2.3.1. Франкофонные страны с бельгийским языковым наследием: Демократическая Республика Конго, Руанда и Бурунди

По языковому и культурному разнообразию Демократическая Республика Конго занимает четвёртое место в мире и второе место среди стран Чёрной Африки, уступая при коэффициенте языкового разнообразия, согласно данным «Этнолога», 0,948 лишь Центральноафриканской Республике [252]. По данным 16-го издания «Этнолога», население Д.Р. Конго говорит на 217 языках, 215 из которых являются языками коренного населения [253]. При численности населения, по оценке на 2009 год, около 66 млн человек Д.Р. Конго является самой населённой страной франкоговорящего мира Африки и всего франкоговорящего мира [254].

Бельгийское колониальное господство окончилось с провозглашением независимости 30 июня 1960 года. Период раннего постколониального развития сопровождался военными переворотами и кровавыми конфликтами, самым крупным из которых была так называемая Вторая конголезская война 1998–2003 годов, которую иногда называют Африканской мировой войной, ввиду участия в ней армий семи других государств и принимаемая во внимание масштаб человеческих потерь [255]. Бурная история Д.Р. Конго, включающая

попытки отделения провинций Катанга и Южное Касаи вскоре после провозглашения независимости, три государственных переворота, 32-летнюю диктатуру и смену четырёх названий страны, в немалой степени является результатом трудностей политического объединения нации в условиях чрезвычайного этнокультурного разнообразия. Основное препятствие в установлении политического и экономического единства страны представляет отсутствие единого средства всеобщей коммуникации более чем 200 этнических групп. Официальным языком страны является французский, но из-за ограниченного распространения и элитности его возможности выполнять функцию межэтнического общения весьма ограничены. Согласно Конституции от 2005 года, одобренной на общенародном референдуме и вступившей в силу в феврале 2006 года, статус официального предоставлен только французскому языку. Однако Конституция предоставляет четырём наиболее распространённым языкам статус национальных языков страны и гарантирует защиту всех других языков как языкового и культурного наследия страны. Статья 1 Секции 1 Главы 1 Титра 1 в параграфе о языках гласит: «Официальным языком (Д.Р. Конго) является французский. Национальными языками (страны) являются киконго, лингала, суахили и чилуба. Государство гарантирует их поддержку без дискриминации. Другие языки страны являются частью конголезского культурного народного достояния, защита которого гарантируется государством (*partie du patrimoine culturel congolais don't l'État assure la protection*)» [256].

Четыре национальных языка страны, названные в Конституции, были выделены из всего языкового разнообразия ещё бельгийской колониальной администрацией для обеспечения межэтнического общения как языки с наибольшим количеством говорящих. Использование национальных языков в начальных школах способствовало поддержанию грамотности на местных языках в период колониального господства и принятию этих языков в качестве средств всеобщей коммуникации. Наличие в такой многоязычной стране, как Д.Р. Конго, четырёх языков «*lingua franca*» делает возможным практическое применение статьи 18 Конституции, которая требует при аресте и предъявлении обвинения лицам, подвергаемым аресту, информировать их о мотивах ареста и об обвинении на языке, который понятен всем тем, кто подвергается аресту.

Киконго, названный Конституцией в качестве национального, является согласно «Этнологу» макроязыком, состоящим из нескольких языков, некоторые могут настолько отличаться, что говорящие на них понимают друг друга с трудом. В Д.Р. Конго под киконго понимается его вариант «китуба», известный также как правительственный киконго (Kikongo ya Leta), который используется в качестве языка администрации и повседневного общения в провинциях Центральное Конго, Кванго и Квилу. На языковой карте, показывающей географическое распределение четырёх официальных языков, область распространения киконго отмечена в западной части страны к югу от Киншасы, столицы Д.Р. Конго, и включает такие крупные городские центры, как Киквит, Бандунда и Манаду. Китуба как вариант киконго сформировался во время колониального периода в больших городах Западной Африки, населённых народами конго и другими этническими группами.

Другой национальный язык Д.Р. Конго, лингала, также сформировался во время колониального периода и в настоящее время является языком межэтнического общения в местностях, расположенных в верхнем и среднем течении реки Конго. Как язык, широко использующийся в столице страны и являющийся официальным языком конголезской армии, лингала претендует на роль наиболее общепринятого языка всеобщей коммуникации в стране. Сравнивая использование языка лингала и французского языка в Д.Р. Конго, исследователь Майлз Лейч (Myles Leitch) указывает на то, что в отличие от Республики Конго, бывшей колонии Франции, где большинство общественных институтов, таких как армия, государственное управление и документация, профессиональная деятельность, университеты, все ступени системы образования, газеты, большой бизнес и банковская система, используют в своей деятельности исключительно французский язык, в Д.Р. Конго деятельность во многих важных социальных и политических сферах осуществляется в значительной степени на языке лингала [257].

Суахили является языком межэтнической коммуникации на востоке страны, в Восточной Экваториальной Африке. В стране используются несколько вариантов этого языка, основной из которых – кингвана. Сфера распространения суахили ограничена восточными провинциями, испытавшими влияние культуры побережья Индийского океана, и поэтому при общении с населением западных про-

винций необходимо знание других национальных языков или официального языка страны.

Чилуба (Tshiluba) как национальный язык страны используется в Восточно-Касайском и Западно-Касайском районах (по названию Касаи – левого притока реки Конго). Использование языка чилуба, как и суахили, ограничено местами его распространения на юге страны.

Языковая политика бельгийской колониальной администрации отличалась от французской использованием местных языков в начальном образовании. В конце колониального периода начальные школы стали переходить на французский для лучшего доступа выпускников начальных школ к среднему образованию, которое осуществляется на французском языке как языке обучения. Нехватка учителей, свободно владеющих французским, и трудности обучения на французском языке детей, говорящих на африканских языках, привели к тому, что, хотя французский язык был сделан языком обучения, практически в учебном процессе учителя были вынуждены использовать в качестве средства обучения местные языки. После провозглашения независимости официальный язык страны стал языком обучения на всех ступенях, включая начальную школу, хотя национальные языки, наиболее распространённые в данной местности, продолжают использоваться при введении нового материала и в случае возникновения трудностей в понимании.

Конституционная поддержка национальных языков страны отражается в изучении этих языков на уровне начальной школы в качестве предметов школьной программы, что позволяет достичь грамотности на местных языках. Конституционные гарантии защиты других языков страны как «части конголезского культурного наследия», однако, маловыполнимы в условиях, при которых сферы использования этих языков ограничены определёнными этническими группировками или семейным кругом.

Авторы Конституции Д.Р. Конго включили в её текст гарантии сохранения культурного наследия страны, находящегося под угрозой в связи с опасностью новых кровопролитных конфликтов, в которых политические противники часто используют этнокультурные и религиозные различия для пропаганды ненависти и нетерпимости. Статья 46 Конституции гласит: «Государство защищает национальное культурное достояние и гарантирует его развитие» [258]. Куль-

тура Д.Р. Конго отражает её этническое разнообразие и различия в образе жизни в стране, включающей в себя устье и верховья реки Конго, тропический лес, и саванну, и горные районы на Востоке. Культурное разнообразие страны также находит своё отражение в необычайном разнообразии религиозных верований, которые, кроме традиционных африканских религиозных культов, включают основные религиозные верования и эклектические секты. Большинство населения страны (80%) исповедуют христианство, 10% являются мусульманами [259]. Традиционные африканские верования, которым следуют 10% населения, основаны на таких концепциях, как анимизм, витализм, вера в духов, поклонение предкам, колдовство и чародейство. Христианские течения, в свою очередь, представлены католиками, протестантами, последователями пророка Симона Кинбангу и другими сектами. Христианские секты Д.Р. Конго смешивают христианство с традиционными верованиями и ритуалами африканских народов и не признаются основными направлениями христианства.

Таким образом, чрезвычайное этнокультурное и языковое разнообразие Д.Р. Конго при отсутствии единого языкового средства этнокультурной коммуникации затрудняет политическое объединение страны. Большинство населения страны многоязычно, но степень индивидуального многоязычия значительно варьируется, что приводит к практическому моноязычию отдельных граждан страны, участие которых в общественной жизни на всех уровнях значительно затрудняется. Единственный официальный язык Д.Р. Конго, французский, используется в государственном управлении и образовании, но не может выполнять функции межэтнической коммуникации, за исключением политической элиты. Четыре национальных языка страны – киконго, лингала, суахили и читулуба – благодаря своей широкой распространённости используются в качестве языков «lingua franca», однако их способность выполнять функции языков межэтнической коммуникации ограничена определёнными районами страны. Единственный из национальных языков – лингала, благодаря своему привилегированному статусу языка столицы и прилегающих районов, претендует на роль более широкого средства массовой коммуникации и используется в конголезской армии и частично в прессе, радио и телевидении страны. Неофициальные языки используются в функции этнокультурной самоидентификации. Не-

смотря на то что Конституция страны заявляет о том, что все языки страны являются её культурным наследием и находятся под защитой государства, большинству неофициальных языков, особенно с небольшим числом говорящих, грозит исчезновение, так как они фактически исключены из общественной жизни страны и не используются в образовании. Немаловажным фактором, влияющим на процесс вымирания коренных языков страны, является их непрестижность по сравнению с языками власти, что приводит к пренебрежительному к ним отношению самих носителей этих языков и к стремлению овладеть официальным и национальными языками страны.

Два небольших африканских государства в Восточно-Центральной части Африки в районе Великих озёр – Бурунди и Руанда – разделяют с Д.Р. Конго общность исторического развития, так как с 1925 года они составляли одну колонию – Бельгийское Конго. До Первой мировой войны под названием «Руанда-Урунди» Бурунди и Руанда находились под немецко-бельгийской администрацией, а после поражения Германии Руанда-Урунди стала частью бельгийской колониальной империи, но, в отличие от прямого управления в остальном Бельгийском Конго, Бельгия разрешила продолжить в Руанде-Урунди королевскую династию. Союз двух стран был распущен в конце колониального периода, в 1959 году, после чего в Бурунди и Руанде были сформированы политические партии, проведены выборы, и 1 июля 1962 года обе страны стали независимыми государствами.

Бурунди и Руанда, кроме общего бельгийского колониального наследия и общей истории как одного государства, имеют редкую в Африке южнее Сахары особенность – обе страны являются фактически моноязычными, с коэффициентом языкового разнообразия, близким к нулю (0,004) [260]. Согласно «Этнологу» число живых языков в Бурунди и Руанде составляет 4 и 5 соответственно, из них только три языка являются в каждой стране коренными [261]. Широкое распространение одного из местных языков и политика использования африканских языков в образовании и на низшем уровне управления, проводимая бельгийским правительством в колониальный период, позволили Бурунди и Руанде предоставить одному африканскому языку статус официального наряду с французским. В Бурунди официальным языком стал рунди (кирунди), а в Руанде –

руанда (киньяруанда). Кирунди и киньяруанда настолько близки друг другу, что являются взаимопонимаемыми.

Население Бурунди и Руанды принадлежит к трём различным этническим группам: бахуту (хуту), батутси (тутси) и батва (тва). Самая большая этническая группа в Бурунди и Руанде – хуту – составляет 85% от общего населения. Тутси являются этническим меньшинством при численности населения около 14%. Численность пигмеев составляет 1 процент. Все три этнические группы имеют один язык, что объясняется их историческим развитием как одного народа со своей государственностью в течение длительного времени ещё до колониального раздела Африки. Аборигенным населением в Бурунди и Руанде были пигмейские племена тва, занимавшиеся охотой и собирательством. Бантуязычные племена хуту пришли с юга между XI и XV веками. Их основным занятием было сельское хозяйство и земледелие. Тутси, пришедшие с севера в XVI веке, установили своё господство над хуту и над пигмеями. Тутси превратились в класс аристократов, которые не занимались физическим трудом и ремёслами за исключением воинского. После их прихода в район Великих озёр они стали господствующим классом, владея всем скотом и сельхозугодьями и занимая посты вождей и чиновников. Равновесие в бельгийской колонии Рунди-Руанде было нарушено, когда в начале 50-х годов XX века бельгийские колонизаторы урезали привилегии тутси в Руанде и стали проводить политику поддержки хуту и выдвижение хуту на управленческие посты в своей администрации.

После приобретения независимости межэтнические отношения в Бурунди и Руанде резко обострились. В Бурунди после получения независимости последовал период крайней политической нестабильности, в течение которого произошёл ряд военных переворотов и кровавых погромов на почве этнических распрей между тутси и хуту. Первые попытки установления демократии имели место в 1993 году. Однако новая серия политических убийств и этнических погромов потребовала вмешательства ООН и серии переговоров с вооружёнными формированиями хуту и тутси. В июне 2004 года войска ООН взяли на себя ответственность за поддержание мира в Бурунди путём контроля за прекращением огня, разоружением и демобилизацией [262]. В 2005 году были проведены президентские и парламентские выборы и принята новая Конституция. Однако девиз

Республики Бурунди «Unité, Travail, Progrès» (единство, труд и прогресс) и сейчас остаётся недостижимым в стране, которая в любой момент может опять погрузиться в бездну кровавых межэтнических распрей и которая по уровню ВВП занимает самое последнее место в мире [263].

Если в Бурунди межэтнический конфликт между хуту и тутси принял форму многочисленных погромов и вынудил тысячи людей спасаться бегством, в Руанде вспыхнула гражданская война, которая привела к геноциду, направленному против гражданского населения тутси. В результате геноцида тутси в Руанде в 1994 году погибло свыше 500 тысяч человек. После поражения в гражданской войне правительства, контролируемого зачинщиками геноцида, и прихода к власти Патриотического фронта Руанды – военизированного движения, сформированного беженцами тутси в соседней Уганде, новое правительство Руанды приняло в 2003 году Конституцию, которая осудила геноцид тутси, «организованный и осуществлённый недостойными лидерами и другими преступниками», и заявило о решимости вести борьбу с «идеологией геноцида и всеми её проявлениями и искоренить этнические, региональные и другие формы разобщения». В попытке порвать с историческим прошлым, полным ненависти, кровопролитных конфликтов, геноцида 1994 года и его последствий, новое правительство пошло на беспрецедентный шаг в истории – смену официального языка страны с французского на английский. Статья 5 Конституции Руанды гласит: «Национальным языком является киньяруанда. Официальными языками являются киньяруанда, французский и английский» [264]. Министерство образования приняло меры к переориентации школьного и высшего образования на английский язык, снизив, соответственно, объём французского языка в школьных программах. Современная история не знает другого случая перехода на другой официальный язык. Популярный миф о том, что в 1795 году вопрос о замене языка США с английского на немецкий стоял на повестке дня в Конгрессе, и в результате голосования немецкому языку не хватило одного голоса, не имеет под собой основания, несмотря на свою правдоподобность. Американский исследователь языкового законодательства и языковых прав Деннис Бэрн объясняет возникновение этой легенды тем, что в 1795 году действительно имело место голосование по поводу публикации федеральных законов на немецком и английском языках. Данное пред-

ложение было отвергнуто со счётом 41–40 на этапе передачи его для исследования в специальном комитете [265].

Со вступлением в силу Конституции 2003 года Руанда также заявила о себе, как страна, стремящаяся присоединиться к клубу англоговорящих стран. В том же году Содружество Наций англоговорящих стран приняло на рассмотрение заявление Руанды с просьбой о принятии её в данную организацию. 29 ноября 2009 года Руанда стала 54-м членом Содружества Наций. Решение о смене официального языка возникло вслед за 100-дневным геноцидом меньшинства тутси, направляемым в 1994 году правительством под контролем большинства хуту. Франкоговорящие хуту, организовавшие геноцид, были вытеснены англоговорящими мятежниками тутси, которые долгое время прожили в англоязычной Уганде после массового исхода беженцев тутси в результате кровавых погромов. Сообщая о решении Руанды выйти из-под влияния Франции и стать членом англоговорящего мира, американская газета «Крисчен Сайенс Монитор» указывает также на постколониальную политику Франции по поддержке африканских режимов в обмен на привилегии в военной торговле и военной помощи. Система африканского франка, общей валюты в 16 африканских странах, привела к ограничениям торговли этих стран со странами, не входящими в этот союз. Новые правящие круги в Руанде называют мотивы своего решения о смене языка и партнёров по сотрудничеству скорее экономическими, чем политическими, хотя подчёркивают определённую роль французского правительства в геноциде. Газета также отмечает, что «после 1994 года граждане Руанды обратили внимание на то, что бывшие английские колонии достигли гораздо большего, чем французские» [266].

Новая языковая политика Руанды и её сближение с англоговорящим миром в надежде стать «африканским Сингапуром» могут привести к изменению языковой ситуации в этой стране и сделать её отличной от соседней страны, Бурунди. И Руанда, и Бурунди имеют общий африканский язык в своих странах – киньяруанда и кирунди соответственно, которые являются средствами массовой коммуникации и национальной принадлежности. Седьмой пункт Преамбулы Конституции Руанды говорит о том, что наличие в стране общего языка и общей культуры является привилегией, которая «должна привести к общему видению судеб страны (a common vision of our destiny)» [267].

Английский язык как официальный язык Руанды используется в функции государственного управления и вытесняет французский язык из образования как язык обучения. Французский язык как другой официальный язык страны удерживает свои позиции в связи с восстановлением политического и экономического сотрудничества с Францией, прерванного в результате разрыва отношений после принятия правительством Руанды решения о присоединении к англоговорящему миру. То, что национальный язык киньяруанда имеет статус официального, обеспечивает его поддержку в системе образования и в средствах массовой информации, включая радио и телевидение. Индивидуальное многоязычие в Руанде представлено также использованием суахили, особенно как языка бизнеса и коммерческих отношений.

Функционирование многоязычия в Бурунди имеет общие черты с ситуацией в Руанде, за исключением того, что Бурунди остаётся в кругу стран франкоязычного мира. Официальными языками страны являются кирунди и французский, при этом французский язык выполняет функции языка правительственного управления и языка обучения в образовании, а также используется в прессе, радио и телевидении. Кирунди выполняет функции языка общей коммуникации и национальной принадлежности.

Итак, многоязычие во франкоговорящих странах Африки южнее Сахары, разделяющих бельгийское колониальное наследие, отличается ролью, которую африканские языки играют в обществе. Использование африканских языков в доколониальный период в образовании на уровне начальной школы и на низших ступенях колониальной администрации способствовало поддержанию африканских языков и сделало возможным их использование в качестве средств массовой коммуникации в период постколониального развития.

Вместе с тем многоязычная ситуация в Д.Р. Конго имеет свои отличительные особенности по сравнению с Бурунди и Руандой. Большое языковое и культурное разнообразие Д.Р. Конго значительно затрудняет межэтническую коммуникацию в стране, так как ни один из четырёх национальных языков страны не может служить языком всеобщей коммуникации, и языковая карта страны представляет собой мозаичное сочетание четырёх крупных языковых районов. Лишь один из национальных языков, лингала, ввиду исторического развития и выгодного географического распределения в сто-

лице страны и прилегающих районах, может претендовать на роль более широкого средства массовой коммуникации. Функции единственного официального языка страны – французского – ограничены государственным управлением и образованием, особенно на более высоких уровнях. Из-за ограниченности числа говорящих на французском языке, он может служить средством межъязыковой коммуникации только на уровне политических элит. Индивидуальное многоязычие в Д.Р. Конго имеет широкое распространение и включает родной язык в функции этнокультурной самоидентификации, один или более национальных языков – в функции средств межэтнической коммуникации и французский язык как официальный язык, предоставляющий возможности более полноправного участия в экономической и политической жизни страны всем тем, кто владеет им на достаточном уровне.

Бурунди и Руанда в отличие от Д.Р. Конго имеют один общий язык страны, который включён в число официальных. Как и в Д.Р. Конго, французский язык имеет наиболее важные функции, связанные с государственным управлением, образованием и прессой, но не может служить средством всеобщей коммуникации из-за ограниченности числа владеющих им в достаточной степени. И Бурунди, и Руанда представляют собой редкий случай в Африке южнее Сахары, когда все этнические группы разделяют один общий африканский язык, кирунди в Бурунди, и киньяруанда в Руанде. Общий язык, таким образом, выполняет функции не этнокультурной идентификации, а общенациональной и служит средством массовой коммуникации в стране. После геноцида в Руанде в 1994 году правительство Руанды объявило о переходе страны к англоязычию. Конституция Руанды от 2003 года предоставила английскому языку статус официального наряду с французским и киньяруанда. Новая языковая политика Руанды в области образования направлена на предпочтительное использование английского языка в качестве обучения.

5.2.3.2. Франкоговорящие страны Африки южнее Сахары с французским колониальным наследием

Основу франкоговорящего мира Африки южнее Сахары составляют бывшие французские колонии, многоязычная ситуация в которых отличается не только по сравнению с англоговорящими странами Чёрной Африки, но и по сравнению с франкоговорящими стра-

нами с бельгийским колониальным наследием. В большинстве африканских франкоговорящих стран – бывших колониях Франции – французский язык является единственным официальным языком. Языковая политика французской колониальной администрации привела к тому, что ни одна из африканских стран не смогла предоставить какому-либо из коренных африканских языков банту статуса национального языка всеобщей коммуникации. В некоторых африканских странах к югу от Сахары официальными языками являются и другие европейские языки, что свидетельствует, как правило, об истории совместного колониального правления. Так, в Камеруне, кроме французского, статус официального предоставлен также английскому, а в Гвинее – испанскому. В Чаде и на Коморах, испытавших значительное влияние арабо-мусульманской культуры, статусом официального пользуется также арабский язык.

Самой многоязычной и поликультурной страной франкоговорящего мира Африки южнее Сахары с французским колониальным наследием является Центральноафриканская Республика (ЦАР) – небольшое государство в Центральной Африке, не имеющее выхода к морю, с населением (по оценке на 2009 год) 4422000 человек [268]. По языковому разнообразию ЦАР занимает первое место на африканском континенте и третье место в мире после Папуа-Новой Гвинеи и Вануату. Согласно данным «Этнолога», количество живых языков в ЦАР составляет 82, из которых 71 является коренным [269]. Из всего этнокультурного разнообразия ЦАР большинство этнических групп принадлежит к племенным народам банту группы нигер-конго, включающей племена гбайя, банда, нгбанда, занде, мбуи, мака и другие. Шари-нильская этническая группа составляет меньшинство. Из племён шари-нильской группы самое крупное – сара. Языковое и культурное разнообразие ЦАР находит своё отражение во множестве религиозных верований, включающих христианство (50 % населения), традиционные африканские верования (35 %) и ислам (15 %). В свою очередь, христианство, кроме основных направлений представлено многочисленными сектами, включая Свидетелей Иеговы и Братьев милости господней (Grace Brethren) [270].

Французская колония Убанги-Шари (Oubangi-Chari), по названию рек в Экваториальной Африке, с провозглашением Четвёртой Республики, заменившей Французскую Империю в 1946 году, полу-

чила статус заморского департамента Французского Союза (Union française). С провозглашением Пятой Республики Убанги-Шари стала автономной территорией во Французском Сообществе (Communauté française) и была названа Центральноафриканской Республикой. После провозглашения независимости в 1960 году ЦАР, как и большинство бывших европейских колоний, в течение длительного времени оставалась политически и экономически зависимой от бывшей метрополии. Политическая нестабильность в стране и ухудшающееся экономическое положение способствовали серии государственных переворотов. Наиболее одиозный из диктаторских режимов был установлен полковником Бокассой после переворота 31 декабря 1965 года. Бокасса распустил Национальную Ассамблею и прекратил действие Конституции, а в 1972 году объявил себя пожизненным президентом. 4 декабря 1976 года он был провозглашён императором Центральноафриканской Империи. Коронация Бокассы I обошлась стране почти в половину годового бюджета и вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самая дорогостоящая в истории с учётом расходов на душу населения [271]. Правление Бокассы было отмечено кровавым подавлением любых форм оппозиции, и после расправы над демонстрацией школьников, протестовавших против дорогостоящих школьных униформ, в результате которой погибло около ста детей, французское правительство организовало в 1979 году «Последнюю колониальную экспедицию Франции» по свержению Бокассы и восстановлению республики.

Первые демократические выборы после провозглашения независимости прошли под давлением мировой общественности в 1993 году, но политическая нестабильность в стране продолжается до сих пор, включая смену власти в результате государственных переворотов.

Многочисленные военные перевороты и межэтнические распри в значительной степени явились причиной бедственного экономического состояния страны и обнищания народных масс. ЦАР является одной из самых бедных стран мира при ВВП на душу населения 739 долларов [272].

Языковое и культурное разнообразие ЦАР, сохранившееся в результате того, что процессы урбанизации и глобализации ещё не затронули значительной части населения страны, представляет собой определённую трудность в достижении политического и экономиче-

ского единства страны в условиях отсутствия эффективного средства всеобщей коммуникации и низкого уровня грамотности, составляющего 48,6 процента от населения страны [273]. Согласно статье 17 Конституции ЦАР от 2004 года официальными языками страны являются санго и французский [274]. Французский язык в качестве официального выполняет функции государственного управления, языка обучения в образовании, используется в прессе; на нём составляется и хранится вся документация и ведётся судопроизводство. В то же время лишь незначительная часть населения, включая политическую элиту и интеллигенцию, владеет французским в достаточной степени, что затрудняет использование французского языка как средства массовой коммуникации.

Санго, впервые провозглашённый официальным языком в Конституции 1986 года, образовался во время колониального периода в качестве *lingua franca* на базе различных языков адамава-убангийской семьи. Возникнув как пиджин при общении различных африканских этнических групп с колониальной администрацией, он никогда не признавался французами официально. В 20-х годах XX века протестантские миссионеры, а позднее римские католики стали использовать санго для обучения и распространения христианской веры. Были опубликованы первые учебники санго и тексты, в основном религиозного характера. В настоящее время для около 400 тысяч человек в ЦАР, в основном в столице страны Банги, санго является первым языком, и как разговорный язык он получил широкое распространение в стране. Санго используется в качестве разговорного языка в правительственных органах и в образовании, в то время как французский используется при общении в письменной форме. Несмотря на пренебрежительное отношение к санго со стороны французской колониальной администрации, он стал символом «языкового единства» страны, провозглашённого впервые в Конституции от 1986 года [275].

Санго, несмотря на свой статус «официального языка», является скорее национальным языком, не имеющим стандартной формы. В зависимости от уровня образованности говорящего и от степени урбанизации населения словарь санго может значительно отличаться. Чарльз Моррилл описал три функциональные разновидности санго: городскую, сельскую и профессиональную, на которой говорят образованные люди, использующие наибольшее количество лексиче-

ских заимствований из французского языка [276]. Отсутствие стандартизированной нормы языка санго и его преимущественное использование в качестве разговорного языка межэтнических контактов, ограничивают его использование в более важных функциях государственного управления, образования, судопроизводства и так далее и только подчёркивают элитность и престижность французского языка как основного официального языка страны.

Коренные африканские языки в ЦАР не используются ни в одной из важных общественных функций, и их роль ограничена выражением этнокультурной самоидентификации. Отсутствие поддержки коренных языков в образовании и в средствах массовой информации делают многоязычную ситуацию в ЦАР нестабильной и угрожают языковому и культурному разнообразию. Процесс исчезновения коренных языков особенно очевиден в городских районах, где язык санго становится первым языком молодых африканцев, которые утрачивают свои этнокультурные корни и забывают языки своих предков.

Таким образом, многоязычная ситуация в ЦАР представлена в виде трёхязычия – коренного языка, языка всеобщей коммуникации, функции которого выполняет язык санго, и основного официального языка – французского, степень владения которым весьма ограничена политической элитой и образованными слоями населения.

Республика Конго, бывшая французская колония, которая получила независимость 15 августа 1960 года, это небольшая страна с населением (по оценке на 2009 год) 386000 человек, граничащая на Западе с Демократической Республикой Конго. По своему языковому и культурному разнообразию Конго несколько уступает Д.Р. Конго, хотя по этническому составу они имеют много общего. Согласно данным «Этнолога» в Республике Конго имеется 66 живых языков, из которых 62 языка являются языками коренного населения [277]. Самая крупная этническая группа в стране, составляющая почти половину населения, это конго, язык которой – киконго – является наиболее распространённым языком. Широкое распространение киконго (точнее, его разновидности китуба) и языка лингала делает языковую ситуацию весьма схожей с той, что имеет место в соседней Д.Р. Конго. Однако многоязычие Республики Конго как африканской страны с французским колониальным наследием имеет свои характерные особенности, которые заключаются в более ограниченном использовании коренных языков в общественной жизни,

что создаёт барьеры в этнокультурной коммуникации, так как распространение французского языка в стране ограничено в основном правительственными структурами, системой образования и бизнес-элитой.

Единственным официальным языком Конго является французский. Самые распространённые языки страны – киконго и лингала – пользуются статусом региональных языков. Конституция многоязычной и поликультурной Республики Конго от 2002 года провозглашает среди «универсальных ценностей конголезского общества» толерантность и заявляет о признании важности диалога (*vertus de dialogue*) как главного ориентира в новой политической культуре. Положение об официальном и национальных языках страны включено в статью 6 вместе с указаниями на гимн, девиз и герб страны: «La langue officielle est le français. Les langues nationales véhiculaires sont le lingala et le kitubà. (Официальным языком страны является французский. Национальными языками общения являются лингала и китуба)» [278]. Китуба – разновидность киконго – наиболее распространён в южной части страны, в наиболее населённых районах Конго. Лингала широко используется в относительно малонаселённой северной части страны. В отличие от соседней Д.Р. Конго, где киконго и лингала имеют статус национальных языков и даже являются официальными языками на уровне провинций, в Республике Конго эти языки считаются языками общения простых людей. Элита страны, включая правительство, армейскую верхушку, прессу, образование и так далее, использует французский язык. Данные отличия возникли в результате языковой политики французского правительства в период колониальной администрации, которая не признавала коренных языков. В период колониального правления коренные языки, в отличие от колоний Бельгии, не использовались в колониальной администрации и в образовании.

Таким образом, многоязычие в Республике Конго принимает в основном форму трёхязычия, представленного в континууме, отражающем различные степени владения языком. Коренные языки выполняют функции средства этнокультурной самоидентификации. Региональные языки – киконго и лингала – являются языками массовой коммуникации. Французский язык – это язык образования, науки, государственного управления, прессы и армии, но его роль как языка межэтнической коммуникации ограничена политической и

профессиональными элитами страны. Недостаточная поддержка основной массы коренных языков страны угрожает её языковому и культурному разнообразию. Отсутствие единого средства всеобщей коммуникации также затрудняет политическое и экономическое объединение страны.

Островная страна Мадагаскар, расположенная на одноимённом острове, отделённом от восточного побережья Южной Африки Мозамбикским проливом, является единственной бывшей французской колонией, которая в процессе деколонизации предоставила статус официального языка национальному языку страны – малагасийскому (мальгашскому). Страна получила полную независимость 26 июня 1960 года, но уже после провозглашения Малагасийской Республики в 1958 году как автономного государства в рамках Французского Сообщества была принята Конституция от 1958 года, которая предоставила местному языку всеобщей коммуникации законодательную поддержку. Статья 2 (Титр I) гласила: «Мальгашский и французский являются официальными языками Малагасийской Республики» [279]. Отсутствие в Конституции от 1992 года упоминания об официальных языках привело к судебному казусу, когда было возбуждено судебное дело против публикации официальных документов на французском языке как противоречащей Конституции. Решение Высшего Конституционного суда гласило, что в отсутствие закона о языках французский всё ещё имеет характер официального языка [280].

Многоязычная ситуация Мадагаскара представляет редкое в Африке южнее Сахары явление, когда, несмотря на наличие в стране множества этнических групп и языков, один из местных языков традиционно используется в качестве средства массовой коммуникации, что облегчает политическое и экономическое объединение страны после обретения независимости. Согласно данным 16-го издания «Этнолога», население Мадагаскара говорит на 20 языках, из которых 17 являются коренными [281]. Этнический состав населения острова складывался в течение последних двух тысячелетий на основе миграций австронезийских мореплавателей, прибывших на остров ещё в начале нашего летоисчисления с островов Малайского архипелага, расположенных между материковой Азией и Австралией, и миграции африканских племён банту с восточного побережья Африки. Остров испытал на себе также арабское, индийское и евро-

пейское влияния, хотя, как показали исследования ДНК, малагасийский народ имеет в основном австронезийское и восточноафриканское происхождение. История миграции обусловила возникновение на Мадагаскаре двух крупных этнических объединений – горцев и жителей побережья. Горские народы, представленные этническими группами мерина, сиханака и бецилеу, являются потомками выходцев из Австронезии, а этнические группы, населяющие побережье Мозамбикского пролива, – это потомки представителей негроидной расы.

В отличие от большинства франкоговорящих стран, в которых во время колониального правления стали возникать языки-пиджины, используемые для контактов с европейцами и межэтнической коммуникации, на Мадагаскаре к моменту начала французского завоевания в 1883 году уже существовал язык всеобщей коммуникации, образовавшийся в результате установления этнической группой мерина почти полного контроля над островом в конце XVIII века. Многочисленные мелкие королевства острова были объединены под эгидой меринских правителей, и язык правящей этнической группы распространился по всему острову. После аннексии Мадагаскара в 1896 году 103-летнее монархическое правление меринских правителей закончилось, но малагасийский язык продолжал играть роль общего языка даже после установления французского господства.

Малагасийский язык не связан с африканскими языками народов банту и, как показывают исследования, является малайско-полинезийским языком. Его базовая лексика на 90 % совпадает с лексикой языка ма'аньян в районе реки Барито на юге Борнео, что подтверждает происхождение этнической групп мерина в результате переселения с самого крупного скопления островов на Земле в Юго-Восточной Азии [282]. В процессе своего развития малагасийский язык расширил свою лексику за счёт заимствований из языков банту, суахили, арабского, французского и английского. В ходе истории малагасийский язык приобрёл богатую традицию устных поэтических преданий и легенд. Первые письменные памятники на арабском алфавите датируются XV веком. Латинский алфавит был введён в 1823 году малагасийским монархом Радамой I, первым грамотным представителем меринской монархии, который пригласил протестантскую организацию Лондонского миссионерского общества (London Missionary Society) учредить школы и церкви [283]. В

1835 году протестантские миссионеры этого общества издали первую книгу на малагасийском языке – перевод Библии, позднее были опубликованы первые словари с использованием латинского алфавита.

В течение колониального периода французская колониальная администрация относилась к малагасийскому языку с пренебрежением, как к местному языку необразованных слоёв населения, и не использовала его в образовании и даже на низших уровнях административного управления. Тем не менее язык сохранился, так как существовала необходимость в средстве всеобщей коммуникации, ввиду того что распространение французского языка было ограничено правящей верхушкой и бюрократией.

После провозглашения независимости малагасийский язык получил статус официального наряду с французским, хотя его функции продолжали ограничиваться устной коммуникацией. Языковая политика, унаследованная от колониальной администрации, предоставляла преимущества в образовании и профессиональной карьере в зависимости от степени владения французским языком. Более трёх десятилетий после провозглашения независимости в 1994 году, французским языком на Мадагаскаре свободно владели не более пяти тысяч человек, около двух миллионов граждан имели лишь пассивные навыки владения французским на уровне средней школы, в то время как подавляющее большинство (8–9 млн) могли говорить только на малагасийском языке. Французский язык оставался языком элиты, что приводило к тому, что около 90 % студентов университетов не могли продолжать высшее образование после первого года обучения [284]. Кризис в системе образования Мадагаскара в середине 90-х годов XX века был результатом перехода в 1972 году на использование малагасийского языка в качестве языка обучения в школах. Хроническая нехватка учебных материалов на малагасийском языке и снижение навыков владения французским языком – языком обучения в университетах – вынудили малагасийское правительство перейти на французский язык как обучающее средство через 20 лет использования малагасийского.

В настоящее время французский язык остаётся языком элиты. Обучение в школах ведётся формально на французском по французским учебникам, написанным для французских школьников без учёта культурных особенностей Мадагаскара. Учителя вынуждены ис-

пользовать малагасийский язык в учебном процессе, особенно при объяснении нового материала, но все экзамены сдаются только на французском языке [285]. Система образования на Мадагаскаре испытывает трудности при подготовке учащихся к продолжению обучения в университетах и к профессиональной деятельности, так как в этих сферах господствует французский язык, являющийся вторым языком для учащихся.

Неудачи языковой политики, основанной на выдвигании национального языка страны на роль основного языка с постепенным переходом системы образования, государственного управления и экономики с французского языка на малагасийский, привели правительство Мадагаскара к поискам новых путей решения языкового вопроса. В 2007 году Конституция страны была пересмотрена с учётом требования сохранения «наследия плюралистического общества, относящегося с уважением к разнообразию, богатству и динамизму своих этико-духовных и социокультурных ценностей». Согласно новой Конституции статус официального языка предоставлен также английскому языку. Статья 4 среди прочего гласит: «Малагасийский язык является национальным языком. Малагасийский, французский и английский являются официальными языками» [286]. Решение о включении английского языка в число официальных мотивируется желанием стимулировать развитие прямых контактов с англоговорящими странами Африки и способствовать прямым иностранным инвестициям в экономику Мадагаскара [287]. Решение франкоговорящего Мадагаскара стать частью англоговорящего мира не является беспрецедентным. Руанда объявила о своём решении перейти на английский язык в 2003 году, португалоговорящий Мозамбик был принят членом англоговорящего Британского Содружества Наций в 1995 году. Сообщая о вступлении Мадагаскара в англоговорящую организацию «Южноафриканское сообщество по развитию» (Southern African Development Community) и о пересмотре Конституции с предоставлением английскому языку официального статуса для того, чтобы «открыть страну для мира», китайское агентство Синьхуа выразило сомнение относительно настолько резкого изменения языковой политики: «Мадагаскару предстоит пройти долгий путь, прежде чем свободное владение английским языком станет нормой» [288].

Однако провозглашение английского языка официальным на Мадагаскаре не является лишь рекламным трюком для привлечения инвестиций из США, Канады, Англии, Австралии и других англоговорящих стран. Решение об изменении языковой политики было поддержано всенародным референдумом о Конституции 2007 года, и одновременно с введением английского языка как официального правительство предприняло ряд мер по способствованию распространению английского языка в обществе, особенно в образовании. Министерство образования Мадагаскара приступило к публикации английской газеты с периодичностью два номера в месяц, которая распределяется по школам. В стране появились Интернет-клубы английского языка, и Интернет-трафик на английском языке растёт, что говорит о популярности распространения английского языка в обществе [289].

Таким образом, многоязычная ситуация на Мадагаскаре находится в состоянии неравновесия в связи с неудавшейся языковой политикой в 70–90-е годы сделать национальный малагасийский язык основным официальным языком страны. После принятия Конституции 2007 года, которая предоставила статус официального языка английскому наряду с малагасийским и французским, имеет место расширение применения английского языка за счёт установления экономических, политических и культурных связей с англоговорящими странами и с более широким кругом стран ввиду глобализации английского языка. В то же время французский язык прочно удерживает свои позиции как язык государственного управления, прессы, образования и экономики внутри страны. Малагасийский язык выполняет функции средства этнокультурной самоидентификации и, в связи с элитностью и малораспространённостью французского языка, средства межэтнической коммуникации. В стране складывается трёхязычие на основе национального языка и двух европейских языков – французского и английского. Введение английского языка в качестве одного из официальных и расширение его использования открывают перед мадагаскарцами новые возможности участия в глобальных связях на всех уровнях.

5.2.4. Страны португалоговорящего мира Африки южнее Сахары

Бывшие португальские колонии в Африке обрели свою независимость в результате национально-освободительного движения в

семидесятих годах XX века после так называемой Революции гвоздик в 1974 году в Португалии. Однако сотрудничество португалоговорящих стран в экономической, политической и культурной сферах стало возможным только после окончания холодной войны и в результате политических изменений в африканских странах, которые привели к введению многопартийной системы и осуществлению демократических процессов. В 1996 году было учреждено Сообщество стран с португальским языком (*Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP*). Целью учреждения CPLP было достижение «солидарности португалоговорящих стран» и способствование португальскому языку на международной арене. Создание «Лузосферы», или «Лузофонии», то есть объединения португалоговорящих стран, по мнению авторов данного проекта, было оправдано тем, что португальский язык является восьмым самым распространённым языком в мире и третьим по количеству говорящих среди европейских языков после английского и испанского. Термин «Лузофония» образован из латинского названия провинции Древнего Рима Лузитании, соответствующей современной Португалии. В португальской культуре понятие «Лузитания» часто используется в литературных и поэтических контекстах, и термин «лузофон» (*Lusophone*) равным образом используется со значением «португалоговорящий» [290].

Для оправдания колониальной политики Португалии, особенно в период правления с 1932 по 1968 год диктатора Антониу Салазара, основателя фашистской партии Национальный Союз, официальные круги этой страны широко использовали концепцию лузотропикализма, согласно которой португальцы, ввиду особенностей их истории и климата, поддерживают расовую демократию, проявляют большую гуманность к населению своих колоний, лучше адаптируются к другому климату и иной культуре, склонны к метисации, то есть к расовому смешению с местным населением. Система взглядов, которая привела к возникновению данной концепции о цивилизаторской миссии Португальской империи, была впервые представлена в книге бразильского автора Жилберто Фрейре (*Gilberto Freyre*), озаглавленной *Casa Grande e Senzala* (Хозяйский дом и жилище рабов) и получившей в английском переводе название *The Masters and the Slaves* (Хозяева и рабы). Сам термин «лузотропикализм» появился в 50-х годах XX века, когда Фрейре по приглашению Салазара совершил путешествие по Португальской колониальной империи.

На основе материала, собранного в португальских колониях в Африке, Фрейре развил далее свою теорию лузотропикализма как особой склонности португальцев к смешению рас. Его интерпретация колониальных завоеваний Португалии была использована португальским правительством для придания своим колониальным притязаниям в Африке характера легитимности [291]. В годы правления Салазара на основе данной теории португальская колониальная пропаганда утверждала, что с XV века Португалия была поликультурной страной, населенной представителями разных рас и расположенной на нескольких континентах.

Многоязычие в португалоговорящих странах Африки южнее Сахары имеет свои особенности, обусловленные тем, что, в отличие от других колониальных империй, завоевания Португалии в Африке начались намного раньше – с конца XV века. Длительный период господства вызвал более глубокое проникновение лузофонной культуры и португальского языка, что привело к тому, что вопрос о языковой деколонизации в период после провозглашения независимости здесь не стоял. Освободительные движения в португальских колониях осуществлялись португалоязычными людьми, для которых португальский язык был прежде всего средством политического объединения разноязычного населения их стран. Широкое распространение португальского языка в бывших португальских колониях позволило использовать португальский язык в образовании в качестве средства обучения начиная с начальной школы, без отрицательных последствий, характерных для франкоговорящих стран Африки, в которых французский язык не может играть роль национального языка из-за своего весьма ограниченного распространения.

5.2.4.1. Мозамбик: разрыв между официальной языковой политикой и реальностью

Самой многоязычной и плюрикультурной страной португалоговорящего мира на африканском континенте является Мозамбик, расположенный в юго-восточной части Африки на побережье Индийского океана и граничащий на суше с шестью англоговорящими государствами, что повлияло на вступление Мозамбика в Содружество Наций – организацию англофонных государств. Согласно 16-му изданию «Этнолога» население Мозамбика говорит на 53 языках, 43 из которых являются коренными [292]. При численности населения,

21397000 человек по данным переписи 2007 года, Мозамбик является также самой населённой португалоязычной страной в Африке. По своему языковому разнообразию Мозамбик занимает шестое место из более чем сорока африканских стран к югу от Сахары [293].

Основные этнические группы Мозамбика включают многочисленные подгруппы с различными языками, языковыми разновидностями и культурами. Более 98 % населения страны составляют народы языковой семьи банту, из которых самым многочисленным является народ макуа, живущий на севере страны. Другие многочисленные этнические группы включают народы сена и шона в долине Замбези, и тсонга в южном Мозамбике. Языковое и культурное разнообразие, кроме народов банту, представлено переселенцами из Индии, Пакистана, Китая и арабских государств. После провозглашения независимости число португальцев значительно сократилось в результате продолжительных военных действий, приведших к массовому бегству из страны европейцев.

Наиболее распространённым языком в Мозамбике является португальский. По данным Национального института статистики Португалии, 72,4 % в городских районах и до 40 % в сельских районах владеют португальским языком свободно, хотя он является родным для менее чем трёх процентов населения страны. Самыми распространёнными коренными языками Мозамбика являются макхува, язык этнической группы макуа, на котором говорят 24,8 % населения; сисена, язык народа сена (11,2%); чичанга, язык народа тсонга (11,2%) [294]. Из 53 языков на семи самых крупных говорят почти 80 % населения страны.

Единственным официальным языком Мозамбика является португальский. Статья 5 Конституции страны от 1990 года, принятой после 16-летней гражданской войны, гласила: «1. В Республике Мозамбик официальным языком является португальский. 2. Государство признаёт ценность национальных языков и способствует их развитию и возрастающей роли как языков, которые используются в повседневной жизни и в образовании граждан». В статье 6 среди фундаментальных целей Республики Мозамбик также названы «утверждение мозамбикского национального характера, его традиций и социальных и культурных ценностей». В пересмотренном тексте Конституции от 1990 года, опубликованном в 2004 году, национальным языкам посвящена специальная статья 9, которая озаглавлена

«Национальные языки»: «Государство ценит национальные языки как культурное и образовательное наследие и будет способствовать их развитию и расширению их использования как языков, передающих идентичность» [295]. Как следует из изменений, внесённых в текст статьи о национальных языках, новая формулировка объясняет значимость национальных языков для страны и их функциональную роль в обществе. В исправленной Конституции официальный статус португальского языка провозглашён в статье 10, а пункт статьи о фундаментальных целях (статья 11), наряду с национальными и культурными ценностями общества, называет более универсальные современные либеральные ценности: «...способствование обществу плюрализма, терпимости и культуры мира» [296].

Из Конституции Мозамбика, однако, не ясно, какие из 43 коренных языков Мозамбика провозглашены национальными языками страны. Кроме того, конституционное заявление о поддержке национальных языков ещё не означает, что заявленная языковая политика и реальная политика в отношении коренных языков согласуются друг с другом. Исследователь языковой политики Мозамбика Армандо Лопес в этой связи указывает на значительный разрыв между официальной политикой и языковой реальностью: «Статус языков банту по сравнению с португальским и усилия, которые предпринимаются для способствования использованию коренных языков в обществе, свидетельствуют о том, что мозамбикскому обществу ещё предстоит долгий путь» [297].

Колониальная администрация оставила после себя в Мозамбике одну из самых отсталых систем образования в мире с уровнем грамотности около 5 % [298]. По данным Доклада Программы Развития ООН за 2009 год, по уровню грамотности населения (38,7%) Мозамбик занимает 169-е место в мире, что отражает последствия колониальной политики в области образования и разрушительной гражданской войны. Низкий уровень развития школьного образования в Мозамбике отразился также на относительно меньшем распространении в стране португальского языка по сравнению с другой бывшей колонией Португалии – Анголой, где португальский язык является *de facto* национальным языком страны. Тем не менее португальский язык является языком обучения на всех уровнях образования, включая начальную школу. Исключение африканских языков из образования и недостаточная поддержка учащихся, для которых порту-

гальский язык является вторым языком, являются препятствием для многих африканцев в получении среднего и высшего образования, которое даётся только на португальском языке. Количество студентов в высших учебных заведениях Мозамбика, для которых португальский язык является родным, непропорционально велико по сравнению с общим населением страны [299].

Лидеры ФРЕЛИМО (Фронт Освобождения Мозамбика), революционной организации, учреждённой в 1962 году для борьбы против колониального господства, несмотря на решимость «разрушить мир колониального наследия до основания», рассматривали португальский язык не как «пережиток колониального прошлого», а как средство политического объединения страны. Вооружённая борьба Фронта освобождения сопровождалась массовым обучением португальскому языку с целью достижения грамотности на основе сети формальной системы образования, включающей начальные и средние школы, обучение учителей и подготовку учебников. Движение ФРЕЛИМО было организовано беженцами из Мозамбика в Танзании, и там же был создан Мозамбикский институт для получения дальнейшего образования для мозамбикцев, средством обучения в котором был также португальский язык [300]. Языковая политика Мозамбика в отношении португальского языка после окончания гражданской войны осталась неизменной. Недоступность высшего образования для большинства населения в стране делает португальский язык престижным и повышает его статус, но свидетельствует о том, что достижение одной из основных целей, изложенных в статье 11 (построение общества социальной справедливости и достижение материального и духовного благосостояния и качества жизни для всех его граждан) является трудноосуществимой задачей [301].

Английский язык не имеет статуса официального языка в Мозамбике, но тем не менее он считается «дополнительным языком», который обязателен к обучению в средней школе. Интерес к овладению английским языком объясняется тем, что в длительный период борьбы за независимость центр освободительной борьбы располагался в соседней англоговорящей Танзании, а после окончания гражданской войны Мозамбик предпринял шаги по вступлению в Содружество Наций для укрепления связей с соседними англоговорящими странами.

Таким образом, многоязычие в Мозамбике основывается на двуязычии: владении одним из коренных языков страны, являющимся родным для говорящего, и португальским, официальным языком, без знания которого полноправное участие в общественной жизни страны невозможно. В Мозамбике, как и в любой другой стране мира с необычайным языковым и культурным разнообразием, языковой репертуар отдельных жителей страны часто включает несколько коренных языков, а для образованной элиты – другие европейские языки, и прежде всего английский. Португальский язык как официальный используется во всех наиболее важных сферах жизни страны, включая государственное управление, образование, средства массовой информации, армию и полицию, суды, экономику и торговлю. Кроме того, португальский язык как самый распространённый в стране является средством межэтнического общения, и его использование в этой функции сдерживается только недостаточным охватом населения системой школьного образования. Коренные языки используются в функциях этнокультурной самоидентификации. При этом владение другим коренным языком более широкого распространения часто является необходимостью для участия в жизни общины. Несмотря на конституционную поддержку коренных языков как «национальных», их использование в общественной жизни страны недостаточно, особенно в системе образования, где включение местных языков в учебные программы, особенно в качестве средства обучения, имеет лишь форму отдельных проектов, финансируемых зарубежными благотворительными организациями. Недостаточность поддержки коренных языков, особенно языков с небольшим числом говорящих, угрожает языковому и культурному разнообразию страны.

5.2.4.2. Ангола: последствия языковой ассимиляции

Вторая по численности населения африканская страна (18498000 человек, по оценке 2009 года), являющаяся бывшей колонией Португалии, Ангола, расположена на западном побережье Африки и отделена от Мозамбика англоговорящей Замбией [302]. Как бывшая португальская колония Ангола имеет много общего с Мозамбиком с точки зрения их развития в колониальном и постколониальном периодах, включая глубокое проникновение португальского языка и культуры во все сферы жизни этих стран. Колониаль-

ная политика португальского диктатора Антониу Салазара привела к тому, что Ангола, как и Мозамбик, добилась независимости лишь в 1975 году в результате национально-освободительного движения. После провозглашения независимости Ангола, подобно Мозамбику, стала ареной кровопролитной гражданской войны, которая не закончилась, как в Мозамбике, после окончания «холодной войны», а продолжалась до 2002 года, когда противоборствующие стороны достигли соглашения о перемирии и политическом объединении страны в рамках многопартийного демократического государства. Вместе с тем последствия колониального завоевания в Анголе оказались более глубокими, чем в Мозамбике, ввиду того что завоевание Анголы произошло раньше, и колониальное правление в этой стране было более длительным, а степень его воздействия на захваченные территории более высокой. В результате Ангола подверглась большому влиянию португальского языка и культуры, которые привели к вытеснению местных языков и культур и относительно меньшему языковому и культурному разнообразию. По данным «Этнолога», число живых языков в Анголе составляет 41, причём все языки считаются коренными. По степени языкового разнообразия «Этнолог» помещает Анголу на двадцатое место среди стран Африки южнее Сахары, при коэффициенте языкового разнообразия, составляющем 0,813 [303].

Этнокультурное разнообразие Анголы представлено многочисленными народами банту, из которых выделяются три самые крупные этнические группы: овимбунду (37% населения страны), мбунду (25%) и баконго (13%). Около двух % населения составляют африкано-европейские мулаты. Численность белого населения, преимущественно ассимилировавшихся португальцев, сократилась в несколько раз после провозглашения независимости в результате массового исхода и не превышает одного процента [304].

Из сорока африканских языков народов банту «Этнолог» выделяет как самые крупные умбунду (язык народа овимбунду), кимбунду (язык народа мбунду) и киконго (язык народа баконго). Каждый из этих языков насчитывает свыше миллиона говорящих (на языке умбунду говорят свыше пяти млн человек) и представлен многочисленными диалектами, как, например, киконго, имеющий одиннадцать диалектов [305]. Большинство африканских языков не имеет стандартизированных форм и никогда не использовалось в образо-

вании, что отражает последствия языковой политики колониальной администрации, направленной на ассимиляцию местного населения.

Единственным официальным языком Анголы является португальский. Языковая политика португальской колониальной администрации была основана на использовании португальского языка на всех уровнях колониального управления и образования. При этом культивировалось пренебрежительное отношение к коренным языкам и не предпринималось никаких мер по их стандартизации и развитию с целью расширения сферы их использования. В результате длительного периода колониальной администрации португальский язык глубоко укоренился во многих странах, бывших колониях Португальской империи, где он с течением времени стал приобретать характер всеобщего национального языка. В Анголе по сравнению с Мозамбиком португальский язык получил ещё большее распространение из-за её относительной близости к бывшей метрополии, что обусловило более раннее начало колониального освоения страны.

Португальский язык значительно укрепил свои позиции в период борьбы против колониального господства как язык национально-освободительного движения всей страны. Основными центрами сосредоточения португальского языка и культуры к концу колониального периода стали городские районы, где португальский язык использовался как средство межъязыкового общения, как язык повседневного общения городских масс и даже как язык национального литературного творчества. Как отмечает Асела Лагуна (Asela Laguna) в своём исследовании глобального влияния португальского языка, лозунг ангольских повстанцев «Ангола – это один народ, одна нация» звучал на португальском языке. «Португальский язык стал языком мобилизации и политической агитации на обширных территориях Анголы среди различных этнокультурных и разноязычных групп». С приходом независимости, несмотря на попытки стандартизировать коренные языки и разработать для них алфавиты, португальский язык стал официальным во всех бывших колониях Португалии. Исходя из практических соображений португальский язык стал языком правительства, дипломатии, образования и коммерции. После того как Ангола стала независимой страной, португальский язык распространился настолько, что сейчас в городских районах Анголы почти все жители говорят на нём как на первом или втором языке [306]. Сильному распространению португальского языка по

всей территории Анголы, включая сельские районы, способствовала образовательная политика Народного движения за освобождение Анголы (MPLA), которая ещё в период освободительного движения создала сеть школ во всех районах, контролируемых повстанцами. После прихода к власти партия МПЛА ввела обязательное бесплатное восьмилетнее обучение, основной целью которого было достижение грамотности на португальском языке. Длительная гражданская война отрицательно повлияла на развитие школьного образования, но тем не менее по уровню грамотности населения (67,4%) Ангола уступает лишь только нескольким африканским государствам южнее Сахары, получившим независимость в 60–70-х годах XX века [307]. Точную степень распространения португальского языка в Анголе и численность говорящих на нём как на первом и втором языках, однако, не представляется возможным установить, так как правительство Анголы из-за военных действий и политической нестабильности не проводило переписи населения в течение более чем 30 лет. Последняя полная перепись населения проводилась активистами освободительного движения ещё в период колониального господства, в 1970 году, а частичная перепись была проведена в 1983 году [308].

Языковое наследие португальской колониальной администрации и длительная колониальная война с 1962 по 1975 год и ещё более длительная и разрушительная гражданская война с 1975 по 2002 год особенно отрицательно сказались на состоянии африканских языков. После провозглашения независимости в 1975 году правительством Анголы была предпринята реформа образования, которая, кроме основной цели достижения грамотности на португальском языке, предусматривала изучение коренных языков и их использование как средства обучения [309]. Однако определённые успехи в ликвидации безграмотности населения как часть деятельности национально-освободительного движения МПЛА привели к укреплению позиций португальского языка в ангольском обществе и к дальнейшему вытеснению коренных языков из сфер их традиционного применения. Исключение африканских языков из системы образования представляет угрозу языковому и культурному разнообразию Анголы, особенно в отношении этнических групп с малой численностью говорящих. Вытеснение португальским языком африканских языков из сферы повседневного общения, что особенно имеет место в город-

ских районах, приводит к их исчезновению и утрате языкового разнообразия страны.

Основным препятствием для введения африканских языков в систему образования с целью достижения грамотности на этих языках и их использования в качестве средств обучения является широко распространённое мнение о том, что двуязычие в образовательном процессе является препятствием в овладении официальным языком страны, высокие навыки владения которым необходимы для успешной карьеры. Прагматическое руководство большинства африканских стран в попытке достижения экономического процветания, научно-технического прогресса и национального объединения своих стран предпочитает продолжать языковую политику колониальной эпохи в отношении коренных языков. Наиболее перспективным выходом из создавшегося положения является теория и практика дву- и многоязычного обучения, внимание к которым было привлечено в начале 90-х годов XX века, когда процессы глобализации и стандартизации поставили под угрозу языковое и культурное разнообразие планеты. После принятия Европейским союзом языковой политики, направленной на создание многоязычного и плюрикультурного общества в Европе, исследования многоязычия, особенно в области многоязычного образования, значительно расширились и привели к осуществлению серии проектов, часть из которых была разработана для развивающихся стран Африки.

Начиная с 2009 года более миллиона ангольских школьников принимают участие в проекте, разработанном крупной образовательной компанией Великобритании Пиэрсон (Pearson), специализирующейся в разработке учебных материалов, образовательных технологий и систем оценки результатов обучения. Данный проект, в работе над которым приняли участие ангольские специалисты по школьному образованию и исследователи из южноафриканского Института языка и грамотности Молтено (Molteno Institute for Language and Literacy), делает возможным обучение на семи африканских языках Анголы с использованием специально подготовленных учебников и учебных материалов [310]. Проект является одним из первых шагов по использованию двуязычного подхода в обучении. В случае его успешного осуществления предусмотрено более широкомасштабное введение африканских языков в систему образования Анголы.

Таким образом, многоязычная ситуация в Анголе, аналогично ситуации в Мозамбике, основана на использовании португальского языка как единственного официального языка страны в наиболее важных сферах общественной жизни, включая государственное управление, образование и средства массовой информации. По сравнению с Мозамбиком, однако, португальский язык и португальская культура получили ещё большее распространение, что в условиях языковой политики исключения африканских языков из основных сфер общественной жизни, и особенно из образования, представляет собой опасность для сохранения языкового и культурного наследия Анголы. Функции африканских языков ограничены использованием их для этнокультурной самоидентификации. Роль языка всеобщей коммуникации разноязычных этнических групп играет португальский язык. Из-за относительно невысокого уровня грамотности в стране многие ангольцы, особенно в сельских районах, не владеют официальным языком в достаточной степени, чтобы полноправно участвовать в общественной жизни своей страны.

Глава 6

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ В СТРАНАХ АЗИИ

Азия представляет собой самый многоязычный и поликультурный континент на земном шаре. Согласно данным 16-го издания «Этнолога», народы Азии говорят на 2322 языках, что составляет 33,6 % от всего языкового наследия планеты [311]. В некоторых многоязычных обществах Азии число языков достигает от ста до семисот и выше. Так, например, общее число языков в Индонезии, включая языки иммигрантов, составляет 722, а в Индии – 445 [312].

6.1. Языковые проблемы многоязычного общества Индии

Наиболее интересным примером официальной политики многоязычия в Азии является Индия, страна, многомиллионное население которой говорит на сотнях языков и диалектов. Некоторые языки Индии имеют древнейшие литературные традиции. Так, литературная история санскрита составляет 3000 лет, а тамильского языка – 2000 лет.

Однако политика многоязычия в Индии приобрела иные формы, чем в Южно-Африканской Республике. После провозглашения независимости Индии в 1947 году индийское правительство, возглавляемое лидером партии Индийский национальный конгресс Махандасом Ганди, объявило одной из насущных задач построение однородного, сплочённого государства, в котором при общем равенстве всех граждан не должно быть разделения по расовому, культурному или языковому принципу. Ганди и вслед за ним Джавахарлал Неру принципиально возражали против какого-либо учёта региональных языков и культур при административном делении страны на штаты и территории. Официальным языком провозглашался хинди, один из наиболее распространённых языков Индии, на котором говорит третья часть населения. Английскому языку был предоставлен статус временного официального языка, действующего наряду с языком

хинди в период постепенного перехода всей страны на единый официальный язык. Как официальный хинди должен был стать языком общения между индийскими штатами и внутри самих штатов, и был предусмотрен план полностью заменить английский язык через 15 лет. Авторы этого плана считали, что данная языковая политика приведёт к тому, что хинди сможет выражать все аспекты «сложной культуры Индии».

Языковая политика, основанная на внедрении хинди в качестве единственного официального языка Индии, привела к языковым конфликтам, которые часто принимали форму беспорядков. В начале 50-х годов индийское правительство было вынуждено признать серьёзность проблемы языкового и этнического разнообразия страны. Было принято решение пересмотреть административное деление страны с целью учёта принципа разделения на штаты по языковому признаку. В 1956 году правительство реорганизовало штаты, сократив их число с 27 до 14; при этом за основу деления принимались самые крупные региональные языки Индии. Процесс административного деления по языковому признаку продолжался и далее. Первоначально в качестве национальных языков были признаны 15 региональных языков. Постепенно их количество было доведено до 18. В отличие от официального языка государственной администрации и общения между штатами и территориями, национальные языки в Индии являются местными языками и используются для выражения этнической и/или культурной принадлежности.

Распределение штатов по языковому признаку и предоставление 18 региональным языкам статуса национальных языков, на которых могло осуществляться местное самоуправление, оказалось недостаточным для устранения языковых конфликтов. В 1963 году истёк период, в течение которого английский язык мог использоваться в качестве официального наряду с хинди. Во многих штатах Индии превращение хинди в единственный официальный язык рассматривалось как ущемление политических и социальных прав всех тех, для кого этот язык не являлся родным. Повсеместное использование хинди в качестве центрального языка администрации, образования, культуры могло привести также к несправедливому предоставлению говорящим на этом языке как на родном специальных привилегий.

Протесты против отмены английского языка в качестве официального проходили наиболее ожесточённо на юге Индии, в штате

Тамил Наду, где в мае 1963 года имели место демонстрации, часто заканчивающиеся беспорядками. Правительство Индии вынуждено было пойти на уступки. Закон об официальных языках от 1963 года, пересмотренный в 1967 году, признаёт английский язык наряду с хинди (Official Languages Act of 1963, amended in 1967). Принятие Закона об официальных языках устранило причины, ведущие к языковым конфликтам, и привело к возможности осуществления в Индии более мирной и стабильной модели многоязычия. Новые проблемы функционирования многоязычия возникли при попытке реализации закона об обязательности обучения хинди как официальному языку во всех штатах и территориях страны. Противники повсеместного внедрения хинди во все уровни общения подчёркивали несправедливость распределения учебной нагрузки: учащиеся, для которых хинди не являлся родным языком, должны были учить три языка, то есть хинди, английский и свой родной язык, в то время как для тех, чей родной язык был хинди, было достаточно изучать только два официальных языка. С целью устранения этого недостатка правительство разработало так называемую формулу трёх языков (TLF, Three Language Formula), которая должна была устранить несправедливость распределения учебной нагрузки в школах Индии, способствовать процессу национальной интеграции и обеспечить более широкий выбор языков обучения в школьном учебном плане. Согласно формуле трёх языков в регионах, где хинди не является родным языком, в качестве обязательных в учебный план включаются региональный язык, хинди и английский. Говорящие на языке хинди должны, кроме своего родного языка и английского, изучать также и другой язык из национальных языков Индии. Трёхязычная модель, однако, сталкивается со значительными трудностями, так как её осуществление на практике повсеместно игнорируется: штаты с преобладающим языком хинди не придерживаются учебного плана и не настаивают на изучении третьего языка; соответственно, в южном штате Тамил Наду хинди был выведен из школьных программ [313].

Таким образом, многоязычие в Индии в настоящий момент имеет законодательную основу. Согласно Конституции Индии, кроме двух языков, являющихся официальными, в качестве национальных признаются 18 региональных языков [314]. Язык хинди считается основным официальным языком (*principle official language*); англий-

ский имеет статус ассоциированного официального языка. Региональные языки и санскрит также имеют статус официальных, хотя они и не используются на уровне государственного управления и отношений между отдельными штатами и территориями. Индивидуальное многоязычие в Индии включает родной язык, служащий средством этнокультурной идентификации, язык штата и один или оба официальных языка, без которых полноправное участие в общественной жизни страны невозможно. Языковой репертуар индийских граждан может отличаться в зависимости от социального статуса, образования, языкового опыта и от того, является ли их родной язык национальным или официальным языком. С ростом экономического и научного потенциала Индии происходит также рост влияния английского языка, который из элитарного переходит в разряд всеобщего языка за счёт распространения на такие области использования, как образование, средства массовой информации, национальная литература и даже сферы неформального общения [315].

6.2. Роль языковой и культурной политики в «экономическом и политическом чуде» Сингапура

Особый интерес с точки зрения решения вопросов по преодолению межъязыковых и межкультурных барьеров в многоязычном обществе представляет Сингапур, небольшое государство, расположенное на острове в Юго-Восточной Азии, которое лишь недавно встало на путь экономического, политического и культурного развития после провозглашения независимости в 1965 году. Сингапур не является одним из самых многоязычных обществ в мире: согласно данным «Этнолога», общее количество языков в этой стране составляет 31 при коэффициенте языкового разнообразия 0,773, что во многом уступает самой многоязычной стране Азии – Индии, коэффициент языкового разнообразия которой составляет 0,940 [316]. Однако ни одна страна в мире не может сравниться с Республикой Сингапур в успешном построении в сравнительно короткий период своего развития процветающего и гармоничного общества, которому удалось обуздать коррупцию и преступность, характерные для постколониального развития, и преодолеть межэтнические и межкультурные конфликты. За короткий период времени после провозглашения независимости Сингапур прошёл путь от одной из самых

бедных стран третьего мира, лишённой природных ресурсов и вынужденной ввозить даже воду и строительный песок из соседней Малайзии, в одну из самых экономически развитых стран мира, занимающую 4-е место в мире по величине валового внутреннего продукта на душу населения [317]. Не менее успешным оказался также и опыт Сингапура в сплочении многоязычного общества путём целенаправленной языковой политики, поддерживающей языки и культуры, но в то же время культивирующей достижение всеобщей грамотности в языке межэтнического общения.

Успех построения в Сингапуре процветающего многоязычного общества связывается с политикой Ли Куан Ю, направлявшего экономическое и политическое развитие страны на посту премьер-министра с 1959 по 1990 год и повлиявшего также и на государственную политику в сфере образования, языков и культуры. Вклад Ли Куан Ю в развитие Сингапура был признан и в самом Сингапуре, и за рубежом. Так, даже после ухода с поста премьер-министра в 1990 году он продолжал свою деятельность на посту старшего министра в правительстве, а в 2004 году он получил специально введённый для него пост «наставника премьер-министра», когда премьер-министром страны стал его сын Ли Сянь Лун. Книга мемуаров Ли Куан Ю «Сингапурская история: из «третьего мира» в первый» о сингапурском экономическом, политическом и культурном чуде стала всемирным бестселлером и была переведена на многие языки мира, включая русский [318].

Правительство Ли Куан Ю приступило к реконструкции Сингапура в весьма неблагоприятных условиях: небольшое государство с неразвитой экономикой, не имеющее собственных природных ресурсов, окружённое странами, настроенными крайне недружественно. Ещё большие опасения за мирное развитие страны вызывали межэтнические и межкультурные распри и отсутствие национального единства. Около 80 % населения страны составляли китайцы. Коренное население – малайцы – относились к попыткам китайских политиков повысить статус китайского языка и культуры в стране крайне отрицательно, что приводило к противостоянию, часто сопровождающемуся насилием. Не было единства и среди самого китайского населения, которое было разделено по языковому признаку в зависимости от диалекта китайского языка. В стране, раздираемой межэтническими и межкультурными распрями, царил коррупция и

организованная преступность. Всё это представляло благоприятную почву для деятельности экстремистских организаций маоистского толка, которые использовали для этого преобладающее китайское население страны.

Стратегия развития Сингапура, предусмотренная правительством Ли Куан Ю, заключалась в превращении Сингапура в финансовый и торговый центр Юго-Восточной Азии путём привлечения массовых инвестиций и заложения фундамента масштабной высокотехнологичной промышленности. Данные стратегические цели не могли быть достигнуты в коррумпированном обществе с высоким уровнем преступности и отсутствием политического единства из-за этнокультурных распрей. Первое, что было сделано правительством Ли Куан Ю, это принятие решительных мер по искоренению коррупции и преступности. В главе 12 (Борьба с коррупцией) второго тома своих мемуаров Ли Куан Ю пишет, что решимость правительства Партии народного действия (People's Action Party, PAP) бороться с коррупцией и блюсти моральную чистоту правительства была результатом изучения отрицательного опыта азиатских стран. «Борцы за свободу угнетённых народов стали грабителями их богатств, их государства приходили в упадок», – пишет Ли, говоря о «неспособности националистических азиатских лидеров жить в соответствии с провозглашёнными идеалами» [319]. Бескомпромиссная борьба с коррупцией и преступностью, сопровождавшаяся резким увеличением зарплаты судей и госслужащих, занимающих ответственные посты, принесла свои плоды. К концу XX столетия Сингапур был признан одной из наименее коррумпированных стран мира. По данным Института развития управления (The Institute of Management Development) за 1997 год, Сингапур стал наименее коррумпированной страной Азии, получив 9,18 балла по 10-балльной шкале, опередив при этом Гонконг, Японию и Тайвань [320].

В результате искоренения коррупции и преступности Сингапур стал государством с одним из самых низких уровней преступности в мире (Crime-free state), что было достигнуто не только жёстким подавлением триад (азиатских мафиозных группировок), но и соблюдением принципа нетерпимости к каким-либо, даже самым незначительным, правонарушениям (zero tolerance). Меры по борьбе с преступностью в Сингапуре оцениваются западной либеральной мыслью весьма отрицательно. Предпринимаются даже попытки высмеи-

вания «излишней строгости» сингапурского законодательства. Так, в 1994 году Ли Куан Ю была присуждена Антинобелевская премия (Ig Nobel Prize) по психологии за «исследования в течение 30 лет воздействия наказания на три миллиона граждан, даже если они лишь плевались, жевали резинку или кормили голубей» [321]. Несмотря на критику западных средств массовой информации, искоренение коррупции и преступности в Сингапуре способствовало созданию благоприятной среды не только для процветания экономики, но и для достижения межэтнического и межкультурного согласия и сотрудничества в многоязычной стране.

Языковая политика Сингапура, которая в немалой степени способствовала экономическому процветанию и политическому единству страны при одновременной поддержке языкового и культурного разнообразия, во многом отличается от некоторых других стран Азии, в частности от Индии, где политика постколониального правительства, направленная на «искоренение» английского языка и введение одного национального языка (хинди) в стране со свыше чем 400 языками, привела к распрям и массовым беспорядкам.

Сингапур имеет четыре официальных языка: малайский, китайский, тамильский и английский. Формально все четыре языка являются государственными. Параграф 53 шестого раздела Конституции Сингапура («Законодательство») провозглашает, что «все дебаты и дискуссии в Парламенте должны проводиться на малайском, английском, мандаринском (пекинском диалекте китайского языка) и тамильском» [322]. Однако языковая политика, неуклонно проводимая правительством Ли Куан Ю, распределила функциональные роли между языками таким образом, что фактически английский язык является первым языком (L1) всех сингапурских граждан. Из четырёх официальных языков английский язык используется как язык межэтнического и межкультурного общения и выполняет роль «рабочего языка» в работе органов управления на всех уровнях в экономике, торговле и в образовании, включая начальное и среднее образование. Малайский язык объявлен «национальным», что является данью традиции, так как исторически Сингапур был малайской провинцией, а перед провозглашением независимости в 1965 году Сингапур входил в Малайзию, официальным языком которой является малайский. Фактически лишь незначительное меньшинство населения Сингапура владеет малайским языком, что составляет, по по-

следним данным, 13,4 % от общего населения страны, оцениваемого на 2009 год как 4,99 миллиона человек [323]. Статус национального языка Сингапура отражается также на использовании малайского языка в девизе и гимне страны: “Majulah Singapura” (Вперёд, Сингапур). Тамильский язык был выбран в качестве одного из официальных языков Сингапура как язык индийского меньшинства страны, составляющего (по оценке на 2009 год) 9,2 % от общего населения страны. Китайский, малайский и тамильский языки поддерживаются путём использования их в системе образования в качестве предметов, изучаемых в зависимости от языка и культуры учащихся.

Таким образом, функции четырёх официальных языков Сингапура разграничены. Английский язык выполняет функцию общего государственного языка и используется в работе правительства, в сфере образования и науки, в экономике и торговле, в зарубежных связях. В функции английского языка также входит осуществление межъязыковой и межкультурной коммуникации в многоязычном обществе. Китайский, малайский и тамильский языки выполняют функции реализации этнокультурной идентификации и позволяют этническим группам сохранять и поддерживать своё языковое и культурное наследие. Наличие языка всеобщей коммуникации предотвращает негативные явления, связанные с самоизоляцией языковых и культурных групп.

Разделение функций официальных языков и целенаправленная политика правительства Сингапура привели к построению в Сингапуре многоязычного общества, в котором дву- и трёхязычие является нормой. Сингапурская многоязычная модель заставляет нас по-иному взглянуть на понятие родного, государственного, национального, официального, регионального и рабочего языков. Неоднозначным также является и мнение о необходимости поддержания всех разновидностей языков в многоязычных обществах и обязательном обучении на родном языке под предлогом защиты «языковых прав» всех народов без учёта языковой ситуации и особенностей развития данной страны. Так, в Сингапуре большинство населения составляют китайцы, но в течение длительного времени сингапурские китайцы были разъединены на общины в зависимости от пяти основных диалектов китайского языка: хоккиен, кантонский, хокчу, чаошаньский, хакса и хайнаньский. Всего в Китае семь основных диалектов,

которые фактически представляют собой отдельные языки, что значительно затрудняет языковую коммуникацию между носителями разных диалектов. При отсутствии общего языка в начале развития Республики Сингапур приходилось даже формировать армейские батальоны по принципу отдельного китайского диалекта. Для улучшения языковой коммуникации среди китайского населения правительство Ли Куан Ю стало проводить политику обучения всех китайцев только пекинскому диалекту, известному в Китае как гуаньхуа (официальная речь), а в англоязычном мире – как Mandarin Chinese (мандаринский китайский). В русском языке, для пекинского диалекта обычно используется термин «литературный китайский язык». В 1979 году правительство предприняло специальную кампанию «Говори на мандаринском» [324]. Потребовалось несколько десятилетий, прежде чем литературный китайский язык настолько прочно завоевал свои позиции, что стал использоваться китайским населением Сингапура в качестве средства этнокультурной идентификации, и стал вытеснять другие диалекты из средств массовой информации, китайской литературы и в ежедневном общении. В связи с ростом влияния английского языка в девяностые годы XX столетия и в начале XXI столетия, возник тренд ослабления позиций китайского языка в функции общего языка китайского населения. Всё больше китайских семей переходили на использование английского языка в домашних условиях. С целью восстановления позиций китайского литературного языка в 2009 году была предпринята новая кампания – «Говори на мандаринском». Ли Куан Ю лично обратился к сингапурским китайцам с просьбой чаще говорить дома на мандаринском китайском, чем на английском, для сохранения и поддержания китайского языкового и культурного наследия.

Языковая политика Республики Сингапур под руководством Ли Куан Ю сформировалась не сразу. Ли и большинство из его сторонников получили образование в английских университетах и осознавали свою оторванность от китайской культуры. «Мы чувствовали, что много потеряли, получив образование на неродном языке, но так и не восприняв ценностей британской культуры, которая была для нас чужой, – пишет Ли в своих мемуарах, – мы потерялись между двух культур, так и не восприняв полностью британской культуры и не познакомившись с азиатской культурой в ходе своего образования» [325]. Ли Куан Ю при формировании языковой политики учёл

опыт, который он приобрёл за годы получения образования и политической борьбы за независимость Сингапура. До приобретения независимости в Сингапуре не существовало единого языка. Колониальная администрация основала несколько школ с преподаванием на английском языке для подготовки кадров второстепенных чиновников в своей администрации. В то же время у каждой языковой общины были свои школы, в которых обучение велось на местных языках. При формировании правительства независимого Сингапура вначале было решено, что единым государственным языком будет малайский, что должно было подготовить условия для воссоединения с Малайей. Ли Куан Ю следующим образом объясняет причины перехода на английский язык в качестве рабочего языка и языка межнационального общения: «Являясь, по сути, международным сообществом торговцев, Сингапур не смог бы выжить, если бы его жители пользовались китайским, малайским или тамильским языками. Использование английского языка не давало преимуществ представителям ни одной национальности» [326].

Понимая, однако, необходимость осторожности в проведении радикальной языковой политики в условиях политической неустойчивости, взаимного недоверия и подозрительности среди разноязычных общин Сингапура, правительство Ли Куан Ю предпочло постепенный переход к общему языку, сохранив в Сингапуре четыре официальных языка, включая языки трёх основных этнокультурных групп населения: малайского, китайского и тамильского. В стране повсеместно стали вводить английский язык в виде обязательного языкового обучения в китайских, малайских и тамильских школах. В то же время в английских школах было введено преподавание трёх родных языков, являющихся официальными языками Сингапура.

По мере роста популярности англоязычного образования правительству Ли Куан Ю пришлось выдержать значительное давление со стороны отдельных китайских групп, борющихся за придание китайскому языку более высокого статуса и против широкого использования английского языка в образовании на всех уровнях. Правительству удалось прекратить зарождающееся движение за расширение сферы использования китайского языка, во главе которого стала Китайская коммерческая палата, после выхода Сингапура из Малайзии, когда решался вопрос о будущем языковой политики в области образования. Ли вновь заявил о том, что все четыре главных языка

Сингапура являются равноправными и официальными. Он также встретился с представителями всех четырёх коммерческих палат на телевидении и не оставил у китайских представителей никаких сомнений, что он не позволит «эксплуатировать вопрос о статусе китайского языка в политических целях» [327].

Оппозиция продолжалась со стороны профсоюзов китайских учителей, комитетов по управлению китайскими школами, владельцев, редакторов и журналистов китайских газет, лидеров общин и Китайской коммерческой палаты. Правительство прибегало к решительным мерам, когда действия оппозиционеров принимали формы демонстраций, которые заканчивались схватками с полицией, как, например, в октябре 1966 года, когда Ли Куан Ю участвовал в открытии новой библиотеки в университете Наньян. Среди мер правительства по обузданию действий оппозиции против английского языка как языка межэтнического общения были аресты в конце 1970 года глав администрации крупной китайской газеты «Наньян сиан пау» (Nanyang Siang Pau) и предъявление им обвинений «в пропаганде коммунизма и разжигании шовинистических настроений по поводу китайского языка и культуры».

Оппозиции не удалось убедить китайское население страны голосовать против правящей партии на всеобщих выборах 1976 года, обвиняя при этом правительство в уничтожении китайского образования, что может привести к утрате китайцами своей культурной самобытности. Китайское большинство сингапурского электората не поддержало оппозицию, несмотря на опасения некоторой части китайской общины, что китайская молодёжь может утратить своё языковое и культурное наследие.

Проводя политику превращения английского языка в язык межэтнического общения, правительство Ли Куан Ю осознавало опасности, связанные с потерей этнокультурной идентификации в результате длительного контакта с другим языком и культурой.

Во время борьбы за независимость и в первый период после провозглашения независимости наиболее успешно развивалось школьное и высшее образование на китайском языке. В 1956 году был открыт университет Наньян, который стал символом китайского языка, культуры и образования. По словам Ли Куан Ю, лучшими чертами китайского образования были воспитание у учащихся и студентов «преданности общественным и политическим идеалам». Учащиеся

китайских школ отличались своим «динамизмом и жизненной силой». Ли был также «встревожен апатией, самовлюблённостью и отсутствием уверенности в себе у студентов, получивших образование на английском языке». Однако Ли Куан Ю стремился избежать разделения страны по языковому и культурному принципу и превращения Сингапура в арену языковых и культурных распрей. «В нашем многонациональном и разноязыком обществе, – написал Ли в своих мемуарах, – английский язык был единственным нейтральным языком, не говоря уже о том, что этот язык помог бы нашему обществу с внешним миром» [328].

Языковая политика Ли Куан Ю, заключающаяся во введении повсеместного обучения в школах на английском языке и поддержке основных языков Сингапура путём включения их в учебные программы в виде отдельных предметов и в качестве средства обучения при преподавании предметов, связанных с историей и культурой, вскоре стала приносить свои плоды. Во второй половине 70-х годов стал вопрос о переводе обучения в Университете Наньян на английский язык. Данный перевод был оправдан, так как всё больше выпускников школ получали англоязычное образование и поступали в англоязычный Университет Сингапура. Кроме того, выпускники китайского университета имели большие проблемы с трудоустройством. Задача превращения китайского университета в англоязычный университет была успешно решена путём постепенного слияния Наньянского университета с англоязычным университетом начиная с 1978 года и образования на основе этого слияния Национального университета Сингапура.

Процесс перехода системы образования Сингапура на обучение на английском языке ускорился после слияния университетов и перевода всего школьного образования на английский язык. Для того чтобы сохранить то хорошее, что было в китайских школах, школьное образование переходило на двуязычие. Так, в китайских школах китайский язык продолжал использоваться как второй язык преподавания. Среди ценностей, которые Ли Куан Ю видел в китайских школах и которые новые двуязычные школы должны были прививать своим учащимся, он называл «дисциплину, уверенность в себе». Перед двуязычным школьным образованием Сингапура была поставлена задача обеспечить овладение учащимися английским языком как своим первым языком и в то же время не допустить эрозии

традиционных моральных ценностей и их замены ценностями либерального западного «общества потребления» [329]. Для поддержки ценностей традиционного китайского образования правительство Ли Куан Ю решило сохранить в рамках Специального плана помощи (Special Assistance Plan) 9 лучших китайских школ, в которые принимались 10 % лучших учеников по результатам экзаменов, сдаваемых по окончании начальной школы. В этих школах преподавание основных предметов ведётся на английском языке, но количество часов преподавания китайского языка – такое же, как в школах, где китайский язык является основным языком обучения.

Таким образом, многоязычие в Сингапуре представляет собой результат языковой политики сингапурского правительства, направленной на разделение функций четырёх официальных языков: английского, китайского, малайского и тамильского. Английский язык в результате неуклонной политики двуязычия в образовании и придания ему статуса первого языка на всех уровнях обучения выполняет функцию всеобщего языка межэтнического и межкультурного общения и в то же время облегчает интеграцию Сингапура в мировую экономику. Китайский, малайский и тамильский языки выполняют функции этнокультурной самоидентификации в многоязычном обществе Сингапура. Поддержка и сохранение данных языков в образовании, в средствах массовой информации и на уровне общения в соответствующей языковой и культурной среде позволяют жителям Сингапура лучше знать свою культуру, соотносить себя со своими этническими корнями и сохранять культурные ценности своих народов. Знание своих родных языков и культуры обеспечивается требованиями достижения определённого уровня владения родным языком как обязательного условия при приёме в средние школы и при поступлении в местные университеты. Оценка знаний родного языка также включается в аттестаты зрелости всех трёх уровней (General Certificate of Education, GCE, Levels “N”, “O”, “A” – Normal, Ordinary, Advanced) на основе соответствующих обязательных экзаменов.

6.3. Шри-Ланка: последствия отказа от языкового и культурного плюрализма

Наглядным примером опасностей, связанных с недостаточным учётом проблем межъязыкового и межкультурного общения в мно-

гоязычном обществе из-за политических амбиций и пренебрежения к языковым и культурным правам меньшинств, является история развития Шри-Ланки после провозглашения независимости от Великобритании в 1948 году. Из-за своей природной красоты и необыкновенного богатства исторических памятников культуры Шри-Ланка, расположенная на одноимённом острове у юго-восточного побережья Индостана, заслуживает популярного названия, широко используемого в рекламе туристических агентств, – «жемчужина Индийского океана» [330]. Золотистые пляжи, кристально чистая вода цвета сапфира, пышная тропическая растительность и древние монументы дают возможность превращения этой страны в подлинный рай для туристов. Географически, в этой небольшой стране, шириной только в 405 километров, расположилось семь достопримечательностей, провозглашённых ЮНЕСКО памятниками мирового наследия. Благоприятные условия для возделывания тропических культур, прежде всего чая, натурального каучука и корицы, и высокий потенциал для развития туризма могли бы сделать Шри-Ланку процветающей страной Южной Азии. Вместо этого гражданская война, спровоцированная политическими действиями, отвергающими языковой и культурный плюрализм, и продолжительная напряжённость отпугивают инвесторов и туристов. Одна из самых кровопролитных войн в Южной Азии длилась в течение более чем 25 лет и привела к гибели свыше 90 000 человек, более половины которых представители мирного населения [331]. В ходе военного конфликта сотни тысяч беженцев были вынуждены спасаться за пределами страны, в лагерях для перемещённых лиц правительство насильно удерживало 300 000 человек [332].

Между тем военный конфликт в Шри-Ланке, как пишет газета Сандэй Трибьюн, имеет в своей основе «языковой вопрос»: должен ли язык этнического большинства страны, сингала, быть единственным официальным языком страны и может ли тамильский язык иметь статус официального языка [333].

Шри-Ланка – многоязычная и поликультурная страна. По данным «Этнолога», в данной стране с населением в 20 млн человек имеется семь местных языков, не считая английского [334]. При этом этническое большинство, сингалы, составляют до 75 % населения страны. Самой крупной группой из языковых меньшинств является население тамиллов. Коренное население тамиллов сосредоточено на

севере и северо-востоке страны. Так называемые индийские тамилы – потомки тамиллов, привезённых британской колониальной администрацией в XIX веке для работы на чайных плантациях – проживают в центральных провинциях. В общем, тамильское население Шри-Ланки составляет в среднем 18,5 %.

Во время колониального правления на Цейлоне (название острова Шри-Ланка, данное британскими завоевателями) сложилась языковая ситуация, при которой роль языка всеобщей языковой коммуникации выполнял английский язык. Местные языки, включая сингальский и тамильский, выполняли функции языков, используемых для этнокультурных коммуникаций. При этом ни один из местных языков не имел каких-либо преимуществ по сравнению с другими. Местные языки использовались на начальном этапе школьного обучения. Среднее и высшее образование осуществлялось на английском языке. В первые годы после провозглашения независимости Шри-Ланки в 1948 году проблема национальных языков и культур в период постколониального развития оставалась неразрешённой, несмотря на планы сингальских лидеров этнического большинства страны во время борьбы за независимость придать сингальскому языку статус основного государственного языка. Относительный мир в межэтнических отношениях этого периода объясняется тем, что Объединённая национальная партия (United National Party) не имела достаточной поддержки среди сингальского населения и была вынуждена формировать коалиционные правительства с участием тамильских лидеров. Однако с приходом в 1953 году к власти сингальского лидера Джона Котелавалы (John Kotelawala) отношения между этнокультурными группами страны стали ухудшаться. В 1956 году лидер новой Партии Свободы (Sri Lanka Freedom Party) Соломон Бандаранаике победил на выборах и стал премьер-министром. Избирательная платформа его партии включала провозглашение сингальского языка государственным, а буддизм – национальной религией. Соломон Бандаранаике был сингалом, родившимся в христианской семье и получившим образование на английском языке. Он решил вернуться к своим корням и принял буддизм, а также стал поборником сингальского языка. Ли Куан Ю, известный лидер Юго-Восточной Азии, языковая и культурная политика которого в немалой степени способствовала превращению Сингапура в процветающее, многоязычное государство, назвал приход к вла-

сти Соломона Бандаранаике «началом упадка Цейлона», подчёркивая при этом значение для многоязычной страны разрешения этнокультурных конфликтов [335]. В главе 25 своих мемуаров, «Лидеры и легенды Южной Азии», Ли Куан Ю пишет о том, что остров Цейлон был образцовым государством Британского Содружества Наций. Население имело относительно высокий уровень образования, в стране было два известных университета – в Коломбо и в Канди, где преподавание велось на английском языке. После получения независимости Цейлон стал классической моделью постепенного перехода к независимости. Однако «демократическая система, построенная по принципу «один человек – один голос», не решила проблемы межэтнических отношений, которая была главной» [336].

В 1956 году правительство Шри-Ланки ввело в действие Закон об официальном языке (Official Language Act), который был воспринят тамильским меньшинством и другими меньшинствами как дискриминационный [337]. До введения в действие Закона об официальном языке тамильское население вело себя в основном лояльно по отношению к правительству, возглавляемому сингальским большинством, и тамильская Федеральная партия (The Federal Party), выступавшая за тамильскую автономию, не получала достаточной поддержки. После 1956 года Федеральная партия стала доминирующей в тамильских избирательных округах. Федеральная партия не поддерживала сепаратизм, а выступала за значительную автономию районов страны, где проживало тамильское население, а также требовала равноправия тамиллов и сингалов, включая признание двух официальных языков (тамильского и сингальского) [338]. Попытки Федеральной партии решить проблемы, связанные с защитой языковых и культурных прав тамиллов путём сотрудничества с центральным правительством ни к чему не привели. Пакты от 1957 и 1965 годов, гарантировавшие тамилам равные права, были подписаны, но не соблюдались, что привело к ещё большему разочарованию среди тамиллов и к росту националистических настроений [339]. Дискриминация тамиллов продолжалась и после смерти Соломона Бандаранаике, когда во главе партии стала его вдова, Сиримава Бандаранаике. При этом дискриминационные меры не ограничивались отрицанием языковых и культурных прав, но включали меры по ограничению тамиллов в университетах и при предоставлении рабочих мест в общественном секторе. Политическое движение среди тамил-

лов всё более склонялось к сепаратизму [340]. В этот период были ещё возможности предотвратить назревающий конфликт на почве языковой и культурной политики центрального правительства, но глубоко укоренившийся сингальский шовинизм препятствовал изменению дискриминационной политики. В 1972 году правительство Сиримаво Бандаранаике провозгласило Цейлон, который после обретения независимости в 1948 году получил статус доминиона в Британском Содружестве Наций, Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка. Конституция 1972 года не предоставляла меньшинствам каких-либо гарантий защиты их языковых и культурных прав.

В 1975 году все тамильские партии слились в Тамильский единый фронт освобождения (Tamil United Liberation Front, TULF). В первой национальной конвенции новой тамильской политической организации было заявлено, что сингальское правительство лишило тамильскую нацию её территории, языка, гражданства, экономической жизни, возможностей в образовании и при найме на работу и уничтожило, таким образом, все атрибуты «тамильского национального существования». Резолюция призывала к установлению «свободного, суверенного, светского социалистического государства ТАМИЛ-ИЛАМ» [341].

Тамильский единый фронт освобождения участвовал в выборах 1977 года на основе платформы тамильского сепаратизма и стал крупнейшей оппозицией в парламенте. Тамильский фронт всё ещё надеялся на мирное решение тамильско-сингальского конфликта парламентским путём. В 1978 году правительство Шри-Ланки опубликовало новую Конституцию, которая фактически узаконила верховенство сингальского языка и буддизма в качестве национальной религии, хотя и заявляла о свободе религии. Глава IV Конституции была посвящена национальным языкам, пункт 1 параграфа 18 гласил: «Официальным языком Шри-Ланки является сингальский язык». Пункт 2 допускал тамильский язык в качестве официального: «Тамильский язык тоже является официальным языком». Пункт 3 гласил: «Английский язык является связующим языком» [342]. Провозглашение буддизма национальной религией Шри-Ланки в стране, где, кроме буддистов, до этого мирно сосуществовали индуизм (религия тамилы), ислам и христианство, наряду с отведением тамильскому языку статуса второго официального языка усилили позиции в

Тамильском едином фронте освобождения экстремистских сил, готовых к военному решению вопроса и отказу от парламентского пути. На севере и востоке Шри-Ланки активизировались группы боевиков, чья деятельность не контролировалась тамильским руководством. Наиболее известная из этих групп в 1976 году приняла название «Тигры освобождения Тамил-Илама» (Liberation Tigers of Tamil Eelam, ЛТТИ). Вначале действия Тамильских тигров сводились к нападениям на полицейских и на умеренных тамильских лидеров. Поддержка экстремистов среди тамильского населения росла по мере усугубления этнокультурного конфликта, приводящего к погромам тамильского населения в сингальских районах [343].

В 1983 году правительство Шри-Ланки приняло Шестую поправку к Конституции, которая запрещала агитацию за установление независимого государства и требовала от тамильских членов парламента и тамиллов, занимающих государственные должности, принести клятву лояльности унитарному государству Шри-Ланка. Принятие Шестой поправки отражало непримиримость позиции центрального правительства в тамильско-сингальском этнокультурном противостоянии. Партия тамиллов-сепаратистов была изгнана из парламента, так как её представители отказались принять клятву лояльности.

Началом гражданской войны в Шри-Ланке считается атака Тамильских тигров в июле 1983 года на армейское подразделение на севере страны, в результате которого погибли 13 солдат. Нападение Тамильских тигров спровоцировало серию погромов тамильского населения в столице Шри-Ланки Коломбо, в результате которых погибли сотни тамиллов, а многие из тамиллов были вынуждены спастись бегством.

Война между непризнанным государством Тамил-Илама в районах, контролируемых повстанцами, и правительственными войсками закончилась полным поражением тамиллов 18 мая 2009 года после продолжительного кровопролитного конфликта, длившегося более 25 лет, когда были захвачены последние тамильские укрепления. Тигры освобождения Тамил-Илама были признаны в ходе войны террористической организацией правительствами США, Индии, Австралии и Канады. Победа правительственных войск не означает, однако, что проблемы этнокультурного противостояния в Шри-Ланке были разрешены. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая на пресс-конференции в Женеве 19 мая 2009 года, выразил

обеспокоенность в связи с гибелью большого числа гражданских лиц во время военного конфликта и заявил о том, что «чаяния тамильского народа и других меньшинств должны быть полностью приняты во внимание» [344]. Обращения к правительству Шри-Ланки с призывами приступить к поискам долгосрочного политического решения этнокультурных разногласий прозвучали также из уст руководителей многих государств и межправительственных организаций. Европейский Совет Европейского союза на встрече 18 мая 2009 года в Брюсселе потребовал от правительства Шри-Ланки срочно начать «процесс, ведущий к политическому решению с учётом интересов всех сторон, основанному на согласии, равенстве и верховенстве закона» [345]. Ни в одном из официальных заявлений не содержалось оценки дискриминационной политики сингалского большинства в правительстве Шри-Ланки, которая привела к тому, что усилия тамильских лидеров по защите языковых и культурных прав тамилгов мирным путём были отвергнуты, и инициатива была захвачена экстремистами из группы Тигров освобождения Тамил-Илама.

В то же время некоторые представители мировой общественности открыто осудили правящую партию Шри-Ланки за развязывание кровопролитной гражданской войны на почве этнокультурных разногласий. Всемирно известный лингвист и политический деятель профессор Ноам Чомски (известный в России как Хомский) назвал то, что произошло в Шри-Ланке, «крупным зверством, подобным геноциду в Руанде». Он указал на то, что конфликт продолжался в течение многих лет – более двух десятилетий. «Многое можно было бы сделать для предотвращения конфликта, но западные страны не проявили интереса» [346].

В ходе войны правительство Шри-Ланки предприняло ряд запоздалых мер по исправлению законодательства с целью разрядки напряжённости и разрешения этнокультурного конфликта на конституционной основе, но тамильское руководство уже находилось в руках радикальной оппозиции, требующей предоставления тамилам полной независимости. Так, 13-я поправка к Конституции от 14 ноября 1987 года объявляла тамильский язык официальным, а английский язык – связующим. 16-я поправка от 17 декабря 1988 года фактически приравнивала тамильский и сингалский языки как языки государственного управления, объявив оба этих языка «языками госу-

дарственного управления и законодательства». Обе поправки были включены в Конституцию Шри-Ланки 2000 года, которая включала текст Конституции 1978 года с пакетом из 16 поправок.

Военное поражение тамилы и прекращение существования их непризнанного государства Тамил-Илама не решает языковых и культурных проблем многоязычного государства Шри-Ланка. Даже конституционные поправки и опубликование нового проекта Конституции от 2004 года, в котором сингальский и тамильский языки объявляются равными и английскому языку возвращается его статус общего языка нации, не приведут к стабильному языковому равновесию, если останутся формальностью и не будут выполняться на практике. Отказ от английского языка как официального и попытки сделать сингальский язык государственным дорого стоили Шри-Ланке и спровоцировали этнокультурное противостояние, которое привело к гражданской войне. В своих мемуарах Ли Куан Ю пишет о «трагедии превращения сингальского языка в государственный язык». Его поражало, что сингальские лидеры не осознавали, что в результате провозглашения сингальского языка государственным «тамилы, жившие на полуострове Джафна, и другие национальные меньшинства окажутся в худшем положении» [347].

Таким образом, потеря английским языком статуса официально-го в Шри-Ланке в результате введения в действие в 1956 году Закона о сингальском языке как единственном государственном языке привела к дестабилизации языкового равновесия и этнокультурному конфликту, закончившемуся гражданской войной. До 1956 года английский язык, будучи официальным, выполнял также важную функцию общего языка страны. Английский язык, не являясь местным языком, не давал преимуществ каким-либо местным этнокультурным группам и, кроме выполнения функции языка межэтнического общения, открывал жителям Шри-Ланки доступ к общению с другими народами и давал возможность ознакомления с мировыми достижениями культуры, науки и экономики. Сингальский язык не мог выполнять функции единого государственного языка, а отрицание статуса равного официальному языку для тамильского языка воспринималось тамильским населением как нарушение их языковых и культурных прав.

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОКЕАНИИ: САМЫЕ МНОГОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩЕСТВА В МИРЕ

Наиболее интересным географическим регионом мира с точки зрения многоязычия является Океания, состоящая из сотен небольших островов и атоллов в центральной и западной частях Тихого океана. Впервые название как Океания было использовано французским мореплавателем и исследователем Жюлем Дюмон-Дюрвилем (Jules Dumont d'Urville) в 1831 году в период раздела островов Океании между колониальными державами. Границы Океании в настоящее время определяются по-разному в зависимости от источника, однако при разделении всей суши на части света Океания обычно объединяется с Австралией в единую часть света, Австралия и Океания [348], или рассматривается как самостоятельная часть света при описании Австралии как отдельного материка [349].

Изучение и описание языкового разнообразия мира началось сравнительно недавно, начиная с первых публикаций международного лингвистического центра SIL International (20), и первоначально внимание исследователей было обращено в основном на многоязычие Северной и Южной Америки, Африки и Азии. Однако, несмотря на то, что по численности населения Океания, включая Австралию и Новую Зеландию, находится на шестом месте среди других частей света и составляет не более одного процента от общего народонаселения планеты, по количеству языков Океания является одним из самых многоязычных регионов и уступает лишь Азии и Африке. По данным каталога языков мира «Этнолог», число языков этого региона составляет 1250 из общего числа языков мира около 7000 [350]. Более того, центр языкового разнообразия планеты находится именно в Океании. Небольшое островное государство Папуа-Новая Гвинея при численности населения около 6,5 млн, по данным «Этнолога», имеет 830 языков, что составляет 12 % всего языкового наследия планеты [351]. Согласно индексу языкового разнообразия, используемому «Этнологом» и подсчитываемому как вероятность

того, что любые два человека в данной стране, взятые произвольно, будут иметь разные родные языки, Папуа-Новая Гвинея является самой многоязычной страной мира при индексе языкового разнообразия 0,990 [352]. Две другие многоязычные страны Океании, Вануату и Соломоновы острова, занимают в списке стран, составленном в зависимости от уровня многоязычия, второе и третье места, при коэффициентах языкового разнообразия соответственно 0,974 и 0,967. Для сравнения: коэффициент языкового разнообразия самой многоязычной страны Азии – Индии – при числе языков 438, согласно «Этнологу», составляет 0,940, так как население Индии превышает один миллиард человек.

Чрезвычайное языковое разнообразие островных государств Океании предоставляет в распоряжение учёных богатейший исследовательский материал. Такие многоязычные государства, как Папуа-Новая Гвинея, Вануату и Соломоновы острова, являются естественной природной лабораторией для изучения языковых явлений и для поиска ответов на многочисленные вопросы, связанные с теоретической лингвистикой, и прежде всего о соотношении между языком и диалектами языка, о зарождении новых языков (на примере креольских языков), развитии, вымирании и исчезновении языков. Но наиболее интересными вопросами, на которые можно найти ответы, изучая языковое разнообразие Океании, являются вопросы межъязыковой коммуникации в условиях, сравнимых с вавилонским столпотворением.

Географически и этнологически острова Океании подразделяются на Меланезию, Микронезию и Полинезию, из которых самой многоязычной частью является Меланезия, включающая, кроме Папуа-Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Вануату, три других государства – Фиджи, Новую Каледонию и часть Индонезии, входящую в Океанию. Название субрегиона «Меланезия» (с греческого «острова чернокожих людей») было впервые использовано Дюмон-Дюрвилем в 1832 году для описания островов Океании, отличающихся в этническом и политическом отношениях от Полинезии и Микронезии. Первые обитатели Меланезии предположительно были выходцами из Юго-Восточной Азии, приплывшими на каноэ примерно 30–50 тыс. лет назад [353]. Меланезийские языки насчитывают свыше 400 австронезийских языков и свыше 800 папуасских языков. Языковая дробность меланезийских языков настолько вели-

ка, что люди из соседних деревень могут друг друга не понимать. Папуасские языки, несмотря на близость антропологических типов меланезийцев и папуасов, отличаются от меланезийских языков. Данный термин не предполагает генетического родства папуасских языков, а указывает лишь на языки западной части Тихого океана, которые не являются ни австронезийскими, ни австралийскими. Большинство папуасских языков используется на острове Новая Гвинея, представляющем собой наиболее разнообразный в языковом отношении регион мира. Необычайное разнообразие языков данного ареала объясняется многочисленными миграциями населения в период от 20–30 тысяч лет назад до первого тысячелетия до нашей эры [354].

7.1. Центр языкового и культурного разнообразия мира: Папуа-Новая Гвинея

Самая многоязычная страна Меланезии как субрегиона Океании, так и всего мира Папуа-Новая Гвинея (официальное название – Независимое государство Папуа-Новая Гвинея) занимает восточную часть острова Новая Гвинея и ряд небольших островов и является одним из наименее исследованных регионов мира с точки зрения биологического, культурного и языкового разнообразия. То, что в отличие от других регионов планеты большое разнообразие языков, культур и биологических видов сохранилось в Папуа-Новой Гвинее до нашего времени, объясняется среди прочего тем, что её население до начала европейской колонизации в конце XIX столетия жило в условиях каменного века, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. В период господства колониальных держав (Великобритании и Германии), а затем под управлением Австралии население этой страны продолжало жить в традиционных обществах и заниматься натуральным хозяйством. Даже после провозглашения независимости в 1975 году Папуа-Новая Гвинея не пошла по пути современного экономического развития, часто сопровождающегося уничтожением лесов и утратой биологического и языкового разнообразия. Согласно Конституции ПНГ «традиционные деревни и общины необходимо поддерживать и сохранять, как жизнеспособные ячейки общества» (355). В соответствии с Конституцией был разработан ряд законов, закрепляющих неотъемлемое право владения

землѣй за коренными народами. Безусловным правом собственности на землю (Freehold Title) могут обладать только граждане Папуа-Новой Гвинеи [356].

Демографически Папуа-Новая Гвинея представляет собой одну из самых разнородных стран мира, в которой, кроме нескольких сотен этнических групп коренного населения, часть из которых даже в наше время продолжают жить в изоляции от внешнего мира, постоянно проживают также и выходцы из других частей света, включая китайцев, европейцев, австралийцев, филиппинцев, полинезийцев и микронезийцев. При общем количестве языков, без учета языков иммигрантов, свыше 800 языковая коммуникация в данной стране осуществляется на основе распространѣнного индивидуального многоязычия и возникновения так называемых торговых языков (*lingua franca*). С приходом европейцев и установлением колониального господства в течение длительного времени в администрации, торговле и образовании английский язык использовался. Ещё задолго до обретения независимости в результате близкого контакта коренного населения с англоязычной администрацией в Папуа-Новой Гвинее возник пиджин, лексика которого содержала свыше 90 % слов английского языка. История колонизации знает немало пиджин-языков, которые использовались как средство межэтнического общения среди разноязычного населения Юго-Восточной Азии, Океании, Африки и других регионов. После провозглашения независимости пиджины, как правило, выходили из употребления и заменялись другими языками, включая языки бывших колониальных держав. В ходе исторического развития в Папуа-Новой Гвинее и ряде других стран Океании пиджины подверглись креолизации, то есть приобрели статус языков, использующихся не только в качестве упрощѣнного общения между людьми, говорящими на разных языках, но языков, которые являются родными для части населения, не теряя при этом свою способность служить средством общения разноязычных людей данного общества [357]. Процесс преобразования пиджинов в креольские языки, называемый «нативизацией», привѣл к возникновению множества креольских языков, отдельные из которых в результате политических изменений в мире приобрели даже статус официальных языков и являются объектом изучения лингвистов. Каталог языков мира «Этнолог» выделяет креольские языки в отдельную языковую семью, насчитывающую 77 языков, которые

являются родными для более чем 25 млн человек [358]. В Папуа-Новой Гвинее новогвинейский пиджин стал после провозглашения независимости одним из трёх официальных языков наряду с английским языком и хири-моту, упрощённым вариантом одного из языков Новой Гвинее – моту, традиционно используемого на острове в качестве языка межэтнического общения.

Из трёх официальных языков английский является языком правительства, дипломатии и образования. Наиболее важную роль в межэтнической коммуникации в Папуа-Новой Гвинее играет ток писин, новогвинейский пиджин, подвергшийся креолизации и провозглашённый официальным языком. В настоящее время ток писин является родным для более чем одного миллиона человек и используется в качестве общего языка большинством населения страны. Ток писин широко используется не только в районах традиционного сельского хозяйства, но и в городских условиях, так как английский язык всё ещё является достоянием элиты и на нём говорят не более 2 % населения страны. Использование ток писина разрешено даже в парламентских дебатах, хотя все государственные документы публикуются на английском языке. Обучение в школе начинается также на ток писине, но со второго класса начальной школы осуществляется переход к обучению на английском языке. Согласно Конституции Папуа-Новой Гвинее грамотность на ток писине и хири моту должна поддерживаться государством (Преамбула Конституции, раздел 2 (11)), и умение говорить на ток писине и хири моту являются требованиями к получению гражданства (Раздел 67 2(с) и 68 2(h)). В настоящее время третий официальный язык, хири моту, теряет свои позиции как язык межэтнического общения и вытесняется английским языком и ток писином.

Широкое распространение ток писина в Папуа-Новой Гвинее, признание его как официального языка и использование в системе образования привлекает к этому креольскому языку внимание учёных-исследователей. Не вызывает сомнений преобладающий лексический состав языка на основе английского, несмотря на то что ток писин складывался в период, когда часть страны находилась под управлением Германской империи. Что касается синтаксиса, единой точки зрения на происхождение синтаксических форм в ток писине не существует, хотя наиболее признанной является теория о заимствовании синтаксиса из языков местных народов [359].

В развитии ток писина согласно исследованию Хорета Тодда, специалиста по языкам пиджинам и креольским языкам, наблюдается четыре фазы: 1) эпизодические контакты между англоговорящими и местным населением приводят к появлению маргинального пиджина; 2) писин инглиш (Pisin English) используется для коммуникации местного населения; 3) с увеличением контактов между англоговорящими происходит рост *pisin*-словаря за счёт доминантного языка; 4) при расширении использования английского языка в качестве официального происходит депиджинизация, то есть пиджин начинает заменяться английским языком [360].

Языковая политика правящих кругов Папуа-Новой Гвинеи позволяет сохранить языковое и культурное наследие страны и в то же время обеспечить преодоление языковых барьеров, используя ток писин в качестве языка межэтнического общения. Связи с внешним миром поддерживаются через официальный статус английского языка. Широко распространённое индивидуальное многоязычие позволяет поддерживать языковое равновесие в обществе, когда каждый язык выполняет свои собственные функции и имеет свои сферы применения: родной язык – культурная и этническая идентичность, ток писин – язык повсеместного общения, английский язык – государственное правление, дипломатические отношения, судопроизводство, образование. По мере распространения образования ожидается расширение функций английского языка и проникновение английского языка в сферу межэтнического общения.

7.2. Многоязычные общества Вануату и Соломоновых островов

Немного уступают Папуа-Новой Гвинее в языковом разнообразии две другие островные страны Меланезии – Вануату и Соломоновы острова. Согласно данным «Этнолога», при числе населения около 200 тысяч человек жители Вануату говорят на 114 языках, из которых 108 являются языками коренного населения. При коэффициенте языкового разнообразия 0,974 Вануату занимает второе место в мире после Папуа-Новой Гвинеи как одна из самых многоязычных стран мира [361]. Языковая ситуация в Республике Вануату во многом схожа с языковой ситуацией в Новой Гвинее: при большом числе языков ни один из туземных языков не имеет статуса официального языка. Тремя официальными языками Вануату являются англ-

лийский, французский и креольский язык бислама. Использование английского и французского языка в сферах управления, законодательства, дипломатии и образования отражает историческое развитие Вануату. Бислама (Bislama), ранее известный как бич-ла-мар (на местном языке – трепанг, или морской огурец – один из наиболее характерных продуктов местной торговли), подобно ток писину Папуа-Новой Гвинеи является продуктом креолизации пиджина на английской основе. Как и ток писин, бислама использует в основном лексику, заимствованную из английского языка, и синтаксис на основе меланезийских языков. После провозглашения независимости в Вануату были созданы условия для сохранения местных языков и культур. Большинство коренных языков Вануату, по мнению исследователей, не находятся под угрозой исчезновения, несмотря на то что в среднем на каждый язык приходится лишь только около 2000 его носителей [362]. Языковое равновесие в Вануату поддерживается, как и в случае Папуа-Новой Гвинеи, на основе разделения функций, при котором родной язык используется для культурной и языковой идентичности говорящего, которая в традиционных обществах является важной ценностью каждого члена общества. Бислама, которым большинство жителей владеют как вторым языком, а для части населения он является родным, выполняет функцию межэтнического и межязыкового общения и связывает общество Вануату воедино. Английский и французский выполняют функции государственного управления, однако их использование в функциях, контролируемых туземными языками, включая креольский язык, выполняющий роль лингва франка, весьма ограничено, так как лишь 2% населения владеют этими языками на продуктивном уровне.

Соломоновы острова, провозгласившие свою независимость в 1979 году, но всё ещё признающие королеву Елизавету II главой государства как конституционного монарха, являются многоязычной страной, имеющей 68 языков коренного населения. Официальным языком страны является английский, которым владеет не более 2% населения, поэтому для всеобщей языковой коммуникации необходим язык-посредник, роль которого выполняет пиджин на английской основе. Хотя пиджин Соломоновых островов не имеет статуса официального языка, его использование делает возможным преодоления языковых барьеров и удовлетворения потребностей общения в многоязычной среде.

МНОГОЯЗЫЧИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

8.1. Переход от односторонних к многосторонним и глобальным межгосударственным отношениям: Гаагские конференции и Лига Наций

Политические, экономические и научные изменения, произошедшие за последнее столетие второго тысячелетия, настолько потрясли мир, что традиционная языковая изоляция постепенно вынуждена была уступить место многоязычию на уровне и международных, и межгосударственных отношений. Первые шаги на пути решения глобальных проблем на уровне международного сотрудничества были сделаны ещё в конце XIX – начале XX веков, когда по инициативе российского императора Николая II были созваны две мирные конференции в Гааге с целью обсуждения и разрешения проблем поддержания всеобщего мира, сокращения вооружений и улучшения условий приёмов ведения войны. Это были первые многосторонние международные конференции по общим вопросам, если не считать Венский конгресс европейских государств 1814–1815 годов, завершивший войны коалиции европейских держав с Наполеоном I. Первые Гаагские конференции приняли ряд важных решений по мирному разрешению международных конфликтов, но не смогли предотвратить Первую мировую войну. Две разрушительные мировые войны убедительно показали невозможность решения проблемы предотвращения мировых конфликтов в условиях ядерного века на уровне отдельных стран без широкомасштабного международного сотрудничества. Версальская мирная конференция 1919–1920 годов, обсудившая условия заключения мирного договора об окончании Первой мировой войны, впервые в истории поставила вопрос о создании международной организации – Лиги Наций – с целью развития сотрудничества между народами и гарантии мира и безопасности. Идея о создании международной организации по поддержанию мира принадлежала американскому президенту Вудро Вильсону и представляла новый, революционный подход в международных отношениях и альтернативу традиционной европейской дипломатии, основанной на соотношении сил. Лига Наций являлась прообразом

Организации Объединённых Наций, хотя она и оказалась ослабленной из-за отказа сената США ратифицировать Версальский мирный договор и не смогла осуществить свои функции поддержания мира.

Лига Наций оказалась также поворотным пунктом к постепенному переходу к принципу многоязычия в работе международных организаций. До этого на протяжении более чем трёх столетий начиная с XVII века языком дипломатии был французский язык, который являлся признанным языком королевских дворов во всей Европе. Вступление США в Первую мировую войну привело к допущению английского языка в качестве второго языка дипломатии. Все документы Лиги Наций в период её существования оформлялись на английском и французском языках.

8.2. Организация Объединённых Наций и становление принципа многоязычия в международных отношениях

Необходимость создания эффективной международной организации с участием всех великих держав для обеспечения коллективной безопасности стала очевидной в результате самого разрушительного военного конфликта во всемирной истории – Второй мировой войны. Уже в процессе Второй мировой войны правительства трёх великих держав – США, Великобритании и Советского Союза – провели несколько конференций, на которых обсуждалось послевоенное устройство мира и был сформулирован план создания международной организации по поддержанию мира с целью предотвращения новой мировой войны. В апреле 1945 года в Сан-Франциско состоялась учредительная конференция новой организации, которая по инициативе американского президента Франклина Рузвельта получила название «Организация Объединённых Наций». Учредительная конференция приняла Устав ООН, согласно которому основной целью этой международной организации является поддержание международного мира и безопасности за счёт принятия эффективных коллективных мер по предотвращению и устранению угроз миру и подавлению актов агрессии.

Принцип многоязычия был учреждён уже в Уставе ООН. Заключительная статья Устава гласит о том, что тексты устава, представленные на китайском, французском, русском, английском и испанском языках, аутентичны [363]. С самого начала функционирования

ООН Генеральная Ассамблея ООН в своих многочисленных резолюциях неоднократно подтверждала принцип равенства официальных и рабочих языков и решимость обеспечить языковой баланс внутри организации [364]. Официальными и рабочими языками ООН являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский. В то же время в работе некоторых органов ООН количество рабочих языков может быть ограничено. Так, рабочими языками Экономического и Социального Совета являются английский, французский и испанский. Секретариат ООН использует в качестве рабочих языков английский и французский.

Многоязычие является естественным следствием универсальности ООН как международной организации, в которой представлены, за незначительными исключениями, почти все страны земного шара. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 50/11 от 2 ноября 1995 года (49-е пленарное заседание) подчёркивает необходимость изучения членами национальных миссий всех официальных языков ООН и рабочих языков Секретариата, а также важность обеспечения доступа всех правительств и всех секторов гражданского общества к документации, архивам и банкам данных ООН на всех официальных языках [365].

Роль ООН как универсальной международной организации в поддержке многоязычия в международных и межэтнических отношениях не ограничивается самой организацией. ЮНЕСКО, специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры со штаб-квартирой в Париже, проводит активную политику сохранения богатого языкового и культурного наследия человечества путём коренного изменения отношения к многоязычию в национальных системах образования. В 1998 году при ЮНЕСКО созданы специальные подразделения для изучения вопросов языкового плюрализма и многоязычного образования: Консультативный комитет по вопросам языкового разнообразия и многоязычного образования и Отдел языков в Секторе образования генерального директора. В своей резолюции от 2 ноября 2001 года Генеральная конференция ЮНЕСКО поддержала идею Европейской комиссии о «превращении активного трёхязычия в нормальный диапазон практических навыков и умений в XXI веке» [366].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bernal, J.D.* The Social Function of Science. London: George Routledge and Sons Ltd., 1939.
  2. *Bell, D.* Sociological Journeys: Essays 1960–1980. London: Heinmann, 1980.
  3. *Masuda, Y.* The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society, 1983.
  4. *Machlup, F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States: Princeton UP, 1962.
  5. *Wiener, N.* Cybernetics. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1948. P. 155.
  6. *Veneris, Y.* Modelling the Transition from the Industrial to the Informational Revolution // *Environment and Planning A*. 1990. 22 (3). P. 399–416.
  7. *Okinawa Charter on Global Information Society*. July 21, 2000: Ministry of Foreign Affairs of Japan (MOFA), 2000. P. 1.
  8. *Okinawa Charter on Global Information Society*. P. 5–6.
  9. *Longworth, Richard C.* The New Global Economic Order // *Encarta Yearbook*, 1999.
  10. *World Bank, Poverty Rates*. 1981–2002. N.Y.: U.N, World Bank, 2007.
  11. *Palmer, Tom G.* Globalization is Great! // *Cato's Letter*. Volume 1. Number 2, 2002. P. 6.
  12. *Sedgwick, Robert.* The Bologna Process: How it is Changing the Face of Higher Education in Europe // *eWENR*. March / April 2001, Volume 14. Issue 2.
  13. *Legraine, Philipe.* Culture Globalization is not Americanization // *The Chronicle of Higher Education*, May 9, 2003.
  14. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 128–129.
  15. *Cowen, Tyler.* Creative Destruction: How Globalization Is Changing the World's Cultures. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2002.
  16. *Crystal, David.* Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
  17. *Bastardas-Boada, Albert.* Linguistic Sustainability for a Multilingual Humanity. "Proceedings of the X Linguapax Congress on Linguistic diversity, sustainability and peace", Forum 2004, Barcelona: University of Barcelona, 2004. P. 1.
  18. *Trim, John L.M.* Historical, descriptive and dynamic linguistics // *Language and Speech*. №2. P. 9–25.
  19. *Haugen, Einar.* The Ecology of Language. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. P. 326–329.
  20. *Ethnologue: Languages of the World / Lewis, M. Paul (Ed.)*, Dallas, Texas: SIL International, 16th Edition, 2009.
  21. *International Covenant on Civil and Political Rights // Human and Constitutional Rights, Documents: Word Perfect document.*
- Международный пакт о гражданских и политических правах // Резолюция 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966г. Вступил в силу 23 марта 1976 года // *United Nations Treaty Series*. Vol. 999. P. 225–240.

22. *The Covenant of the League of Nations // The Avalon Project Documents in Law, History and Diplomacy. (The 20th Century). New Haven, CT: Yale Law School. Lillian Goldman Law Library, 2008.*

23. *Universal Declaration of Human Rights // Resolution 217 A(III) of 10 December 1948: United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. Всеобщая декларация прав человека. Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // А/64. С. 39–42.*

24. *ILO Convention on Indigenous and Tribal Populations, 1957 (№ 107): ILO Regional Office for Asia and the Pacific, 2008.*

25. *Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах // Конвенция № 169 Международной организации труда, 27 июня 1989 года // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда, 1957–1990 годы, Женева: Международное бюро труда, 1991. Т. 2.*

26. *Declaration on the rights of indigenous peoples // Resolution 61/295 of the General Assembly of the United Nations, 13 September 2007 // Geneva, Switzerland: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2007.*

27. *Ibid.*

28. *Соколовская С.В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // Этнометодология: Сборник. Вып. 5. М., 1999.*

29. *Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // Резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН, 18 декабря 1992 года. Женева: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 1997.*

30. *Study guide: The Rights of Indigenous Peoples. // University of Minnesota Human Rights Center, 2003.*

31. *Native American Languages Act, 30 October 1990 // 104 STAT. 1153.*

32. *Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 г., с изменениями от 09.01.1996, 10.02.1996, 09.06.2001 // Российская газета. 2009. 21 янв.*

33. *Закон о языках Российской Федерации №1807-1 от 25 октября 1991 года (с изменениями в редакции Федеральных законов от 24.07.98 №126-ФЗ) от 11.12.2002 №165-ФЗ // Информационно-правовой портал UKON.SU*

34. *Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (31-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 2 ноября 2001 г.) // Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе СПб.: Российская национальная библиотека (Издание ЮНЕСКО), 2004. С.65.*

35. Там же. С. 67.

36. Там же. С. 68.

37. Там же. С. 68.

38. Там же. С. 72.

39. Там же. С. 73.

40. *Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. (Принята на 32-й Генеральной конференции по образованию, науке и культуре ООН в октябре 2003 года) // Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе. С. 77–80.*

41. *Хартия о сохранении цифрового наследия (принята на 32-й Генеральной конференции по образованию, науке и культуре ООН в октябре 2003 г.) // Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе. С. 89.*

42. Там же. С. 91.

43. Там же. С. 92–93.

44. *Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе*. СПб.: Российская национальная библиотека (Издание ЮНЕСКО), 2004.
45. Там же. С. 5.
46. Там же. С. 6.
47. Там же. С. 11.
48. Там же. С. 26.
49. Там же. С. 13.
50. *Treaty Establishing the European Community // Consolidated Versions of the Treaty on the European Union and of the Treaty Establishing the European Community // Official Journal of the European Union C 321 E / 1, 29.12/2006*. P. 180.
51. *EEC Council: Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community // Official Journal 017, 06 / 10 / 1958*. P. 0385–0386.
52. *Decision No 1934 / 2000 / EC of the European Parliament and the Council of 17 July 2000 on the European Year of Languages 2001 // Official Journal L 232 of 14 September 2000*.
53. *Charter of Fundamental Rights of the European Union, 7 December, 2000 // Official Journal of the European Communities C 364, 2000-12-18 EN*.
54. *Lewis, M. Paul*(Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
55. *Dalby, David* (2000a). *Linguasphere Register of the World's Languages and Speech Communities: Volume 1 (Introduction and Index)*. Hebron (Wales). ISBN O 95329191x. Dalby, David (2000b). *Linguasphere of the World's Languages and Speech Communities: Volume 2. (The Register)* Hebron (Wales). ISBN 0953291928.
56. *Dalby, D.; Gillam, L.; Cox, Ch.; Garside, D.* *Standards for Language Codes: Developing ISO 639*. Language Observatory, Hebron (Wales), 2004.
57. *Random House Webster's College Dictionary*. Random House. New York, 1995.
58. *Sears, Coreen*. *Second Language Students in Mainstream Classrooms: A handbook for teachers in international schools*, Multilingual Matters, 1998.
59. *Щербя Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313–314.
60. *Ferguson, C.F.* "Diglossia", Gigliolo, P., ed. *Language and Social Context* (Penguin). P. 232–252.
61. *The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment // Council of Europe, Language Policy Division, Strasbourg*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 4–6.
62. *European Language Portfolio // Centre for Language and Communication Studies // Trinity College, Dublin* (Internet resource).
63. *Statistical Summaries by country // Lewis, M. Paul* (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
64. *Belien, Paul*. *Crisis in Belgium: If Flanders Secedes Wallonia Disintegrates*. // *The Brussels Journal*, September 9, 2007.
65. *La Constitution Belge*. Texte Coordonné du 17 février 1994. Brussels: Belgian Senate, 2009.
66. *Browne, Anthony*. *The language battle is tearing Belgium apart // The Times*, May 09, 2005.
67. *Belgium is the World's Most Successful Failed State // Spiegel Online International*. 16 July, 2008.
68. *Agirdag, Orhan*. *All languages welcomed here // Educational Leadership*, April 2009. P. 20–25.
69. *Beheydt, Ludo*. *The Challenges of Early Bilingual Education in Belgium // Euro CLIC, Bulletin 5 – Focus on Belgium*, 1998.

70. *Mettewie, Lawrence; Janssens, Rudi*. Language Use and Language Attitudes in Brussels // Multilingualism in European bilingual contexts: Language use and attitudes. David Lasabaster and Ángel Huguet (eds.). Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 117.

71. *Ibid.* P. 122.

72. *Debergh, Saskia; Teuwen, Zoe*. A Report on Belgian Education with a Special Focus on Language Education and ICT // ODLAC Project. Antwerp: University of Antwerp, BE, 2006.

73. *Promoting language learning and linguistic diversity: an action plan 2004–2006* // COM (2003) 449 final.

74. *A New Framework Strategy for Multilingualism* // COM (2005) 596 final.

75. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

76. *Decision No 2493/95/EC of the European Parliament and Council of 23 October 1995 establishing 1996 as the “European Year of Lifelong Learning”* // OJL 256, 26.10.1995.

77. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка, глава 1* // Департамент по языковой политике, Совет Европы. Страсбург, 2004.

78. *European Language Portfolio* // Centre for Language and Communication Studies // Trinity College, Dublin (Internet resource).

79. *Europass* // The official site (<http://europass.cedefop.europa.eu/>).

80. *White, Philip L*. Globalization and the Mythology of the Nation State // A.G. Hopkins, ed. *Global History: Interactions Between the Universal and the Local*. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 257–284.

81. *Тощенко, Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: Росспэн, 2003. С. 41–60.

82. *Statistical Summaries* // Summary by country, Table 6 // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.

83. *Greenberg, Joseph H*. The Measurement of Linguistic Diversity // *Language* (Journal of Linguistic Society of America). 2003. Vol. 8, № 2.

84. *Linguistic diversity of countries* // *Statistical Summaries* // Summary by country, Table 7 // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*.

85. *Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment* // Resolution of the European Parliament, 24 March 2009 // The EP Legislative Observatory, INI / 2008 / 2225.

86. *Abuja, Gunther*. European Centre for Modern Languages: Bilingual Education – Résumé of the work from 1995 to 1998. Graz, Austria: Centre for School Development, 1999.

87. *Statistical Summaries by area* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.

88. *Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе* СПб.: Российская национальная библиотека. (Издание ЮНЕСКО), 2004.

89. *Международный пакт о гражданских и политических правах* // Резолюция 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Вступил в силу 23 марта 1976 года // *United Nations Treaty Series*. Vol. 999, P. 225–240.

90. *Canadian Charter of Rights and Freedoms* (1982).

91. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.

92. *US Census 2000* // Bureau of the Census, Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 2001.

93. *Summary Tables on Language Use and Language Ability: 2000* (PHC-T-20). Washington, D.C.: US Census Bureau, 2000.

94. *Roosevelt, Theodore*. Works (Memorial ed. 1926), Vol. XXIV, New York: Charles Scribner's Sons, 1926. P. 554.

95. *Civil Rights Act, 1964* // US Statutes at Large 78 (1964): 241.
96. *Bilingual Education Act, 1968* // Title VII of the Elementary and Secondary Education Act, Public Law 90–247.
97. *Kathleen, Escamilla*. A Brief History of Bilingual Education in Spanish. ERIC Digest. Charleston, W.V.: ERIC Clearinghouse, 1989.
98. *Hayakawa, S.I.* Bilingualism in America: English Should be the Only Language // USA Today. July, 1989, Vol. 118. Issue 2530. P. 32–34.
99. *Nunberg, Geoff.* Resolution: English only // Linguistic Society of America, December 28, 1986.
100. *Pallum, Geoffrey.* Here come the Linguistic fascists // Natural Language and Linguistic Theory, № 5, 1987. P. 603–609.
101. *Bennett, W.* Address to the Association for a better New York. Washington, D.C.: United States Department of Education (mimeo), September, 1985.
102. *Crawford, James.* Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
103. *Judd, Elliot L.* The English Language Amendment: A Case Study on Language and Politics // TESOL Quarterly, 1987. 21(1). P. 113–130.
104. *Декларация независимости США // Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова; Пер. О.А. Жидкова. М.: Прогресс; Универс, 1993.*
105. *Obama Foolishness on Value of Multilingualism* // ParaPundit. July 12. 2008.
106. *The World Factbook – Field Listing – Ethnic Groups.* Washington, D.C.: CIA, 2008.
107. *Statistical Summaries by area* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
108. *Moseley, Christopher and Asher, R.E.* (Eds.). Atlas of the World's Languages. London: Routledge, 2002. P. 34–76.
109. *The Indigenous Languages of Latin America.* Austin, Texas: The University of Texas, 2002.
110. *Biodiversidad en México* // SEMARNAT. (Internet resource).
111. *The World Factbook. Mexico – People.* Washington, D.C.: CIA, 2007.
112. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, Ibid.
113. *Mexico* // Britannica, Ultimate Reference Suite, 2007.
114. *The World Factbook. Mexico – People.* Washington, D.C.: CIA, 2007.
115. *Article 2* // Political Constitution of the United Mexican States (Reform of 2001). Palominas, Ariz.: Pamachena, 1999.
116. *Ley General De Derechos Lingüísticos De Los Pueblos Indígenas* // Nueva Ley DOF 13-03-2003, Centro de Documentación, Información y Análisis, 2003.
117. *Ibid. Artículo 7.*
118. *Ibid. Artículo 9, Artículo 10, Artículo 11.*
119. *The World Factbook.* Washington, D.C.: CIA, 2007.
120. *Canger, Una.* “An interactive dictionary and text corpus”. In: William Frawley, et al. (eds.). Uto-Aztecan: Structural, Temporal, and Geographic Perspectives. Hermosillo, Sonora: Universidad de Sonora. P. 373–386.
121. *Rosenberg, Mica.* Mexico City mayor wants to revive Aztec language. // The San Diego Union-Tribune, 22 February, 2008.
122. *Terborg, Roland; Landa, Laura Garcia and Moore, Pauline.* “Language Planning in Mexico”. In: Language Planning and Policy in Latin America: Ecuador, Mexico, and Paraguay (Richard B. Baldauf, Jr. and Robert B. Kaplan, Eds.). Clevedon, U.K.: Multilingual Matters, 2007. P. 152.
123. *Ibid.* P. 122.

124. *Crystal, David*. An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. Oxford: Blackwell, 1992.
125. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
126. *The World Factbook*. Washington, D.C.: CIA, 2008.
127. *Afro-Paraguayan* // Joshua Project // US Center for World Mission. Internet resource: joshuaproject.org.
128. *Artículo 140*. De los Idiomas // Republica de Paraguay. Constitución Política de 1992 // Base de Datos Políticos de las Américas // Center for Latin American Studies. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008.
129. *Constitutions of the Countries of the World*, edited by A. Blaustein, G. Flanz. Vol. XIV. New York: Oceana Publications, 1995.
130. *Gynan, Shaw Nicholas*. Paraguayan Attitudes toward Guaraní and Spanish // 6.1. Standard Variations and Conceptions of Language in Various Language Cultures (Editor: Rudolf Muhr) // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften, № 15, June 2004.
131. *Constitución de la República de Paraguay, 1967* // Base de Datos Políticos de los Américas. // Center for Latin American Studies. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008.
132. *Baldauf, Richard B.; Kaplan, Robert B.* (Eds.). Language Planning and Policy in Latin America: Ecuador, Mexico, and Paraguay. Clevedon, U.K.: Multilingual Matters, 2007.
133. *Gynan, S.N.* Language Planning and Policy in Paraguay. In: Language Planning and Policy in Latin America: Ecuador, Mexico and Paraguay. Clevedon, U.K.: Multilingual Matters, 2007. P. 231.
134. "One fifth of the world's freshwater" Amazon // World Wide Fund for Nature (wwf.org).
135. *In Amazonia, Defending the Hidden Tribes* // The Washington Post. July 8. 2007.
136. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
137. *Art.13 // Capítulo III Da Nacionalidade* // Constituição da República Federativa do Brasil de 1988. Emendas Constitucionais // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos.
138. *Serviço Nacional de Recenseamento*. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. Rio de Janeiro: Conselho Nacional de Estatística, Serviço Nacional de Recenseamento, 2008.
139. *Entrada de imigrantes no Brasil – 1870–1907*. Entrada de imigrantes no Brasil – 1908–1953. San Paulo, Brasil: Memorial do Imigrante, 2008.
140. *Alves-Silva, J.; da Silva Santos, M. et al.* The ancestry of Brazilian mtDNA lineages // Am. J. Hum. Genet. 67(2), Aug. 2000. P. 444–461.
141. *Art. 231 // Capítulo VIII Dos Índios* // Constituição da República Federativa do Brazil de 1988. Ibid. Título VIII.
142. Ibid. Art. 210. Título VIII.
143. *Demographic Trends – 1940–2000* // IBGE Social Communication. May. 25. 2007.
144. *Sorensen, Arthur P. Jr.* Multilingualism in the Northwest Amazon // American Anthropologist, № 69, 1967. P. 670–684.
145. Ibid. P. 678.
146. *Aikhenvald, Alexandra V.* Language Contact in Amazonia. New York, 2002.
147. *Stenzel, Kristine*. Multilingualism in the Northwest Amazon, Revisited // Memorias del Congreso de Idiomas Indígenas de Latinoamérica – 27–29 de octubre de 2005, University of Texas, at Austin. P. 14.
148. Ibid. P. 25.

149. *State of the World's Minorities and Indigenous Peoples, 2009 – Brasil* // Minority Rights Group International, 16 July 2009.
150. *Diretrizes para a Política Nacional de Educação Escolar Indígenas* // MEC, 2a. edição, 1994.
151. *Literacy and Education among Indigenous Groups of Brazil. A Brief summary of SIL Brazil's Philosophy for Indigenous Education.* // SIL International, Brazil. (Internet resource).
152. *Wurm, S.A.* (ed.) *Atlas of the world's languages in danger of disappearing.* Canberra / Paris: Pacific Linguistics / UNESCO. 2nd edition, 2002.
153. *Packenham, Thomas.* *The Scramble for Africa.* New York: Random House, 1991.
154. *Gobineau, Arthur and Adrian Collins.* *The Inequality of Human Races.* Torrance, California: Noontide Press, 1983 (Second edition).
155. *These human zoos of the Colonial Republic* // *Le Monde diplomatique*, August 2000.
156. *Bradford, Phillips Verner and Blume, Harvey.* *Ota Benga: The Pygmy in the Zoo.* New York: St. Martins Press, 1992.
157. *Bateson, Mary Catherine.* *Arabic Language Handbook.* Georgetown University Press, 2003. P. 96–103.
158. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
159. *Cole, Ethan.* *Egypt's Christian-Muslim Gap Growing Bigger* // *The Christian Post*, July 8, 2008.
160. *The World Factbook – Ethnic Groups – Egypt.* Washington, D.C.: CIA, 2008.
161. *Improving Quality, Equality, and Efficiency in the Education Sector: Fostering a Competent Generation of Youth* // *Education Sector Policy Note.* Washington, D.C.: The World Bank, 2007. P. 5.
162. *Higher Education System* // Arab republic of Egypt. Cairo: Ministry of Education, 2008.
163. *Kjeilen, Tore* // *Looklex Encyclopaedia.* (Internet resource).
164. *Texte de la Constitution du 28 Novembre 1996* // *Republique Algerienne Democratique et Populaire* // amazighWorld.org
165. *Ibid.* Art. 3. Art. 178.
166. *The political status of Amazighs* // *The USSD report for 2005*, Washington D.C.: The US State Department, 2005.
167. *Tamazight Made National Language in Algeria* // *The Africa Research Journal*, July 2005. P. 16075.
168. *Country Profile: Algeria, May 2008* // *Library of Congress – Federal Research Division.* Washington, D.C.: Library of Congress, 2008.
169. *Parrinder, Edward Geoffrey.* *African mythology.* Hamlyn: 1982. P. 7.
170. *Sahara's Abrupt Desertification Started by Changes in Earth's Orbit, Accelerated by Atmospheric and Vegetation Feedbacks* // *ScienceDaily*, July 12, 1992.
171. *Ancient Routes of Migration* // *Microsoft Encarta Encyclopedia Deluxe*, 2001.
172. *Statistical Summaries by area* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
173. *UNDP Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development.* Oxford: Oxford University Press, 1990.
174. *2007/2008 Report. Human development index.* New York: United Nations Information Office, 2008.
175. *English Speaking Africa, French Speaking Africa* // *UNESCO thesaurus.* <http://www.vocabularyserver.com/unesco/>
176. *Membership of the Commonwealth: Report of the Committee on Commonwealth Membership* // *Commonwealth of Nations*, London: Commonwealth Secretariat, 2007.

177. *Francophonie* // The Canadian Encyclopedia. Ontario: Historica Foundation of Canada, 2008.
178. *Africanidade* // CPLP. <http://www.cplp.org>
179. *Obanya, Pai*. Language Education in Africa: Lessons for and from Nigeria. // *Fafunwa Foundation Internet Journal of Education*. Vol. 1, Editorial, 1998.
180. *Kassan, Y.* "Julius Nyerere". In: Z. Morsy (ed.). *Thinkers in Education*. Paris: UNESCO Publishing, 1995.
181. *Obanya, Pai*. Patterns of Educational Reform in Africa // *Prospects*, Vol. 28, №4, December 1998.
182. *Mazrui, Ali A. and Alamin M. Mazrui*. The Power of Babel: Language and Government in the African Experience. London: James Currey, Limited, 1998. P. 198.
183. *Bgoya, Walter*. The Effect of Globalization in Africa and the Choice in Language Publishing // *International Review of Education / Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue internationale l'éducation*, Vol. 47, № 3–4, July 2001. P. 283–292.
184. *Thiong'o, Ngugi Wa*. Moving the Centre. Struggle for Cultural Freedoms. London: James Currey Ltd., 1993.
185. *Lutz, Marten*. Swahili // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed., New York: Elsevier, 2006.
186. *Whiteley, Wilfred*. Swahili: the rise of a national language. London: Methuen Series: Studies in African History, 1969.
187. *Makoni, Sinfree B; Dube, Busi; Mashiri, Pedzisai*. Zimbabwe Colonial and Post-Colonial Language Policy and Planning Practices // *Current Issues in Language Planning*. Vol. 7. Issue 4. November 2006. P. 377–414.
188. *Damtew, T. and Altbach, P.G.* (eds.). *African Higher Education: An International Reference Handbook*. Indianapolis: Indiana University Press, 2003. P. 316–325.
189. *Nigeria* // *The World Factbook*. CIA, Nov. 11. 2009.
190. *Statistical Summaries by country* // *Lewis, M. Paul* (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
191. *Agbu, Osita*. Ethnic Militias and the Threat to Democracy in Post-Transition Nigeria. Uppsala: Nordic Africa Institute, 2004. P. 6.
192. *Nigeria* // IMF Survey, 2009.
193. *Constitution of the Federal Republic of Nigeria*. 1999 // *Constitutions* // Adminet. <http://admi.net/world/consti/index.html>.
194. *Nigeria National Policy in Education*. Lagos: Federal Ministry of Information, Print. Division, 2004.
195. *Salawi, Abiodun* (Ed.). *Indigenous Language Media in Africa*. Lagos: CBAAC, Nigeria, 2006.
196. *Indigenous Language Media in Africa*. Abiodun Salawi (Ed.). Lagos: CBAAC, Nigeria, 2006.
197. *Emenanjo, E. Nolue*. Languages and the National Policy on Education: Implications and Prospects // *Fafunwa Foundation Internet Journal of Education*, Vol. 1. Editorial, 1998.
198. *Adeniyi, Harrison*. Implementation of language policy in Nigeria: English as a sticking point. // *KCTOS: Knowledge, Creativity and Transformations of Societies*. Vienna, Austria, 6 to 9 December, 2007.
199. *Taiwo, C.O.* The Nigeria Education System. Lagos, Nigeria: Thomas Nelson (Nigeria) Limited, 1980.
200. *Nigeria National Policy in Education*. Lagos: Federal Ministry of Information, Print. Division, 1981.
201. *Awobohuyi, Oladele*. Language Education in Nigeria: Theory, Policy and Practice // *Fafunwa Foundation Internet Journal of Education*. Vol. 1. Editorial. 1998.

202. *Nigeria National Policy in Education*. Lagos: Federal Ministry of Information, Print. Division, 2004.
203. *Ogunbiyi, Oluranti*. The Challenges of Language Teaching in the 21st Century // *Pakistan Journal of Social Sciences*. 5(4). 2008. P. 297–299.
204. *Kari, Ethelbert E*. Multilingualism in Nigeria: The Example of Rivers State // *Materials of the Seminar on Multilingual Situation and Related Local Cultures in Asia and Africa*, March 25, 2002. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2002. P.8.
205. *Enaharo, Anthony*. The National Question: Towards a New Constitutional Order // Lagos: Vanguard, 2002. P. 18–19.
206. *Adedimeji, Mahfouz A*. The Unifying Role of English in a Multilingual Nation: The Case of Nigeria // Department of Modern European Languages, University of Ilorin. Internet resource. Retrieved: Nov. 28, 2009.
207. *Aito, Emmanuel*. ISBN4: Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2005. P. 18–38.
208. *List of countries by literacy rate* // United Nations Development Programme Report. 2009. P. 171.
209. *At a glance: Nigeria* // Nigeria literacy rates // UNICEF, 2007.
210. *Harris, Edward*. Nigerians Lost Between English, Native Language // *The Sun*. New York, March 3, 2008.
211. *L'Anglais de la reine a la sauce nigeriane* // *Montray Kréyol*, jeudi 13 mars, 2008.
212. *Pidgin, Nigerian*. A language of Nigeria // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
213. *Ihemere, Kelechukwu Uchechukwu*. A Basic Description and Analytic Treatment of Noun Clauses in Nigerian Pidgin. // *Nordic Journal of African Studies*. 15(3). 2006. P. 296–313.
214. *Ohiri-Aniche, C*. Nigerian languages die. // *Quarterly Review of Politics, Economics and Society*. 1(2). 1997. P. 73–79.
215. *Articles 21, 22, Chapter II* // Constitution of the Federal Republic of Nigeria. 1999 // Constitutions // Adminet. (Internet resource).
216. *Skinner, Annabel*. Tanzania & Zanzibar. Cadoganguides, 2005.
217. *Nyerere, Julius*. Freedom and Socialism. A Selection from Writings and Speeches, 1965–1967, Dar es Salaam: Oxford University Press, 1968.
218. *Kassam, Y. Julius Nyerere*. In: Z. Morzy (ed.). *Thinkers on Education*, Paris: UNESCO Publishing, 1995. P. 253.
219. *World Population Prospects, Table A.1* // Department of Economic and Social Affairs, Population Division. United Nations, 2008.
220. *Tanzania, Wizara ya Elimu ya Taifa*. Mpango wa Maendeleo ya Miaka Mitano wa Wizara ya Elimu ya Taifa 1969–1974. Dar es Salaam: Mpigachapa wa Serikali, 1969.
221. *Sa, Eleuthera*. Language Policy for Education and Development in Tanzania. Swarthmore PA: Swarthmore College, 2007.
222. *Tanzania, Wizara ya elimu. Mfumo wa Elimu Tanzania*. Dar es Salaam: Mpiga Chapa Mkuu wa Serikali, 1984.
223. *Legère, Karsten*. Formal and Informal Development of the Swahili Language: Focus on Tanzania // Selected Proceedings of the 36th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Report, 2006. P. 176–184.
224. *Swilla, Imani*. Signs of language shift in Chindali and the impact of Swahili // *Language Matters*. Vol. 39. Issue 2. Nov. 8. 2008. P. 230–241.
225. *Gachege, Beatrice*. Kenya: Why Microsoft Swahili Version Failed // *Business Daily* (Nairobi), 11 March 2008.
226. *Swilla, Imani*. Languages of Instruction in Tanzania: Contradictions Between Ideology, Policy and Implementation // *African Studies Monographs*. 30(1). 2009. P. 1–14.

227. *Masebo, J.A.* & N. Nyangwine: *Nadharia ya lugha Kiswahili* // Department of Economic and social affairs. Radio Tanzania, Dar es Salaam.
228. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M.Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
229. *The Constitution of Kenya* // Kenya Law Reports. Revised edition 2008. Nairobi: The National Council for Law Reporting, 2008.
230. *Mazrui, A.A. & Mazrui, A.M.* *Swahili State and Society*. Nairobi: East African Educational Publishers, 1995.
231. *Mazrui, A.A. & Mazrui, A.M.* "A tale of two Englishes: The imperial language in the post-colonial Kenya and Uganda". In: Fishman, J.; Conrad, J.A. & Lopez, A.L. (Eds.). *Post Imperial English*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. P. 271–302.
232. *Njoroge, K.* *Multilingualism and Some of its Implications for Language Policy and Practices in Kenya*. In: Legere, K. (Ed.). *The Role of Language in Literacy Programmes with Special Reference to Kiswahili*. Bonn: German Foundation for International Development, 1991. P. 249–269.
233. *Nabea, Wendo.* *Language Policy in Kenya: Negotiation with Hegemony* // *The Journal of Pan African Studies*. Vol. 3, № 1, September 2009. P. 127.
234. *Ibid.* P. 129.
235. *Mugambi, Hanna Mweru.* *Language Choice and Shift in Kenya: A Look at the Changing Roles of English, Kiswahili and Indigenous Languages*. Egerton: Egerton University, Kenya, 2009.
236. *Constitution Amendment Act No 11 of 2005* // Kampala: Uganda Ministry of Information 2005.
237. *Ladefoged, Peter et al.* *Language in Uganda*. London / New York, etc.: Oxford University Press, 1972.
238. *Uganda: First-language teaching policy highlights rural-urban education divide* // *SocioLingo Africa*, May 23d, 2009.
239. *Constitución de 2009*. Republica de Bolivia. // Georgetown University Political Database of the Americas. Washington, D.C.: Georgetown University, 2009.
240. *The Eighth Schedule, Articles 344(1) and 351. Languages* // *Constitution of India*. New Dheli: National Informatica Centre. 2007. P. 330.
241. *Constitution of the Republic of South Africa, 1996* // *Government Gazette of South Africa*, 378 (16678), 18 December 1996.
242. *Towards a national language plan for South Africa: Final report of the Language Task Group (LANGTAG)*. Pretoria: Department of Arts, Culture, Science and Technology, 1996.
243. *Claire, de Boer.* *Multilingual education in the context of the South Africa* // 53d Annual Conference of the Comparative and International Education Society. Charleston, South Carolina, November 10. 2009.
244. *Thorpe, Kathleen.* *Multilingualism and Minority Languages in South Africa* // *TRANS (Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften)*. № 13. August 2002.
245. *Prah, Kwesi.* *African languages for the mass education of African*. Bonn: Education, Science and Documentation Center, 1995.
246. *Lemon, Anthony.* *Soweto* // Microsoft Encarta, Encyclopedia Deluxe, 2001.
247. *Heugh, Kathleen.* "Disabling and enabling: Implications of language policy trends in South Africa". In: R. Mesthri (eds.), *Language and Social History: Studies in South African sociolinguistics*. Cape Town: David Philip. P. 329–350.
248. *Kamwangamalu, Nkonko M.* *Language Policy and mother-tongue education in South Africa: The case for a market-oriented approach*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2004.

249. *Alexander, Neville*. Language Education Policy, National and Sub-National Identities in South Africa. Strasbourg: Council of Europe, 2003. P. 17–18.
250. *Census 2001*: stages in the life cycle of South Africans. // Statistics South Africa, 2005.
251. *Calvet, Lois-Jean*. Democratic Republic of Congo, Rwanda and Burundi. In: Ammon, Ulrich; Dittmar Norbert, et al. (Eds.). *An International Handbook of the Science of Language and Society*. New York: Walter de Gruyter, 2006. P. 1972–1975.
252. *Linguistic diversity of countries (from highest to lowest)* // Statistical summaries by country // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
253. *Ibid*. Table 6. Distribution of living languages by country.
254. *World Population Prospects*, Table A.1. // Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York: United Nations, 2008.
255. *McLaughlin, A.; Woodside, D*. Rumbings of war in heart of Africa // *The Christian Science Monitor*. 23 June. 2004.
256. *Constitution de la République démocratique du Congo*, mai 2005 // Wikisource. (<http://fr.wikisource.org/wiki/Categorie:Constitutions>).
257. *Leitch, Myles*. Aspects of Multilingualism in the Lingala Zone of Congo. Dallas, Texas: SIL International, 2005. P. 5–6.
258. *Constitution de la République démocratique du Congo*. Article 46.
259. *Democratic Republic of Congo* // Religion by location // *World Factbook*. Washington D.C.: CIA, 2008.
260. *Linguistic diversity of countries (from highest to lowest)* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*. Table 7.
261. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*. Table 6.
262. *Howard, Lise Morje*. UN Peacekeeping in Civil Wars. Cambridge University Press, 2008.
263. *Burundi* // *World Economic Outlook Database* // International Monetary Fund, October, 2009.
264. *The Constitution of the Republic of Rwanda*, 2003 // *The Official Gazette of the Republic of Rwanda*, 2003.
265. *Baron, Dennis*. *The English-Only Question: An Official Language for Americans?* New Haven: Yale University Press, 1990.
266. *Baldauf, Scott*. French-speaking Rwanda turns to English // *The Christian Science Monitor*. September 25. 2007.
267. *The Constitution of the Republic of Rwanda*. Preamble. Point 7.
268. *World Population Prospects*, Table A1 // Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York: United Nations, 2009.
269. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
270. *Central African Republic* // *The World Factbook*. Washington, D.C.: CIA, 2008.
271. *The Guinness Book of Records*, 1997. Guinness Publishing Ltd., 1996. P. 210.
272. *Central African Republic* // International Monetary Fund. Washington, D.C.: IMF, 2008.
273. *List of countries by literacy rate* // United Nations Development Programme Report 2009. New York: United Nations. P. 171.
274. *Constitution de la République Centrafricaine (2004)* // *Dossiers spéciaux d'Actualité Cénafrique de sangonet – Constitution 2004*.
275. *Samarin, W.J.* French and Sango in Central African Republic // *Anthropological Linguistics*, № 28: 379–397, 1986.

276. *Morrill, Charles Henry*. Language, Culture and Sociology in the Central African Republic. The Emergence and Development of Sango, 1997.
277. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
278. *Constitution de la République du Congo du 20 Janvier 2002* // Site www.droitsdelhomme-france.org
279. *Constitution de la République Malgache*, 1958. Titre I, Art.2.
280. *Haute Cour Constitutionnelle De Madagascar*, Decision No 03–HCC / D2 Du 12 avril 2000.
281. *Madagascar*. Statistical Summaries by country // Lewis, M. Paul (Ed.) The Ethnologue.
282. *Austronesian Basic Vocabulary Database*. Auckland, N.Z.: The University of Auckland, 2009.
283. *Berthier, H.J.* De l’usage de l’arabico-malgache en Imérina au début du XIXe siècle: Le cahier d’écriture de Radama Ier. Tananarive, 1934.
284. *Education in Madagascar* // Country Studies – Madagascar // Area Handbook program. Washington, D.C.: The US Department of the Army, 2000.
285. *Madagascar education sector in danger* // afrol News. 14 April. 2009.
286. *Constitution de la République de Madagascar, 2007* // Loi Constitutionnelle. N° 2007-001 du 27 avril 2007 // Journal officiel de la République de Madagascar, mai 2007.
287. *Madagascar adopts English as official language* // ClickAfrique.com, 4.10. 2007.
288. *Madagascar backs English as official language* // People’s daily, April 10, 2007.
289. *Promoting the use of English in Madagascar* // Servicewire, 12.03. 2008.
290. *Room, Adrian*. Placenames of the World, Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc. Publishers, 2003. P. 228.
291. *Almeida, Miguel Vale de*. Portugal’s Colonial Complex: From Colonial Lusotropicalism to Postcolonial Lusophony. Belfast: Queen’s University, 2008.
292. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
293. *Linguistic diversity of countries (from highest to lowest)* // Lewis, M. (Ed.). The Ethnologue. Table 7.
294. *Inquérito Nacional aos Agregados Familiares sobre Condições de Vida, Resultados Gerais*. Maputo: Instituto Nacional de Estatística, 1998.
295. *Constitution of Mozambique, 1990 (revised in 2004)* // Constitution Finder: Mozambique. Richmond, Virginia: University of Richmond, 2004.
296. *Ibid*. Article 11 g.
297. *Lopes, J*. Language revitalisation and reversal in Mozambique: The case of Xironga in Maputo // Current Issues in Language Planning 19. P. 151–178.
298. *Mungazi, Dickson A*. To Honor the Sacred Trust of the Civilization: History, Politics & Education in Southern Africa. Publisher: Schenkman Books Incorporated, 1983. P. 98.
299. *Mario, Mouzinho; Fry, Peter; Leve, Lisbeth*. Higher Education in Mozambique. London: James Currey Publishers, 2003. P. 25.
300. *Samuels, Michael A*. The FRELIMO School System // Africa Today, Vol. 18, N° 3, China and Africa (Jul., 1971). P. 69–73.
301. *Constitution of Mozambique, 1990 (Revised in 2004)*. Article 11.
302. *World Population Prospects, Table A.1.* // Department of Economic and Social Affairs. Population Division. N.Y.: United Nations, 2008.
303. *Statistical Summaries, Tables 6, 7* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
304. *Angola* // World Factbook. Washington, D.C.: CIA, 2008.

305. *Languages of Angola* // The Ethnologue.
306. *Laguna*, Asela Rodriguez-Seda de. Global impact of the Portuguese language. Newark, NJ: Transaction Publishers, 2001. P. 185.
307. *List of Countries by literacy rate* // United Nations Development Programme Report. N.Y.: United Nations, 2009. P. 171.
308. *Angola promises first real census in over 35 years by 2010* // MDGs in Africa // N.Y.: United Nations, Economic Commission for Africa, 2007.
309. *Oyebade, Adebayo*. Culture and customs of Angola. Santa Barbara, CA: Greenwood Press, 2007. P. 9.
310. *Pearson Project in Angola Launches Textbooks in Seven National Languages* // Press Release // London, UK: PRWEB, November 25, 2008.
311. *Statistical Summaries by world area* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue. 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
312. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue.
313. *Thirumalai, M.S.* (ed.) Language in India. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Vol. 3, 203.
314. *Article 341* (1): the Official Language of the Union. // India Constitution, 1998. New Dheli: Ministry of Law and Justice of India. July. 2008.
315. *Hohenthal, A.* “English in India. Loyalty and Attitude”. In: Language in India. Strength for Today and Bright Hope For Tomorrow. Edited by M.S. Thirumalai. Vol. 3. 2003.
316. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue. 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
317. *List of GDP per capita by country, 2008* // International Monetary Fund, 2009.
318. *Ли Куан Ю*. Сингапурская история: из «третьего мира» в «первый». М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. ISBN 5-9228-0165-1.
319. Там же. С. 98.
320. *World Competitiveness Yearbook, 1997* // The Institute of Management Development. Lausanne, Switzerland: IMD, 1998.
321. *Ig Nobel Prizes: Science Research that is Funny* // ArticleCat.com.
322. *Constitution of the Republic of Singapore*, Revised Edition, 1999. Singapore: The Government Printer, 2008.
323. *Singapore Statistics, 2009 Report* // Statistics Department of Singapore, 2009.
324. *Speak Mandarin Campaign – History and Background* // Singapore: Promote Mandarin Council, 2004.
325. *Ли Куан Ю*. Сингапурская история. С. 90–91.
326. Там же. С. 91.
327. Там же. С. 92.
328. Там же. С. 93.
329. Там же. С. 96.
330. *Singh, Priyanka*. Pearl of the Indian Ocean // The Tribune. August 10. 2003.
331. *Sri Lankan army and Tamil Tiger death tolls reveal grim cost of years of civil war* // Ft. com. 2009-05-23.
332. *Unlock the Camps in Sri Lanka: Safety and Dignity for the Displaced Now* // ASA 37/016/2009, Amnesty International, 10 August 2009.
333. *Singh, Priyanka*. “The genesis of the ethnic conflict”. In: “Pearl of the Indian Ocean” // The Tribune. Sunday. August 10. 2003.
334. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). The Ethnologue, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
335. *Ли Куан Ю*. Сингапурская история. С. 251–255.
336. Там же. С. 252.

337. *De Silva, P.L.* The growth of Tamil paramilitary nationalisms: Sinhala chauvinism and Tamil responses // *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 20, 1997. P. 97–118.
338. *Kearney, R.N.* Ethnic Conflict and the Tamil Separatist Movement in Sri Lanka // *Asian Survey*, 25(9), 1985. P. 898–917.
339. *Wilson, A.J.* *Sri Lankan Tamil Nationalism: Its Origins and Development in the Nineteenth and Twentieth Centuries*, London: Hurst & Co., 2000. P. 81–110.
340. *Ibid.* P. 102–103.
341. *Pfaffenburger, B.* The Cultural Dimension of Tamil Separatism in Sri Lanka // *Asian Survey* 21(11), 1981. P. 1145–1157.
342. *Sri Lanka Constitution, 1978* (Certified on 31 August 1978) // Ministry of Constitutional Affairs and National Integration of Sri Lanka.
343. *Twenty years on – riots that led to war* // BBC News. 23 July 2003.
344. *Geneva, 19 May 2009 – Joint Press Conference Held by UN Secretary General and World Health Organization Director-General* // United Nations, 19 May 2009.
345. *Council of the European Union, 2942nd General Affairs Council meeting, Conclusions on Sri Lanka* // Summary, Brussels: European Union, 18 May 2009.
346. *Chomsky.* Sri Lanka, a Rwanda-like major atrocity the West didn't care // *TamilNet*, 24 July 2009.
347. *Ли Куан Ю.* Сингапурская история. С. 252–253.
348. *United Nations Statistics Division – Countries of Oceania* // *Milleniumindicators.un.org.* (Internet resource).
349. *Pacific Islands* // Microsoft Encarta Encyclopedia Deluxe, 2001.
350. *Statistical Summaries by world area* // Lewis, M.Paul (Ed.). *The Ethnologue*, 16th Edition, Dallas, Texas: SIL International, 2009.
351. *Statistical Summaries by country.* 2009.
352. *Greenberg, Joseph H.* The Measurement of Linguistic Diversity // *Language* (Journal of Linguistic Society of America). Vol. 8, № 2, 2003.
353. *History of Pacific Islands* // *Encyclopaedia Britannica, Ultimate Reference Suite*, 2007.
354. *Бутинов, H.A.* Папуасы Новой Гвинеи. М.: РАН, 1968.
355. *Constitution of Independent State of Papua New Guinea* (Consol. To amendment № 22) // *Pacific Islands Legal Information Institute*. Retrieved 2009–07–06.
356. *Armitage, Lynne.* *Customary Land Tenure in Papua New Guinea: Status and Prospects.* Brisbane: Queensland University of Technology, 2005.
357. *Wardhaugh, Ronald.* *Pidgins and Creoles, An Introduction to Sociolinguistics.* (Fourth edition). Blackwell Publishing. P. 57–86.
358. *Statistical Summaries by Language Family* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*.
359. *Hymes, Dell.* *Pidginization and creolization of languages.* London: Cambridge University Press, 1971.
360. *Todd, Loreto.* *Pidgins and Creoles.* London: Routledge, 1990.
361. *Statistical Summaries by country* // Lewis, M. Paul (Ed.). *The Ethnologue*, *Ibid.*
362. *Nettle, Daniel and Romaine, Suzanne.* *Vanishing Voices: The Extinction of the World's Languages.* Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 9.
363. *Charter of the United Nations.* Article 111, Encarta Encyclopedia, Microsoft, 2001.
364. *Resolutions of the General Assembly of the United Nations:* 2 (I) of 1 February 1946, 2241 B (XXI) of 20th December 1966, 2292 (XXII) of 8 December 1967, 2359 B (XXII) of 19 December 1967, 2479 (XXIII) and 2480 B (XXIII) of 21 December 1968, 3189 (XXVIII), 3190 (XXVIII) and 3191 (XXVIII) of 18 December 1973 and 43/224 D of 21 December 1988, 50/11 of 3 November 1995.

365. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 50/11. Многоязычие, 49 пленарное заседание, 2 ноября 1995.

366. UNESCO. Resolution 12 of the General Conference on the Implementation of a language policy for the world based on multilingualism, 2 November 2001.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава 1. ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА</i>	3
1.1. Глобальная информационная революция и угроза культурному и языковому разнообразию планеты.....	3
1.2. Концептуальный сдвиг в отношении к культурному и языковому разнообразию мира.....	9
1.3. Эволюция отношения к языковым и культурным правам малых народов.....	13
1.4. Деятельность ЮНЕСКО по развитию и поддержанию культурного и языкового наследия мира.....	16
<i>Глава 2. КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА</i>	23
2.1. Изменения в представлениях о языковом и культурном наследии планеты.....	23
2.2. Многоязычие как способ языковой организации мира.....	25
<i>Глава 3. МНОГоязычие и общество. ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДНОЯзычного МЕНТАЛИТЕТА В ЕВРОПЕ</i>	32
3.1. Общественное и государственное многоязычие в Европе.....	33
3.2. Европейский опыт государственной поддержки многоязычия: Швейцария и Норвегия.....	34
3.3. Языковое и культурное противостояние в Бельгии.....	36
3.4. Европейское сотрудничество в построении многоязычного и поликультурного общества.....	44
3.5. Языки меньшинств: от политики ассимиляции к признанию как языковых и культурных ресурсов.....	47
<i>Глава 4. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГоязычие НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ</i>	52
4.1. Многоязычные общества Северной Америки: Соединённые Штаты и Канада.....	53
4.2. Многоязычные общества Латинской Америки.....	61
4.2.1. Мексика: путь к признанию коренных языков и культур.....	63
4.2.2. Поликультурность и двуязычие Парагвая.....	70
4.2.3. Роль португальского языка в многоязычном обществе Бразилии.....	74
<i>Глава 5. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГоязычие В АФРИКЕ</i>	86
5.1. Многоязычные общества Северной Африки.....	88
5.1.1. Многоязычный Египет: арабизация и этнокультурная идентичность.....	90
5.1.2. Особенности многоязычных и поликультурных обществ Большого Магриба.....	94
5.2. Африка южнее Сахары: самый многоязычный регион в мире.....	98
5.2.1. Проблемы языковой деколонизации в Африке.....	101
5.2.2. Особенности многоязычной ситуации в англоговорящих странах Африки южнее Сахары.....	108
5.2.2.1. Западная Африка: Федеративная Республика Нигерия.....	109
5.2.2.2. Восточная Африка: Танзания, Кения и Уганда.....	121
5.2.2.3. Южная Африка: Южно-Африканская Республика.....	134
5.2.3. Многоязычие в странах франкоговорящей Африки южнее Сахары.....	141

5.2.3.1. Франкофонные страны с бельгийским языковым наследием: Демократическая Республика Конго, Руанда и Бурунди	142
5.2.3.2. Франкоговорящие страны Африки южнее Сахары с французским колониальным наследием	152
5.2.4. Страны португалоговорящего мира Африки южнее Сахары	162
5.2.4.1. Мозамбик: разрыв между официальной языковой политикой и реальностью	164
5.2.4.2. Ангола: последствия языковой ассимиляции	168
<i>Глава 6. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ</i>	
В СТРАНАХ АЗИИ	174
6.1. Языковые проблемы многоязычного общества Индии	174
6.2. Роль языковой и культурной политики в «экономическом и политическом чуде» Сингапура	177
6.3. Шри-Ланка: последствия отказа от языкового и культурного плюрализма	186
<i>Глава 7. МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОКЕАНИИ: САМЫЕ МНОГОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩЕСТВА</i>	
В МИРЕ	194
7.1. Центр языкового и культурного разнообразия мира: Папуа-Новая Гвинея	196
7.2. Многоязычные общества Вануату и Соломоновых островов	199
<i>Глава 8. МНОГОЯЗЫЧИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ</i>	201
8.1. Переход от односторонних к многосторонним и глобальным межгосударственным отношениям: Гаагские конференции и Лига Наций	201
8.2. Организация Объединенных Наций и становление принципа многоязычия в международных отношениях	202
ЛИТЕРАТУРА	204

Научное издание

СМОКОТИН Владимир Михайлович

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Редактор *Н.А. Амелянчик*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 20.11.2010 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 16,0; уч.-изд. л. 15,2; усл. печ.л. 14,9. Тираж 500 экз. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого 28